

человек загадка

Людмила
ПОЛИКОВСКАЯ

РУССКИЙ
ПОЭТ
И ХУЛИГАН

ЕСЕНИН

Людмила Владимировна Поликовская

Есенин. Русский поэт и хулиган

Если попытаться назвать «самого русского», «самого крестьянского», «самого бесшабашного» поэта, то имя Сергея Есенина всплывает само собой. Его жизнь была короткой и яркой; его смерть до сих пор вызывает ожесточенные споры. В личности Есенина, пожалуй, как ни в ком другом, нашли отражения все противоречия эпохи, в которую он жил. Может быть, именно поэтому, по словам философа, писателя и поэта Юрия Мамлеева, «если в двадцать первом веке у нас в России сохранится такая же глубокая любовь к поэзии Есенина, какая была в двадцатом веке, то это будет явным знаком того, что Россия не умерла».

Содержание

«У меня отец — крестьянин, ну а я — крестьянский сын»	0005
«На московских изогнутых улицах...»	0013
Анна Изряднова. Георгий Есенин	0024
«Славу надо брать за рога»	0029
«Апостол нежный Клюев / Нас на руках носил»	0035
«Чую радуницу Божью»	0041
«Иные в сердце радости и боли». Ратник 2-го разряда	0045
«Скифы»	0051
«Февральская метель». Зинаида Райх	0054
Я — большевик? Орден имажинистов	0063
«Я валяю дурака / В молодости звонкой»	0070
«Трубит, трубит погибельный рог!». «Пугачев»	0076
Иван-царевич + Жар-птица = сказка	0080
Иван-царевич в Европе	0089
«Я разлюбил нищую Россию»	0099
Был ли Есенин антисемитом?	0106
«Снова пьют здесь, дерутся и плачут»	0112
Гагина Бениславская	0130
«Я собираю пробки / Душу свою затыкать»	0138
Моя встреча с Есениным (вставная новелла)	0147
«В своей стране я словно иностранец...»	0150
«Никогда я не был на Босфоре...»	0154
Софья Андреевна Толстая. Персия в Баку. Ссора с Галиной Бениславской	0159
«Бежать? Куда?»	0166
Ржавый желоб и кастальская вода	0168
«Прозревшие вежды закрывает одна лишь смерть»	0174
Приложение Венок Сергею Есенину	0183
Лев Троцкий Памяти Сергея Есенина	0183
М. Осоргин «Отговорила роца золотая...»	0185
Игорь Северянин	0187
Марина Цветаева	0188
Хроника жизни и творчества Сергея Александровича Есенина (1895–1925)	0188

Людмила Поликовская

Есенин. Русский поэт и хулиган

Прекрасно и благородно в Есенине то, что он был бесконечно правдив в своем творчестве и перед своей совестью, что во всем доходил до конца, что не побоялся сознать ошибки, приняв на себя и то, на что соблазнили его другие, — и за все захотел расплатиться ценой страшной.

В. Ходасевич

Стихи Есенина, как всякие стихи, состоят из разных «пэонов, пиррихийев, анакруз»... Конечно, и их можно под этим углом взвесить и разобрать. Но это вообще скучное занятие, особенно скучное, когда в ваших руках книжка Есенина. Химический состав весеннего воздуха можно тоже исследовать и определить, но... насколько естественней просто вдохнуть его полной грудью...

Г. Иванов

...если в двадцать первом веке у нас в России сохранится такая же глубокая любовь к поэзии Есенина, какая была в двадцатом веке, то это будет явным знаком того, что Россия не умерла.

Ю. Мамлеев

«У меня отец — крестьянин, ну а я — крестьянский сын»

«Родился в 1895 году 21 сентября в семье крестьянина», — писал Есенин в своих анкетах и автобиографиях. Ату его! Ату! Врет! Врет! Врет! — кричат некоторые наши уважаемые литературоведы. Какой он, к черту, крестьянский сын, если отец его с 12 лет жил в Москве, бывая в деревне только наездами. (Конечно, таких выражений наши «веды» себе не позволяют, они изъясняются «научно» — «слагает миф о себе».)

Александр Никитич Есенин никогда не переставал быть крестьянином, как не перестает быть крестьянином тот, кто занимается отхожим промыслом. Он всегда был связан с селом самыми тесными узами: там жила его жена, там росли все его дети, там оставались его родители. Деревенские заботы всегда были его заботами. Психология всегда оставалась крестьянской. В 1918 г. он вернулся в деревню и прожил там до самой своей смерти в 1931 г. Но главное же даже не в этом: сословная принадлежность, так же, как и национальность, в значительной степени вопрос самоидентификации. Сергей Александрович Есенин, родившийся и выросший (до 17 лет) в сельской местности, считал себя крестьянским сыном. И никто не вправе ему в этом отказать.

Он жил и воспитывался в основном в доме деда по матери, Федора Андреевича Титова, в селе Константинове. Детство будущего «русского пиита» было типичным детством крестьянского мальчика, описанного еще Пушкиным и Некрасовым. Правда, тяжелого крестьянского труда он не знал — не было особой надобности, да и дед, и бабка, и три его дяди — сыновья Федора Андреевича — каждый по-своему, но все очень любили Сережу. «Зимой [...] катались с гор, пока не окоченеет, и под носом не образуются сосульки». Летом — река (Сережа плавал отлично, один из дядьев обучил его варварским, но очень действенным способом — просто бросил трехлетнего малыша в Оку), ловля раков, рыбы, «...играли в пряталки, скакали на палочках-лошадях (впрочем, у любимца семьи Сережи был и «настоящий» деревянный конь — дорогая по тем временам игрушка. — Л. П.), лазали по деревьям, разоряя птичьи гнезда [...] целыми днями бродили по холмам, оврагам и косорогам, захватив с собой по краюхе хлеба и по головке лука с солью. Особенно увлекались мы хождением в луга за клубникой, купырями[1] и скородой[2], которые в изобилии росли в константиновских лугах. Шарили и шныряли по кустам в поисках утиных яиц, причем строго соблюдали существовавший порядок — насыженных не брать», — вспоминает друг детства Есенина Мамонов.

А вот отрывок из воспоминаний сестры Есенина Екатерины: «... настала сенокосная пора. Это самая горячая и самая веселая работа. Первыми на сенокос отправляются мужики, переводятся лошади, запряженные в телеги. На телегах прокосные домики — шалаши [...] В течение всего сенокоса мужики и мальчишки живут в лугах в этих шалашах и домой не приезжают. [...] Самое веселое — это послеобеденное время. Шутки, смех, песни, пляски, купание молодых. [...] Ни на какой другой работе не проводится короткий отдых так весело, как на сенокосе, и усталь нигде не проходит так быстро».

*Я люблю над покосной стоянкою
Слушать вечером гул комаров.*

*И как гаркнут ребята тальянкою,
Выйдут девки плясать у костров.
Загорятся, как черна смородина,
Угли-очи в подковах бровей.
Ой ты, гой, Русь моя, милая родина,
Сладкий отдых в шелку купарей.*

Соревнование на лучшего косца, если бы таковое состоялось, Есенин вряд ли бы выиграл. Но поэзию деревенского труда — сполна — впитал в себя с детства и пронес через всю жизнь.

«Приятственны наши места», — скажет поэт в «Анне Снегиной». «Приятственны» — Есенин всегда выбирал эпитеты неброские. Но берега Оки, особенно близ Рязани, поистине сказочны, в средней России, пожалуй, ничто не может сравниться с ними по — завораживающей — красоте. И после того как Есенин побывает в Европе, Америке, на Кавказе, они не утратят свою колдовскую власть над ним.

Быт в доме деда, да и во всем Константинове был буквально пронизан религией и пропитан фольклором. По воспоминаниям современников, у Титова «десять икон были в два ряда во весь угол [...] Молились каждый раз перед тем, как сесть за стол».

«Часто собирались у нас дома слепцы, странствующие по селам, пели духовные стихи о прекрасном Лазаре, о Миколе и о Женихе, светлом госте из града неведомого» — это уже вспоминает сам Есенин. И в той же автобиографии, написанной за полтора года до смерти: «Первые мои воспоминания относятся к тому времени, когда мне было три — четыре года. Помню: лес, большая канавистая дорога. Бабушка идет в Радовецкий монастырь, который от нас верстах в 40. Я, ухватившись за ее палку, еле волочу от усталости ноги, а бабушка все приговаривает: «Иди, иди, ягодка, Бог счастье даст».

Вся жизнь села, как вспоминает А.А. Есенина — младшая сестра поэта, была связана с церковью, стоящей в центре деревни, с колокольным звоном. «Зимой, в сильную метель, когда невозможно выйти из дома, раздаются редкие удары большого колокола. Сильные порывы ветра разрывают и разбрасывают его мощные звуки. Они становятся дрожащими и тревожными, от них на душе тяжело и грустно. И невольно думаешь о путниках, застигнутых этой непогодой в поле или в лугах и сбившихся с дороги. Это им, оказавшимся в беде, посылает свою помощь этот мощный колокол. [...]. В воскресные и праздничные дни этим колоколом сзывали народ к обедне и всенощной».

Жителям села Константинова повезло со священником. Отец Иоанн (Смирнов) был человек довольно образованный, много читал, имел свое собрание книг, из года в год выписывал «Ниву» с литературными приложениями и газету «Русское слово», а главное — подлинный христианин. «На престольную Казанскую в его доме собирались человек двести. В другой раз приведет к себе калек и нищих и скажет дочери Капе или еще кому из домашних: «Это братья наши, призрите их, накормите их. Есть что в доме, нет — этого он не спрашивал. [...] Открыто, нараспашку жил, без лукавства... Бывало ходил по избам по праздникам: отслужит молебн, а в доме ничего нет, хозяевам неловко... А он только рукой махнет: «А-а, опосля отдашь...» (из воспоминаний, собранных А. Панфиловым). В доме о. Иоанна Сергей познакомился с учительницей В. Сардановской и ее дочерьми — Серафимой и Анной. Анна станет первым — еще

детским — увлечением Есенина.

Однажды Анна и Сергей, держа друг друга за руки, прибежали в дом священника и попросили бывшую там монашенку разнять их. «Мы любим друг друга и в будущем даем слово жениться. Разними нас, пусть, кто первым изменит и женится или выйдет замуж, того второй будет бить хворостиной». (Первым нарушит обещание, конечно же, Есенин, но бит хворостиной не будет.)

Сергей прислуживал отцу Иоанну в алтаре, однако истово религиозным, склонным к мистике не был никогда. Из мальчишеского озорства однажды даже совершил поступок вполне кощунственный. Захотелось сделать бумажного змея, а бумаги под рукой не оказалось, тогда не мудрствуя лукаво он вынул из-под образов картину с изображением Страшного суда и смастерил из нее змея. За что и был избит — редкое наказание для всеобщего любимца.

«В Бога верил мало», — вспоминал Есенин уже в 1923 г. Точнее, наверное, было бы — о Боге задумывался мало. Но в том же 1923 г. он скажет всю правду, как всегда, в стихах: «Стыдно мне, что я в Бога верил, / Горько мне, что не верю теперь».

Если в церковь он ходил без особой охоты, то в народных, еще от язычества оставшихся праздниках: колядование под Новый год, Масленица — участвовал с удовольствием. «По вечерам на Масленицу у нас катались с огнями. Натаскают из риги снопы, зажгут и едут. Ну, вот что же, ребяшня старается из чужих риг натаскать, а Сергей — из своей» (из воспоминаний односельчанина).

Любил хороводы, которые водили деревенские девушки. Любил слушать пение косарей на покосах, народные песни, которые пела его мать — неграмотная, она обладала прекрасной памятью и сильным, красивым голосом. «Дедушка пел мне песни старые, такие тягучие, заунывные. По субботам и воскресеньям он рассказывал мне Библию и священную историю», «нянька старуха-приживальщица, которая ухаживала за мной, рассказывала мне сказки, все те сказки, которые слушают и знают все деревенские дети». А по вечерам — «бабушкины сказки». И если они были с несчастливym концом, Сергей их переделывал на свой лад.

Словом, раннее детство Сергея Есенина мало отличалось от детства крестьянского ребенка сто лет назад, о котором мы знаем по произведениям классиков: Пушкина, Некрасова...

Пожалуй, единственное, что отличало село времен детства Есенина от российских сел времен Некрасова, — это наличие школы. На рубеже XIX–XX вв. просвещение в России шло громадными темпами. Начальная школа (земское училище) в Константинове была очень неплохой. Кроме Закона Божьего, чтения, письма, арифметики преподавали географию и русскую историю. Причем довольно подробно и в соответствии с научной мыслью того времени. На стенах висели карты. Имелась в школе и библиотека, правда небольшая, но почти всю русскую классику можно было там получить. Первый учитель Есенина — Павел Иванович Иванов — был человеком строгим, взыскательным, но знания ученики получали основательные. Он играл на скрипке, создал в школе хор. В 1907 г. его уволили из-за «политической неблагонадежности» и арестовали. На смену ему пришла чета Власовых. С сохранившихся фотографий Власовых на нас смотрят умные, интеллигентные лица. Иван Матвеевич Власов вообще больше похож на врача или на адвоката, чем на сельского учителя начальной школы. (Увы, сейчас в селах не встреча-

ются такие лица, нам, во всяком случае, не попадались никогда.) Любопытного озорного весельчака Есенина Власовы любили, хотя и держали в строгости. Дома он занимался мало, но учился много лучше других ребят.

Закон Божий преподавал все тот же отец Иоанн. «У него учеба была одно удовольствие, — вспоминает односельчанин Есенина. — Во-первых, у него были картинки, во-вторых, он был красноречив, в-третьих, на его уроках ученики чувствовали себя значительно свободнее, чем у других учителей». Уже навсегда уехав из села, в 1913 г., Есенин пошлет ему свою фотографию и на обороте — поздравление с днем именин.

В третьем классе Есенина оставили на второй год. Как объясняет его сестра Шура, «за шалости», и при этом добавляет, что учился Сергей всегда хорошо. Какие же такие «шалости» надо было совершить, чтобы хорошего ученика оставили на второй год? Никогда не узнаем.

Закончил Есенин училище с похвальным листом «за весьма хорошие успехи и отличное поведение». Правда, наши дотошные «веды» докопались: похвальный лист выдавался всем закончившим училище. Возможно. Тем более, что поступали более сотни, а заканчивали училище всего несколько десятков человек.

После окончания четырехклассной школы на семейном совете было принято решение: Сергей должен продолжить образование. Остановились на церковно-учительской школе в селе Спас-Клепики под Рязанью. «Родные хотели, чтобы из меня вышел сельский учитель», — вспоминал впоследствии Есенин. Но, скорее всего, была и еще одна причина: обучение в Спас-Клепиковской школе было дешево: платить надо было только за интернат и за обед, состоящей из щей и каши. (Еду на завтрак и ужин учащиеся привозили с собой.) Содержать там ребенка было дешевле, чем вырастить дома поросенка.

В школе преподавались: Закон Божий; история церковная, общая и отечественная; церковное пение; русский язык; церковнославянский язык; география в связи со сведениями о явлениях природы; арифметика; геометрическое черчение и рисование; дидактика; начальные практические сведения по гигиене; чистописание.

Вступительные экзамены — по русскому языку, математике, чтению, каллиграфии — Сергей выдержал успешно и в конце августа 1909 г. был зачислен в школу. После привольной жизни всеобщего любимца в родном доме подростку нелегко было привыкнуть к казенной обстановке интерната. Ученики всех классов размещались в одной комнате, около 40 железных кроватей. «Кровати были [...] узенькие, стояли по две вплотную, а между ними прокладывалась дощечка (теснина), чтобы не перекатываться друг к дружке. Одеяла были тонкие из шинельного сукна, цвета серого. [...] В спальне мы ставили в изголовье свои сундучки, около стенки, на них мы обычно сидели. Койки стояли от стены до стены рядами по 2», — вспоминает один из учеников.

Согласно правилам для второклассной школы, утвержденным Святейшим Синодом, «все учащиеся обязательно присутствуют за утренней и вечерней молитвами, а в воскресенье и праздничные дни за богослужением всенощным или утренним и Литургией и участвуют в чтении и пении. Все учащиеся соблюдают установленные Церковью посты и не менее двух раз в год — на одной из седмиц Великого и Рождественского постов — говеют и исполняют долг исповеди и святого Причастия». Учащиеся Спас-Клепиковской школы по-

могали во время богослужения в местной церкви. Несмотря на то что школа готовила учителей, а не священников, батюшка говорил: «Пригодится, а может, кто из вас пойдет в священники».

Неудивительно, что через полгода такой жизни Есенин не выдержал — сбежал в родное село, «...я страшно скучал по бабке и однажды убежал домой за 100 с лишним верст пешком. Дома выругали и отвезли обратно».

Но не всё в Спас-Клепиках было казенно. Ученикам предлагались довольно серьезные темы для самостоятельных работ, требующие самостоятельного мышления. Например, «Отличие сказки от былины», «Нравственные качества учителя при обращении с детьми», «Сравнение времен года с возрастами человека». В школе имелась библиотека не только с церковной, но и со светской литературой. Не заказано было пользоваться и библиотекой земской — она находилась в двух километрах от школы.

В школе у Есенина появился закадычный друг — Гриша Панфилов. Он жил в Спас-Клепиках, поэтому интернат ему был не нужен. В его просторном, уютном доме часто собирались товарищи Гриши. «Зимними вечерами засиживались они [...] допоздна. Пели, играли, танцевали, а иногда сидели тихо, кто-либо читал, другие слушали, потом начинали беседовать между собой, горячо убеждать в чем-то друг друга», — вспоминает мать Гриши. Сережу Есенина она любила особенно — видела, как он тоскует по дому, по материнской ласке.

Среди тех, кто читал в доме Панфилова, был, конечно, и Сергей Есенин. Слагать рифмованные фразы он начал лет в восемь-девять. Почти ничего из этих самых ранних стихов Есенина до нас не дошло, да и не могло дойти — он их не записывал. Только отдельные строчки сохранились в памяти односельчан — ровесников Есенина.

*Щука в рака вцепилась,
На нем кататься училась.*

Этот экспромт относится к 1906–1907 гг.

И вот еще, написанное (точнее, созданное) почти в то же время:

*Есть в селе-то у нас барин
По фамилии Кулак,
Попечитель нашей школы,
По прозванию дурак.*

Это стихотворение (частушка?), как и некоторые другие ранние стихи Есенина, написано к случаю. Тройродный брат Есенина Николай Иванович Титов вспоминает: «Местный помещик Кулаков, бывший крестьянин, разбогатевший на домах Хитрова рынка, был не в ладу с крестьянами и пренебрегал их детьми. Возможно, в ответ на арест Александра Ивановича Иванова, первого учителя Есенина, которого жандармы увезли прямо с урока, Есенин организовал ватагу ребят, они направились к дому Кулакова. Ясно вижу Сергея — мальчика в шубенке, крытой черным полусукном, немного сутуловатого, идущего впереди ватаги ребят человек в тридцать и распевającego под окном школьного попечителя стихи собственного сочинения».

Так что слова из автобиографии Есенина: «Влияние на мое творчество в самом начале (курсив наш. — Л. П.) имели деревенские частушки» — вовсе не «миф».

Другое дело, что «сознательное свое творчество» Есенин относил к 16–17 годам. По календарю это были 1911–1912 гг. «Смотришь, бывало, все сидят в классе вечером и усиленно готовят уроки, буквально их зубрят, а Сережа где-либо в уголке класса сидит, грызет свой карандаш и строчка за строчкой сочиняет задуманные стихи, — вспоминал его соученик А. Аксенов. — В беседе спрашиваю его: «А что, Сережа, ты в самом деле хочешь быть писателем?» — Отвечает: «Очень хочу». — Я спрашиваю: «А чем ты можешь подтвердить, что ты будешь писателем?» — Отвечает: «Мои стихи проверяет учитель Хитров, он говорит, что мои стихи неплохо получаются».

Какие же стихи нравились учителю литературы Е. Хитрову? Вот одно из них:

Звезды

*Звездочки ясные, звезды высокие!
Что вы храните в себе, что скрываете?
Звезды, таящие мысли глубокие,
Силой какою вы душу пленяете?*

*Частые звездочки, звездочки тесные!
Что в вас прекрасного, что в вас могучего?
Чем увлекаете, звезды небесные,
Силу великую знания жгучего?*

*И почему так, когда вы сияете,
Маните в небо, в объятья широкие?
Смотрите нежно так, сердце ласкаете,
Звезды небесные, звезды далекие!*

Конечно, это еще не «есенинское» стихотворение, юный поэт говорит еще не своим голосом. Чувствуется влияние модного тогда поэта С. Надсона. Но сельского учителя оно «поразило», его расхвалил и епархиальный наблюдатель И. Рудинский и, конечно же, лучший друг — Гриша Панфилов. Е. Хитров даже заверил Сергея, что это стихотворение (вкупе с другими подобными) можно напечатать. Неудивительно, что такие заверения вскружили голову шестнадцатилетнему подростку и он какое-то (весьма недолгое) время продолжает работать в этом ключе. Из чего, однако, не следует, что все написанное в эти годы написано в духе «Звезд» и что Есенин, говоря о влиянии фольклора на его раннее творчество, говорит неправду. Всего мы не знаем. По той простой причине, что Есенин записывал и сохранял только то, к чему он тогда относился серьезно. Известно, однако, что он продолжал сочинять частушки на случай и почти все записки друзьям писал в стихах. Они не сохранились, но, думается, именно эти «несерьезные» тексты были гораздо интереснее, тех, которыми тогда гордился Есенин. (Случай довольно распространенный в истории литературы.)

Готовя в 1925 г. собрание своих произведений, Есенин включил туда несколько стихотворений, помеченных 1910 г., и еще под несколькими, ранее неизвестными, проставил даты — 1911-й и 1912 г. По поводу этих датировок мнения исследователей расходятся. Крайние точки зрения: эти стихи в 1925 г. и написаны, Есенин намеренно ставит ложные даты; и другая — Есенин лучше нас знал, когда что он написал, и никто не имеет права ему не верить. Мы же настаиваем только на одном: никакими сознательными фальсификация-

ми Есенин не занимался. Все мемуаристы вспоминают, что он приходил в Госиздат (где шла подготовка «Собрания») почти всегда пьяным, путал даты, то называл одни, то другие. Но совершенно невозможно, чтобы написанное совсем недавно он отнес к произведениям пятнадцатилетней давности. Ошибиться на несколько лет — другое дело. Действительно, вряд ли эти даты верны (известные нам стихи 1910–1911 гг. еще не «есенинские»). Но в 1914 — начале 1915 г. поэт Сергей Есенин уже состоялся. Думается, что по крайней мере некоторые из этих стихов предназначались для его первого сборника «Радуница», но по каким-то причинам не вошли в него.

Вот доводы тех, кто готов обвинить Есенина во всех смертных грехах, — эти стихи никогда не были напечатаны, автографов не сохранилось, и никто из мемуаристов не вспоминает, что слышал их в исполнении автора. А вот это уже не совсем правда: по крайней мере одно из них — «Выткнулся на озере алый цвет зари...» — было опубликовано в журнале «Млечный путь» в 1915 г. Автографов у постоянно бездомного Есенина вообще сохранилось немного. Наконец, он мог и сознательно уничтожить эти стихи как не удовлетворившие его, а потом забыть об этом и восстановить по памяти.

Главное же: зачем нужна была Есенину в 1925 г. мистификация такого рода? «Миф» о крестьянине-самородке мог помочь в начале творческого пути. Но в 1925 г. Есенин — «известный, признанный поэт». Что могли добавить к его славе еще несколько стихотворений, пусть и помеченных 10—12-ми годами? Тем более что есть свидетельство последней жены поэта Софьи Толстой-Есениной: «Считая их (те стихи, которые открывали «Собрание стихотворений». — Л. П.) слабыми, он не хотел включать их в «Собрание». Согласился напечатать стихи только благодаря просьбе своих близких».

Однако вернемся в 1911 г. В конце декабря этого года Есенина постигает первое в его жизни большое горе — смерть любимой бабушки Натальи Евтихиевны Титовой. (В действительности, это она, а не мать Есенина, «выходила часто на дорогу/ В старомодном ветхом шушуне[3]» встречать любимого внука.) Сергей, по случаю рождественских каникул, как раз был в Константинове.

Весной 1912 г. Есенин заканчивает школу. «Период учебы не оставил на мне никаких следов, кроме крепкого знания церковнославянского языка. Это все, что я вынес» (из автобиографии 1924 г.).

Главный соперник и антагонист Есенина на поэтическом Олимпе Владимир Маяковский в своей автобиографии рассказывает, как он чуть не провалился на вступительном экзамене в гимназию, потому что не мог перевести старославянское слово «око». И со свойственным ему ерничаньем добавляет: «С тех пор ненавижу все древнее, все церковное и все славянское». Не знать этих строк Есенин не мог. И вот тут-то можно сказать: Есенин в противовес Маяковскому создает свой миф — а я, мол, еще со школы люблю все церковное и все славянское. На самом же деле единственная тройка в свидетельстве об окончании Спас-Клепиковской школы по... церковнославянскому языку.

Лето 1912 г. (точнее, первая его половина) стало последним летом Есенина в Константинове. На семейном совете было решено: Сергей поедет продолжать образование в Москву, поступит в учительский институт.

А пока «он погружался в свои книги и ничего не хотел знать. Мать и добром и ссорами просила его вникнуть в хозяйство, но из этого ничего не вышло» (из воспоминаний сестры поэта Екатерины).

В последний месяц пребывания Сергея в Константинове в его жизни произошло знаменательное событие. Пусть расскажет об этом сам Есенин: «Перед моим отъездом недели за две-три у нас был праздник престольный, к священнику съехалось много гостей на вечер. Был приглашен и я. Там я встретился с Сардановской Анной [...]. Она познакомила меня со своей подругой (Марией Бальзамовой). Встреча эта на меня так подействовала, потому что после трех дней она уехала и в последний день в саду просила меня быть ее другом. Я согласился. Эта девушка тургеневская Лиза («Двор[янское] гн[ездо]») по своей душе. И по всем качествам, за исключением религиозных воззрений. Я простился с ней, знаю, что навсегда, но она не изгладится из моей памяти при встрече с другой такой же женщиной», — писал Есенин Грише Панфилову.

Перед отъездом Мария Бальзамова передала Есенину письмо с условием, что оно будет прочитано после их расставания. Это письмо, как и все письма Бальзамовой, до нас не дошло. (Впрочем, как и большинство других писем, адресованных Есенину, — при его образе жизни хранить архив было практически невозможно.)

Незадолго до (или вскоре после) отъезда Бальзамовой из села сестры Сардановские — вероятно, в отместку за «измену» Есенина — стали недобро подтрунивать над чувствами молодых людей друг к другу, а может быть, и распускать грязные сплетни. Есенин отреагировал крайне болезненно — попытался отравиться. Лишь через несколько месяцев он решится рассказать Бальзамовой о том, что он сделал с собой. «Милая, милая Маня. Ты спрашиваешь меня о моем здоровье, я тебе скажу, что чувствую себя неважно, очень больно ноет грудь. Да, Маня, я сам виноват в этом. Ты не знаешь, что я сделал с собой, но я тебе открою. Тяжело было, обидно переносить все, что сыпалось по моему адресу. Надо мной смеялись, потом и над тобой. Сима открыто кричала: «Приведите сюда Сережу и Маню, где они?» Это она мстила мне за свою сестру. [...] Я, огорченный всем после всего, на мгновение поддался этому и даже почти сам признал свое ничтожество. И мне стало обидно на себя. Я не вынес того, что про меня болтали пустые языки, и... и теперь от того болит моя грудь. Я выпил, хотя и не очень много, эссенции. У меня схватило дух и почему-то пошла пена. Я был в сознании, но передо мной немного все застилалось какою-то мутной дымкой. Потом, я сам не знаю почему, вдруг начал пить молоко, и все прошло, и никто ничего-ничего не узнал.

Конечно, виноват я и сам, что поддался лживому ничтожеству, и виноваты и они со своею ложью. [...] Обнимаю тебя, моя дорогая! Милая, почему ты не со мной и не возле меня. Сережа». Зафиксируем: в 17 лет первая попытка самоубийства.

Это письмо отправлено уже из Москвы, куда Есенин приехал в конце июля 1912 г. Детство и отрочество кончились.

«На московских изогнутых улицах...»

В Москве Есенин останавливается у отца, который служил мясником у купца Н. В. Крылова и жил в доме для его служащих.[4]

Александр Никитич определил сына на службу к Крылову в качестве конторщика, «...в конторе, — напишет позже А.А. Есенина, — Сергей проработал всего лишь одну неделю. Ему не понравились существующие там порядки. Особенно он не мог примириться с тем, что, когда входила хозяйка, все служащие должны были вставать. Сергей вставать не захотел, разругался с хозяйкой и ушел. У него к тому времени было написано много стихов, и он хотел быть настоящим поэтом». В учительский институт, как сообщает сам Есенин, к счастью, он не попал. Но никаких документов, свидетельствующих о том, что он пытался туда поступить, не существует. Скорее всего, и не пытался. Не хотел. Ибо хотел совсем другого: «быть настоящим поэтом».

Екатерина Есенина вспоминает: «Отец наш был очень недоволен его [Сергея] желанием стать поэтом. Он, как умел, уговаривал его не лезть в писательскую компанию. «Дорогой мой, — говорил отец. — Знаю я Пушкина, Гоголя, Толстого и скажу правду. Очень хорошо почитать их. Но видишь ли? Эти люди были обеспеченные. Посмотри, ведь, и все помещики. Что ж им делать было? Хлеб им доставать не надо. На каждого из них работало человек по 300, а они, как птицы небесные, не сеют, не жнут... Ну где же тебе тягаться с ними?» — «А Горького ты знаешь?» — спросил Сергей. «Мало читать пришлось, но знаю, писатель знаменитый. Знаю, что из простых, таких богатырей раз два и обчелся. А ты спроси его, Горького, счастлив ли он. Уверен, что нет. Он влез в чужое стадо и как белая ворона среди них, потому его и видно всем. Страшная вещь одиночество. А он одинок. Не наша это компания, писатели. Будь ближе к своим, не отставай от своего стада, легче жить будет». Сергей улыбнулся и, вставая из-за стола, сказал, сощутив глаза: «Посмотрим». «Вот детина уродилась, хоть кол на голове теши, а он все свое», — сердито сказал отец, когда Сергей ушел».

Присутствовать при этом разговоре Екатерина Александровна не могла — она жила тогда в Константинове. Но если такой (или подобный) диалог отца с сыном все-таки имел место, то, надо сказать, что Александр Никитич был не только любящим отцом, но умным и проницательным человеком. Он предсказал судьбу Сергея: одиночество, вечное ощущение себя не в своей тарелке («Нет любви ни к деревне, ни к городу»), жизнь мало сказать нелегкая, — трагическая. Но «детина уродилась» поэтом. И сбить его с этого пути не смогут ни родные, ни любящие женщины, ни «мечь врагов и клевета друзей», никакие жизненные обстоятельства.

Но каким же поэтом хотел стать семнадцатилетний Есенин? Народным. В обоих значениях этого слова: поэт пишущий о народе, болеющий его болями (иначе говоря, поэт гражданской тематики), и поэт, которого знает и любит народ. (Широкая известность в узких кругах не привлекала его никогда.)

Идеалы молодого Есенина наиболее четко выражены в стихотворении «Поэт», написанном еще в Спас-Клепиках:

*Он бледен. Мыслит страшный путь.
В его душе живут виденья.
Ударом жизни вбита грудь.*

А щеки выпили сомненья.

*Клоками сбиты волоса,
Чело высокое в морщинах,
Но ясных грез его краса
Горит в продуманных картинах.*

*Сидит он в тесном чердаке,
Огарок свечки режет взоры,
А карандаш в его руке
Ведет с ним тайно разговоры.*

*Он пишет песню грустных дум.
Он ловит сердцем тень былого.
И этот шум... душевный шум....
Снесет он завтра за целковый.*

Что и говорить, слабое стихотворение. Подражательное. Но только по форме. По существу же глубоко искреннее. Подтверждением тому — одно из первых писем отправленных уже из Москвы Грише Панфилову: «Хочу писать «Пророка»[5], в котором буду клеймить позором слепую, увядшую в пороках толпу. [...] Отныне даю тебе клятву. Буду следовать своему «Поэту». Пусть меня ждут унижения, презрения и ссылки. Я буду тверд, как будет мой пророк, выпивающий бокал, полный яда, за святую правду с сознанием благородного подвига».

Слишком пафосно? Но это с нашей сегодняшней точки зрения. Исторический, да и личный опыт взрослого человека XXI века учит не доверять пафосу. Но душа семнадцатилетнего деревенского паренька еще не затронута цинизмом.

Что такое «душевный шум», Есенин знал уже хорошо. «... глядишь на жизнь и думаешь: живешь или нет? Уж очень она протекает-то однообразно, и что новый день, то положение становится невыносимее, потому что все старое становится противным, жаждешь нового, лучшего, чистого, а это старое-то слишком пошло. Ну ты подумай, как я живу, я сам себя даже не чувствую. «Живу ли я или жил ли я?» — такие задаю себе вопросы после недолгого пробуждения. Я сам не могу придумать, почему это сложилась такая жизнь, именно такая, чтобы жить и не чувство[ва]ть себя, т. е. своей души и силы, как животное. Я употреблю все меры, чтобы проснуться. Так жить — спать и после сна на мгновение сознаваться, слишком скверно. Я [...] не читаю, не пишу пока, но думаю» (из письма Грише Панфилову в начале августа 1912 г.)

Письма Есенина к Марии Бальзамовой поражают целомудрием. «... между нами не было даже символа любви, поцелуя, не говоря уже о далеких, глубоких и близких отношении[ях] [...] (Трудно себе представить, что автор этого письма в конце жизни скажет о себе: «Каждый день я у других колен»! — Л. П.). Только тебя я не могу понять, смешно, право, за что ты меня любишь. Заслужил ли я». И в другом письме: «...мне хочется, чтобы у нас были одни чувства, стремления и всякие высшие качества. Но больше всего одна душа — к благородным стремлениям». Он страшится, как бы и их отношения не затронул налет пошлости. «Жизнь — это глупая шутка. Все в ней пошло и ничтожно. Ничего в ней нет святого, один сплошной и сгущенный хаос разврата. Все люди

живут ради чувственных наслаждений. [...] Люди нашли идеалом красоту и нагло стоят перед оголенной женщиной, и щупают ее жирное тело, и раздражаются похотью. И эта-то игра чувств, чувств постыдных, мерзких и гадких, назван[а] у них любовью. Так вот она, любовь! Вот чего ждут люди с трепетным замиранием сердца. «Наслаждения, наслаждения!» — кричит их бесстыдный, зараженный одуряющим запахом тела в бессмысленном и слепом заблуждении дух. [...] Человек любит не другого, а себя, и желает от него исчерпать все наслаждения. Для него безразлично, кто бы он ни был, лишь бы ему было хорошо. [...] Я знаю, ты любишь меня, но подвернись к тебе сейчас красивый, здоровый и румяный, с вьющимися волосами (именно таким и был Есенин в 1913 г., но почему-то считал себя некрасивым. — Л. П.), другой — крепкий по сложению и обаятельный по нежности, и ты забудешь весь мир от одного его прикосновения, а меня и подавно, отдашь ему все чистые девственные порывы. И что же, не прав ли мой вывод.

К чему жить мне среди таких мерзавцев, расточать им священные перлы моей нежной души. [...] Я не могу так жить, рассудок мой туманится, мозг мой горит и мысли путаются, разбиваясь об острые скалы — жизни, как чистые хрустальные волны моря.

Я не могу придумать, что со мной. Но если так продолжится еще, — я убью себя, брошусь из своего окна и разобьюсь вдребезги об эту мертвую, пеструю и холодную мостовую».

Юношеский максимализм? Конечно. И навязчивые мысли о суициде тоже свойственны юности. Но нам важно подчеркнуть другое: от природы в характере Есенина не было ничего порочного. А вот несовместимость с пошлостью и ничтожностью жизни была. «Я очень здоровый и поэтому ясно осознаю, что мир болен», — скажет Есенин в зрелые годы. Уже в ранней юности он понял: не следует «звать любовью чувственную дрожь» (и никогда не спутает эти понятия). Другое дело, что в жизни всегда пошлости и ничтожности больше, чем духовного, светлого. И любовь встречается гораздо реже, чем «чувственная дрожь».

После ухода из мясной лавки Есенин работает в конторе книгоиздательства «Культура». А там «много барышень и очень наивных. В первое время они совершенно меня замучили. (Еще бы — такой красавец! — Л. П.) Одна из них, черт ее бы взял, приставала, сволочь, поцеловать ее и только отвязалась тогда, когда я назвал ее дурой и послал к дьяволу».

Это письмо к Марии Бальзамовой заканчивается словами: «Обнимаю тебя, моя дорогая! Милая, почему ты не со мной и не возле меня. Сережа».

Сам Есенин хорошо знает, за что он любит Марию (Маню) — чистая душой и помыслами деревенская учительница, она не похожа на тех городских барышень, которые сами бросаются на шею. Его глубоко разочаровывает признание Марии, что она любит танцевать. Он любил в ней сельскую учительницу, которая сеет в народе «разумное, доброе, вечное», а она, оказывается, хочет переехать в город, поступить там на курсы. «На курсы я тебе советую поступить, — иронизирует Есенин, — здесь ты узнаешь, какие нужно носить чулки, чтоб нравится мужчинам, и как строить глазки и кокетливо подводить их под орбиты. Потом можешь скоро на танцевальных вечерах (в ногах твоя душа) сойтись с любым студентом и составишь себе прекрасную партию, и будешь жить ты припеваючи. Пойдут дети, вырастите какого-нибудь подлеца и

будете радоваться, какие получает он большие деньги, которые стоят жизни бедняков».

Еще в разгар «святой любви» Мария, очевидно, высказала пожелание, чтобы их отношения закончилась браком. И получила ответ весьма недвусмысленный: «Жениться, забыть все свои порывы, и изменить убеждениям и окунуться в пошлые радости семейной жизни. [...] Вот и с нами, пожалуй, может случиться сие». Постепенно Есенин убеждается, что Мария Бальзамова вовсе не Лиза Калитина. Очевидно, последней каплей, разрушившей его чувство, стало известие, что Маша показывает его письма посторонним, хвастается его любовью к ней — «это слишком низко и неблагородно».

Ни семейная жизнь, ни обычная интрижка Есенина не устраивают. В эти годы он хочет видеть собственную жизнь общественно-полезной и глубоко нравственной. На какое-то время он становится «толстовцем». Бросает курить. Отказывается от мяса, рыбы и других «прихотливых вещей»: шоколада, какао, кофе. А в своей оценке корифеев русской литературы приближается к Писареву. «Гений для меня — человек слова и дела, как Христос. Все остальные, кроме Будды, представляют не что иное, как блудники, попавшие в пучину разврата. Разумеется, я имею симпатию к таковым людям, как, напр., Белинский, Надсон, Гаршин и Златовратский и др., но как Пушкин, Лермонтов, Кольцов, Некрасов — я не признаю. Тебе (Есенин пишет Грише Панфилову. — Л. П.), конечно, известны цинизм А. П[ушкина], грубость и невежество М. Л[ермонтова], ложь и хитрость А. К[ольцова], лицемерие, азарт и карты и притеснение дворовых Н. Н[екрасовым]. Гоголь — это настоящий апостол невежества, как и назвал его Б[елинский] в своем знаменитом письме».

С первых же дней своего пребывания в Москве он посещает Суриковский литературно-музыкальный кружок, объединявший начинающих поэтов из «низов». Судя по воспоминаниям одного из руководителей кружка Г. Д. Деева-Хомяковского, уже тогда у Есенина были стихи, вовсе не похожие на «Поэта», приближающие к тем, которые очень скоро прославят его имя. В них было много сказочного, былинного:

*Пряный вечер. Гаснут зори.
По траве ползет туман.
У плетня на косогоре
Забелел твой сарафан.*

*В чарах звездного напева
Обомлели тополя.
Знаю, ждешь ты, королева,
Молодого короля...[6]*

Образ крестьянского плетня переплетался с образами королей и королев. «Он удивительно был заряжен, очевидно, в детстве, литературой из этой области», — пишет Деев-Хомяковский. Но большинство стихов того времени — о деревне и природе. Именно в Суриковском кружке Есенин впервые стал публично выступать со своими стихами. («Талант его был замечен всеми собравшимися».)

Но в Суриковском кружке не только читали стихи. Здесь велась и политическая работа. Особенно активизировавшаяся после расстрела рабочих на Лене. Именно тогда и уходит в Спас-Клепики «конспиративное» есенинское

письмо: «Печальные сны охватили мою душу. Снова навевает на меня тоска, угнетенное настроение. Готов плакать и плакать без конца. Все сформировавшиеся надежды рухнули, мрак окутал и прошлое и настоящее. [...] Оно [будущее] все покажет, но пока настоящее его разрушило. Была цель, были покушения, но тягостная сила их подавила, а потом устроила насильное триумфальное шествие. Все были на волоске и остались на материке. Ты все, конечно, понимаешь, что я тебе пишу. Ми.....ов всех чуть было не отправили в пекло святого Сатаны, но вышло замешательство и все снова по-прежнему. На ЦА+РЯ не было ничего и ни малейшего намека, а хотели их, но злой рок обманул, и деспотизм еще будет властвовать, пока не загорится заря. [...] А заря недалека, и за нею светлый день. Посидим у моря, подождем погоды, когда-нибудь и утихнут бурные волны на нем, и можно будет без опасения кататься на плоскодонном челне»[7]. К письму приложено стихотворение «На память об усопшем. У могилы» («В этой могиле под скромными ивами / Спит он, зарытый землей, / С чистой душой, со святыми порывами, / С верой зари огневой»).

Есенин не ждал у моря погоды. Он распространяет среди рабочих журнал «Огни» (редактор — член Суриковского кружка И. И. Морозов). А в феврале 1913 г. подпишет письмо в Государственную думу в поддержку фракции большевиков. Письмо опубликует газета «Правда».

После развала книгоиздательства «Культура» Есенин с помощью товарищей из Суриковского кружка устраивается в типографию Сытина. Там он ведет агитацию среди рабочих. Составляет письмо «пяти групп сознательных рабочих Замоскворецкого района гор. Москвы» и сам его подписывает. Это письмо («Письмо пятидесяти») оказывается в Государственной думе у члена социал-демократической фракции Р. В. Малиновского, который, как теперь известно, по совместительству служил агентом охраны. Куда и не замедлил передать письмо. Особое отделение Департамента полиции начинает розыск лиц, подозреваемых в авторстве «Письма пятидесяти». За Есениным устанавливается наружное наблюдение (кличка «Набор»). В начале сентября 1913 г. Есенин сообщает Грише Панфилову: «... я зарегистрирован в числе всех профессионалистов [...]. У меня был обыск, но пока все кончилось благополучно». [8]

Внешне жизнь Есенина в это время ничем не отличается от жизни его сослуживцев по типографии Сытина. Вместе с ними он участвует в загородных прогулках-пикниках. «Особенно же вспоминаются мне наши «маевки», — свидетельствует один из рабочих, — когда мы проводили ночь с субботы на воскресенье, обыкновенно на берегу Москвы-реки, неподалеку от села Коломенское, в небольшой, но тесно спаянной компании. Помню, как с предосторожностями, — такое было время, — со скромными запасами провизии в узелках, парами отправлялись мы на условленное место [...], а потом уже за пределами городской черты объединялись в тесную группу. Самое наше совместное путешествие, особенно темною весеннюю ночью, мимо усыпанных цветами яблоневых садов было полно прелести, веселья и смеха. А эти прекрасные ночи у костров, когда мы спокойно и непринужденно беседовали вне бдительного ока полиции... [...] Всегдашним горячим и непременно членом этих маевок был и Сережа Есенин, приносящий в них свою неисчерпаемую бодрость, веселость и жизнерадостность своей юности и своей любви к природе. [...] Эти

маевки наши не были ни загородными митингами, ни стремлением уединиться для обсуждения определенных злободневных вопросов и для дискуссий на запрещенные темы. [...] И беседы здесь велись чисто русские, характерные, беспорядочные, то с чтением отрывков из литературных новинок, то с декламацией, то просто по наитию. Но во всяком случае с большой откровенностью, горячностью, интересом и со взаимным уважением к каждому слову участника. [...] Нужно отметить только одно, что никогда наши разговоры не принимали сального, «клубничного» характера». (Пусть читатель сравнит эти маевки и современные коллективные выезды за город фабричных или заводских рабочих и подумает, что дала Октябрьская революция классу-гегемону.)

Есенин глазами сослуживцев и Есенин в письмах Грише Панфилову и Марии Бальзамовой — какой контраст! Молодой, радующийся жизни — и глубоко печальный, ненавидящий эту жизнь, подумывающий о самоубийстве. Где же правда? И там и тут. Мы не исключаем, что в письмах Есенин отчасти сгущает краски, подстраивая собственный образ под образ своего лирического героя — поэта. «Веселый и радостный» — это вовсе не идеал Серебряного века. И Есенин — сознательно или подсознательно — отдает дань моде. Но правда и другое: в веселом, как будто бы ничем не отличавшемся от других, юноше постоянно идет глубокая внутренняя работа, рассказать о которой он может только очень близким людям. «В настоящее время я читаю Евангелие и нахожу очень много для меня нового... Христос для меня совершенство. Но я не так верю в него, как другие. Те веруют из страха: что будет после смерти? А я чисто и свято, как в человека, одаренного светлым умом и благородною душою, как в образец в последовании любви к ближнему.

Жизнь... Я не могу понять ее назначения, и ведь Христос тоже не открыл цель жизни. Он указал только, как жить, но чего этим можно достигнуть, никому не известно».[9]

А через полгода — тому же Грише Панфилову: «Я человек, познавший Истину, я не хочу более носить клички христианина и крестьянина, к чему я буду унижать свое достоинство. *Я есть ты, Я в тебе, а ты во мне*[10] (курсив Есенина).

То же хотел доказать Христос, но почему-то обратился не прямо непосредственно к человеку, а к Отцу, да еще небесному, под которым аллегоризировал все царство природы. Как не стыдны и не унизительны эти глупые названия? Люди, посмотрите на себя, не из вас ли вышли Христы и не можете ли вы быть Христами. Разве я при воле не могу быть Христом, разве ты тоже не пойдешь на крест, насколько я тебя знаю, умирать за благо ближнего. [...] Не будь сознания в человеке по отношению к «я» и «ты», не было бы Христа и не было бы при полном усовершенствовании добра губительных крестов и виселиц. Да ты посмотри, кто распинает-то? Не ты ли и я, а кого же опять, меня или тебя [...]. Меня считают сумасшедшим и уже хотели было везти к психиатру, но я послал всех к Сатане и живу, хотя многие опасаются моего приближения».

Кто именно хотел везти Есенина к психиатру, неизвестно. Но — отметим — сомнения в его психическом здоровье появились уже в 1913 г., когда физически он был еще абсолютно здоров.

Продолжим письмо Грише Панфилову: «Гриша, люби и жалей людей — и преступников, и подлецов, и лжецов, и страдальцев, и праведников: ты мог и можешь быть любым из них. Люби и угнетателей и не клейми позором, а об-

наруживай ласкою жизненные болезни людей. Не избегай сойти с высоты, ибо не почувствуешь низа и не будешь иметь о нем представления. [...] Если бы люди понимали это, а особенно ученые-то, то не было [бы] крови на земле и брат не был бы рабом брата. Не стали бы восстанавливать истину насилием, ибо это уже не есть истина. [...] Человек, подумай, что твоя жизнь, когда на пути зловещие раны. Богач, погляди вокруг тебя. Стоны и плач заглушают твою радость. Радость там, где у порога не слышны стоны».

А теперь спросим себя, случайна или нет связь молодого Есенина с большевиками. Написанное в 1918 г. «Я — большевик» либеральные советские литературоведы, старающиеся издать Есенина, были вынуждены распространять на все периоды его жизни. (Ну, конечно, с некоторыми оговорками: чего-то недопонимал, из крестьян все-таки.) Литературоведы же современные, как правило, считают, что сотрудничество юного Есенина с социал-демократами — явление случайное. Отчасти обусловленное средой (служба в типографии), отчасти просто грех молодости.

С нашей точки зрения, ничего случайного в жизни Гения вообще не бывает (проходящее — другое дело). Так же как не случайно будет его — гораздо более тесное — сотрудничество с эсерами. Именно религиозные искания и привели Есенина «в стан погибающих за великое дело любви» (так ему, во всяком случае, казалось). А что до того, что ни одна из этих партий не отрицала насилия... Так ведь лозунги о братстве, равенстве, свободе он слышал, а программы социалистических партий и тем более труды «основоположников» не читал «ни при какой погоде». Когда он поймет, что жестоко ошибся, — и начнется трагедия. Но об этом — позже.

Вслед за А. Толстым он презирает современную науку. («Наука нашего времени — ложь и преступление».) Но идеи идеями, а не чувствовать недостаточность своего образования он не может. И в сентябре 1913 г. поступает в народный университет Шанявского на историко-философское отделение. («Здесь хоть поговорить с кем можно и послушать есть чего».)

Народный университет (открыт в 1908 г.), построенный целиком на деньги мецената А.А. Шанявского, был уникальным учебным заведением. Туда принимались лица обоего пола, любых национальностей и вероисповедований, достигшие 16 лет. Документ о среднем образовании не требовался. Обучение на всех этапах было очень дешевым. Лекции читали лучшие профессора страны: П. Сакулин, А. Реформатский, Ю. Айхенвальд и др. Так что было и с кем поговорить, и кого послушать.[11] Но прилежным слушателем Есенин не стал. («Вот поступил учиться в университет Шанявского, — только все некогда на лекции ходить, много пишу».)

Пробиться в печать удастся только в январе 1914 г. Детский журнал «Мирок» публикует под псевдонимом Аристон (музыкальный ящик) стихотворение Есенина «Береза»:

*Белая береза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром.*

*На пушистых ветках
Снежною каймой*

*Распустились кисти
Белой бахромой.*

*И стоит береза
В сонной тишине,
И горят снежинки
В золотом огне.*

*А заря, лениво
Обходя кругом,
Обсыпает ветки
Новым серебром.*

Это стихотворение ученые мужи называют «фетовским». Действительно, некоторые элементы поэтики Фета здесь имеются. Но что с того? Вспомним эпиграф к этой книге «Химический состав весеннего воздуха можно тоже исследовать и определить...» Все чужое Есенин пропускал через себя, и все становилось есенинским. Поэтому человек с мало-мальски развитым поэтическим слухом никогда не спутает Есенина ни с Фетом, ни с Блоком, ни Клюевым, ни с кем-нибудь еще.

Надо уж очень не любить Есенина, чтобы увидеть в «Березе» очередную «маску», а не подлинную тоску крестьянского парня, недавно переехавшего в город. («Здесь много садов, оранжерей, но что они в сравнении с красотами родимых полей и лесов») Есенин мог сколько угодно играть и лукавить — в жизни. (И то это начнется позже.) Но никогда — в стихах. Обаяние есенинской поэзии именно в неразрывности «души и глагола» (слова М. Цветаевой).

Г. Иванов писал, что беспристрастно оценят Есенина те, на кого его очарование не будет действовать. Скажем сразу: на нас очарование поэзии Есенина действует очень сильно. Поэтому тем, кто ждет беспристрастного анализа, рекомендуем отложить эту книгу и почитать что-нибудь «ученое». Только никакая «ученость» не объяснит, почему не кисейные барышни, а взрослый, вовсе не сентиментальный мужчина, редактор Госиздата И. Евдокимов, не смог сдержать слез, услышав нехитрые вроде бы строчки «Я вернусь, когда раскинет ветви/ По весеннему наш белый сад». А известный художник Ю. Анненков, всю жизнь проведенный в артистических кругах, с кем только ни знакомый, каких только стихов ни знающий, плакал, когда Есенин читал «Песнь о собаке». Очарование стихов Есенина понятно и крестьянам, и академикам, и «блатарям», и сильным мира сего — всем, кто способен просто «вдохнуть полной грудью».

«Береза» словно плотину прорвала. Уже через месяц Есенин сообщает Грише Панфилову: «Распечатался я во всю ивановскую. Ред[актора] принимают без просмотра и псев [доним] мой Аристон сняли. Пиши, г [ово] рят под своей фамилией». Тот же «Мирок» в следующем же номере напечатал два стихотворения Есенина «Пороша» и «Поет зима, аukaет...». Имя Есенина появляется и в третьем номере (перевод из Т. Шевченко), и в четвертом, и в седьмом, и двенадцатом номерах этого года. Его охотно публикуют и другие издания: журналы «Проталинка», газета «Новь» и, конечно же, журнал «Млечный путь», собрания которого он посещает. Некоторые стихи перепечатывают провинциальные газеты. Сам Сакулин высоко оценил произведения своего слушателя, и особенно «Выткался на озере алый цвет зари...». Этот факт подтвержден и в

мемуарах Н. Сардановского. Стало быть, написано оно никак не в 1925 г., то бишь Есенин не лгал, когда поставил его в начале своего собрания сочинений. Правда, дата «1910 г.» не соответствует действительности. Но и это объясняется вовсе не желанием Есенина похвастаться. Тот же Сардановский вспоминает: «Первое стихотворение с признаками настоящей художественности было «Выткался на озере алый цвет зари...». Сам он все время был под впечатлением этого стихотворения и читал его мне вслух бесконечное количество раз». Есенин запомнил это стихотворение как написанное в самом начале творческого пути, а «сознательное творчество» началось в 1910 г. — отсюда и абберрация памяти.

Есенина замечает критика. Петроградское критикобиблиографическое издание «Новости детской литературы» отметило есенинские стихи.

В Суриковском кружке было принято решение издавать свой журнал — «Друг народа». Есенин — секретарь журнала и с энтузиазмом готовит первый выпуск. И конечно же, помещает там собственное стихотворение — «Узоры»:

*Девушка в светлице вышивает ткани,
На канве в узорах копы и кресты.
Девушка рисует мертвых на поляне,
На груди у мертвых — красные цветы.*

*Нежный шелк выводит храброго героя,
Тот герой отважный — принц ее души.
Он лежит, сраженный в жаркой схватке боя,
И в узорах крови смяты камыши.*

*Кончены рисунки. Лампа догорает.
Девушка склонилась. Помутился взор.
Девушка тоскует. Девушка рыдает.
За окошком полночь чертит свой узор.*

*Траурные косы тучи разметали,
В пряди тонких локон впуталась луна.
В трепетном мерцанье, в белом покрывале
Девушка, как призрак, плачет у окна.*

Так случилось, что Есенин входил в литературу именно во время войны. О войне — и многие другие произведения Есенина, написанные как до, так и после «Узоров». Патриотический пафос, охвативший в начале войны почти всю русскую интеллигенцию, не миновал и Есенина:

*Ой, мне дома не сидится,
Размахнуться б на войне.
Полечу я быстрой птицей
На саврасом скакуне.*

(«Удалец»)

Есенин верит в необходимость этой войны для русского народа, в его непобедимость, но, в отличие от многих других поэтов, с самого начала мечтает о том, чтобы как можно скорее «миновали страшной жизни грозы». И пишет не только и даже не столько о воинских подвигах, сколько об оставленных женах, невестах, матерях. Позднее сам поэт говорил, что при всей любви к соотечественникам он никогда не мог воспеть войну, ибо «поэт может писать толь-

ко о том, с чем он органически связан».

К 1914 г. относится и первая критическая статья Есенина «Ярославны плачут» — о женщинах-поэтессах, слагающих стихи о войне. Не случайно из всего поэтического потока он выбрал именно женскую поэзию. Именно «Ярославны» чаще плакали и тосковали — по своим милым ушедшим на фронт.

В сентябре 1914 г. создается и первая из «маленьких поэм» Есенина «Марфа Посадница». По собственному признанию автора, он задумал ее еще в 16 лет. Но не случайно поэма на историческую тему — о противоборстве Новгорода и Москвы — была закончена именно во время мировой войны. (Напечатать удалось только после Февральской революции.) Одна из первых оценок поэмы принадлежит эсеровскому критику Иванову-Разумнику (он еще не раз появится на страницах этой книги): «На войну он [Есенин] отозвался «Марфой Посадницей» — первой революционной поэмой о внутренней силе народной, написанной еще в те дни (сентябрь 1914), когда почти все наши большие поэты [...] восторженно воспевали силу государственную».

Свое впечатление от авторского чтения поэмы описывает Марина Цветаева в очерке «Нездешний вечер»: «Есенин читает «Марфу Посадницу» [...] запрещенную цензурой. Помню сизую тучу голубей и черную — народного гнева. «Как московский царь — на кровавой гульбе — продал душу свою антихристу...» Слушаю всеми корнями волос. Неужели этот херувим, это Milchgesicht, [12] это оперное «Отоприте! Отоприте!»[13] — этот — это написал? — почувствовал? (С Есениным я никогда не переставала этому дивиться)». От себя добавим: этому будут дивиться многие — вплоть до самой смерти Есенина.

Талант Есенина, как говорится в русских сказках, рос не по дням, а по часам. Неудивительно, что Суриковский кружок, с его не слишком даровитыми членами и однобокой ориентацией, скоро перестал устраивать молодого, но уже заговорившего своим голосом поэта. Разрыв был неизбежен. Нужен был только повод, и он, как всегда, нашелся. Член кружка С. Д. Фомин рассказывает: «Общее собрание [...] кружка [...] избрало меня и Есенина в редакционную коллегию издававшегося журнала. Вот на этом [точнее, на следующем] собрании и сказался подлинный Есенин.

— Надо создавать художественный журнал. Слабые вещи печатать не годится!

А старая редакционная коллегия тянула назад:

— Нельзя так: у нас много принятого материала.

Тогда Есенин схватил свой картузик и кивнул мне:

— Идем, Фомин. Здесь нам делать нечего!

И мы оба вышли из редакционной коллегии».

На следующий день Есенин подал заявление о выходе из Суриковского кружка.

Еще раньше Есенин подумывал о переезде в Петроград. В Москве он «распечатался во всю ивановскую». Но не в тех журналах, где он хотел бы видеть свое имя, и не с теми произведениями, которые он считал лучшими. К началу 1915 г. у него уже был практически готов сборник «Радуница», однако напечатать его в Москве он не рассчитывал. Еще в 1913 г. жаловался Грише Панфилову: «Москва — это бездушный город, и все, кто рвется к солнцу и свету, большей частью бегут из него. Москва не есть двигатель литературного развития,

а она всем пользуется готовым из Петербурга. Здесь нет ни одного журнала. Положительно ни одного. Есть, но которые только годны на помойку...».

Есенин, конечно, не совсем прав. И в Москве было немало поэтов, «хороших и разных». Достаточно сказать, что в Москве жили В. Я. Брюсов (метр символизма), В. Ходасевич. Писали стихи и хулиганили В. Маяковский и К°. Москвичами были Б. Пастернак и М. Цветаева, правда, их дарования еще не раскрылись в полную силу. Но Брюсова Есенин считал «поганым». (Основание на то были, но нам не хочется здесь о них говорить — это уведет нас далеко от героя этой книги.) Ходасевича он в это время недооценивал. Футуристов не уважал никогда. Другое дело — поэтическая молодежь Петрограда: Ахматова, Мандельштам, Г. Иванов... Есенин знал, что они регулярно собираются, читают друг другу свои стихи, обсуждают их.

К началу 1915 г. решение Есенина переехать в столицу становится окончательным и бесповоротным. «Здесь в Москве ничего не добьешься. Надо ехать в Петроград. Ну что! Все письма со стихами возвращают (имеются в виду петроградские журналы. — *Л. П.*). Ничего не печатают. Нет, надо самому... Под лежащий камень вода не течет. Славу надо брать за рога [...]. Поеду в Петроград, пойду к Блоку. Он меня поймет» — так передает мемуарист слова Есенина накануне переезда в Питер.

8 марта 1915 г. Есенин осуществил свой давно зреющий замысел: уехал в Петроград. А между тем к этому времени в Москве у него уже была жена (гражданская) и маленький сын.

Анна Изряднова. Георгий Есенин

В марте 1913 г. Есенин познакомился с Анной Романовной Изрядновой — корректором в типографии Сытина. Он тогда работал там же подчитчиком (помощником корректора). «... такой чистый, светлый, у него была нетронутая, хорошая душа — он весь светился», — вспоминала впоследствии Анна Романовна. И еще: «Он только что приехал из деревни, но по внешнему виду на деревенского парня похож не был. На нем был коричневый костюм, высокий накрахмаленный воротник и зеленый галстук. С золотыми кудрями он был кукольно красив, окружающие по первому впечатлению окрестили его вербочным херувимом». Анна Романовна красавицей не слыла. (Хотя с ее фотографии смотрит на нас довольно приятное лицо.) Они быстро сошлись. Неудивительно: ведь в чужом городе Есенин страдал от одиночества, нуждался в понимании, заботе. Несколько старше Сергея (к моменту встречи с ним ей было 22 года), но все же еще очень юная девушка Анна Изряднова стала идеальной любовницей-нянькой. В отличие от родных, она поддерживала его стремление стать поэтом. Вместе с ним посещала университет Шанявского, слушала лекции о поэзии. Сохранилась книга Н. Клюева «Сосен перезвон» с дарственной надписью «На память дорогому Сереже от А.». Выбор автора говорит за то, что Анна Романовна понимала, что может понравиться ее возлюбленному, а следовательно, понимала и его собственные стихи. И можно верить Изрядновой, когда она говорит: «Ко мне он очень привязался». У Есенина появился дом, где его любили, куда он приходил читать стихи, поговорить о Блоке, Бальмонте и других современных поэтах. Сначала это был дом старшей, замужней сестры Анны — Натальи Романовны. А в марте 1914 г. — через год после знакомства — Есенин и Изряднова вступают в гражданский брак, начинают жить вместе. (Скорее всего, это решение было принято, потому что Анна ждала ребенка.) С первых же дней стало ясно, что нетронутость городской цивилизацией имеет и оборотную сторону. К браку юный Сергей относился по-крестьянски, по-домостроевски. «Требователен был ужасно. Не велел даже с женщинами разговаривать — они нехорошие». (Вспомним, как описывал Есенин городских барышень в письме Марии Бальзамовой.) Впрочем, сам он вел себя отнюдь не по-крестьянски: «Все свободное время читал, жалованье тратил на книги, журналы, нисколько не думая, как жить». В декабре (когда до рождения ребенка оставалось всего несколько недель) он вообще бросает работу — «и отдается весь писанию стихов, пишет целыми днями». И не слышит от Анны ни слова, ни полслова упрека. А ведь Есенин тогда только начинал печататься, его будущая судьба была еще весьма гадательна.

21 декабря родился сын. Его окрестили Георгием (вероятно, по инициативе Есенина: пусть растет благородным и бесстрашным, как Георгий Победоносец). Но все называли мальчика Юрой. Первые дни после рождения сына, вероятно, были самыми счастливыми в жизни Изрядновой. «Когда я вернулась домой (из роддома. — Л. П.), у него был образцовый порядок: везде вымыто, печи истоплены и даже обед готов и куплено пирожное: ждал. На ребенка смотрел с любопытством, все твердил: «Вот я и отец». Потом скоро привык, полюбил его, качал, убаюкивал, пел над ним песни. Заставлял меня, укачивая, петь: «Ты пой ему больше песен». Забегая вперед скажем, что Юрий был единственным из четырех детей Есенина, кого отец — хоть и недолго — качал и

убаюкивал и на чье рождение откликнулся стихом (для печати не предназначавшимся):

*Будь Юрием, москвич.
Живи, в лесу аukai.
И ты увидишь сон свой наяву.
Давным-давно твой тезка
Юрий Долгорукий
Тебе в подарок основал Москву.*

Но идиллия длилась всего месяц. Уже в конце января или в самом начале февраля Есенин жил в другом месте — один. Младенцы имеют обыкновение громко плакать, а это мешает творчеству. Теплому семейному очагу девятнадцатилетний Сергей Есенин предпочел «неуютную и холодную» комнату, где находился «большой черный стол, на котором одиноко стояла чернильница с красными чернилами» (из воспоминаний Д. Семеновского, знакомого Есенина по университету Шанявского).

А в марте — мы уже говорили — уехал в Петроград. По весьма точным словам Анны Романовны, «искать счастья». «В мае этого же года приехал в Москву, уже другой. Был все такой же любящий, внимательный, но не тот, что уехал». Еще бы! Из Москвы уезжал начинающий, почти никому не известный стихотворец. А вернулся поэт, чей талант был признан всей литературной элитой столицы. «Немного побыл в Москве, уехал в деревню, писал хорошие письма (к сожалению, они до нас не дошли. — Л. П.). Осенью опять заехал: «Еду в Петроград». Звал с собой...» Почему не поехала? Да потому, что была умна. Понимала, что Есенин привязался к ней, когда был одинок, непризнан, а в новой, другой жизни она будет ему только обузой.

Так или иначе, но факт остается фактом: Есенин оставляет женщину с маленьким ребенком без всякой материальной и моральной поддержки. (Правда, в будущем он будет время от времени что-то ей подкидывать.) Тот самый Есенин, который еще совсем недавно даже Пушкину не намеревался прощать его «цинизма». Но тогда Есенин был юношей, только мечтающим стать поэтом (имя таким — легион). Теперь — он это знает точно — он стал Поэтом. И он прекрасно отдает себе отчет в том, какую цену требует Лира. В письме Марии Бальзамовой в октябре 1914 г. (уже живя с Изрядновой) он четко формулирует: «Если я буду гений, то вместе с этим буду поганый человек». После 1915 г. никто уже не говорит о нем «чистый, светлый, нетронутая душа».

Безусловно, большинство читателей этой книги (особенно женщины, особенно побывавшие в шкуре Изрядновой) осудят Есенина. Что сказать на это? «Права суда над поэтом никому не даю. Потому что никто не знает. Только поэты знают, но они судить не будут [...] художественный закон нравственному прямо-обратен. Виновен художник только в двух случаях: [...] отказа от вещи (в чью бы то ни было пользу) и в создании вещи нехудожественной [...] на Страшном суде совести спросится... [...] Но если есть Страшный суд слова...» — это не мы говорим, это Марина Цветаева, для которой Есенин — «брат по песенной беде». Мы же скажем совсем другое: не связывайтесь, девушки, с поэтами. Вероятность того, что вам достанется Поэт с большой буквы практически равна нулю. И жертва ваша будет совершенно напрасна.

Судить человека можно за тот или иной выбор. Но у Есенина выбора не было. Не писать он не мог. «Наступить на горло собственной песне», как это яко-

бы сделал Маяковский, тоже не мог. Слишком сильна в нем была «песня», слишком неудержимо рвалась наружу. Но тема утраченной юности, потери себя — станет одной из основных в его лирике.

К этому можно добавить: Есенину, с детства впитавшему в себя твердую крестьянскую мораль, прошедшему через увлечение толстовством, участнику рабочих митингов, было труднее отрубить в себе то, за что отвечают на суде совести. Поэтому он отрубил под корень. И заплатит за это дороже всех своих — быть может, не менее гениальных — современников. Но на Страшный суд слова явится безгрешным.

* * *

После отъезда из Москвы Есенин никогда уже не появлялся вместе с Анной Изрядновой ни в каком обществе. Большинство новых друзей даже не подозревали, что у него есть сын. Он не скрывал этого намеренно — просто были другие, более интересные разговоры. Родные Есенина знали и про Анну Романовну, и про Юрия. И по-видимому, отнеслись к нему как к внуку. Существует фотография молоденькой Шуры Есениной с маленьким Юрой на руках. Бывал Юрий Есенин[14] и в Константинове.

Анна Романовна всегда радовалась редким, неожиданным визитам Есенина. Что-нибудь попросить, начать какие-то расспросы, упрекнуть — такое ей и в голову не приходило. «Все связанное с Есениным было для нее свято, его поступков она не обсуждала и не осуждала. Долг окружающих по отношению к нему ей был совершенно ясен — оберегать» (Т. С. Есенина, дочь поэта). Он появлялся, когда ему это было надо, и всегда с уверенностью, что найдет здесь и стол, и кров, и понимание, и исполнение всех — даже самых диких — желаний. «В сентябре 1925 г. пришел с большим свертком в 8 часов утра, не здороваясь, обращается с вопросом: «У тебя есть печь?» — «Печь, что ли, что хочешь?» — «Нет, мне надо сжечь». Стала уговаривать, чтобы не жег, жалеть после будет, потому что и раньше бывали такие случаи: придет, порвет свои карточки, рукописи, а потом ругает меня — зачем давала. В этот раз никакие разговоры не действовали, волнуется, говорит: «Неужели даже ты не сделаешь для меня то, что я хочу?» И Анна Романовна, конечно, сделала.

Что — за три месяца до смерти — сжигал Есенин? Стихи, которыми он остался недоволен или которые боялся предать гласности? А может быть, какие-то письма, документы... никогда не узнаем, потому что, увы, — вопреки известному афоризму Булгакова — рукописи горят. У Есенина они горели очень лихо. Кое-что (и немалое количество) просто затерялось. В Полном собрании сочинений Есенина есть специальный раздел: «Утраченное и ненайденное» — 37 позиций, не считая писем и документов. Есенин не знал, что «позорно заводить архивы/Над рукописями трястись», но, в отличие от автора сей заповеди, всегда следовал именно этому принципу. Так, еще в 1916 г. сжег свою первую драму «Крестьянский пир», очень понравившуюся Андрею Белому. А в 1920-м, уезжая из Москвы, достал целую кипу рукописей и, отделив от нее треть (примерно листов 50), отдал на хранение своей знакомой Е. Р. Эйгес. Остальные две трети предназначались матери и сестре Кате. Е. Эйгес сумела сохранить только три листочка (с текстом стихотворения «Хулиган»).

Как бы ни было осудительно отношение Есенина к Анне Изрядновой с точки зрения общепризнанной человеческой морали, он никогда не поднимет на нее руки, не бросит ей в лицо площадную брань, что порой придется пережи-

вать другим женщинам, любившим его не менее, чем Анна Романовна. Ведь она была из его юности. Той юности, которую он предал. Но которую никогда — ни в жизни, ни в стихах — не оскорбил.

Юрий Есенин, волею судеб, еще будучи ребенком, случайно на бульваре познакомился со своими единокровными сестрой и братом — детьми Есенина от Зинаиды Райх. (Она тогда уже была замужем за Мейерхольдом.) После чего познакомились и подружились и их матери. В этом нет ничего удивительного, ведь они не были соперницами, и ту и другую Есенин к тому времени уже бросил, и та и другая продолжали его любить. Никто не мог понять их так, как они друг друга. И Анна Романовна и Юрий стали нередкими и желанными гостями в доме Мейерхольда. Так что с детства мальчик попал в высокоинтеллектуальную, не без налета богемы среду. После смерти Есенина его первенца всячески привечала Софья Толстая — последняя жена поэта. Во всех этих домах (разумеется, и в доме собственной матери) царил культ Есенина. Неудивительно, что мальчик обожал своего блудного отца, знал наизусть каждую его строчку. Знал он, несомненно, и «Злые заметки» Н. Бухарина («Правда», 1927 г., 12 января), статью, после которой Есенина почти перестали печатать. Все это, — наверное, вкупе и с другими фактами советской действительности — не способствовало любви к властям и «лично к товарищу Сталину» (журналистский штамп тех времен).

Однажды, в 1934 г., в компании золотой молодежи, где был и Юрий Есенин, под влиянием винных паров, заговорили о том, что хорошо бы бросить бомбу на Кремль. На следующий день, разумеется, этот разговор был благополучно забыт.

В 1935 г. Георгия Есенина призвали в армию. Служил он в Хабаровске, через год его арестовали. Когда юношу везли из Хабаровска в Москву, он думал, что, наверное, совершил какое-то воинское преступление — ничего другого он предположить не мог. Он ведь не знал, что один из болтавших по пьяной лавочке о террористическом акте был через год арестован по какому-то другому делу и на следствии почему-то решил рассказать и об этом эпизоде. Г. Есенину предъявили обвинение по статье 58 (контрреволюционные преступления), 5 (террор), 11 (участие в преступной группе). Приговор по этой статье всегда был один — «высшая мера». Но следователи схитрили: сказали Юрию, что если он подтвердит свою «вину», то его, как сына известного поэта, не расстреляют, а только отправят в лагерь на небольшой срок. В лагере сыну Сергея Есенина жилось бы неплохо — даже уголовники знали цену великому русскому поэту, и Юрий это понимал. Поэтому он и повторял на следствии тот бред, который ему суфлировали, и расписался в том, что не только задумывал преступление, но и готовил его. Тем самым он облегчил работу палачей. Но на собственную его судьбу это никак не повлияло — его все равно бы расстреляли, только предварительно еще бы и подвергли пыткам.

Сокамерник Г. Есенина И. Бергер в своей книге «Крушение поколения» вспоминает, что Юрий в тюрьме говорил: «они» затравили отца до смерти». А вот как пересказывает эти воспоминания Э. Хлысталов: «Юрий Есенин был убежден, что у его отца не было никаких причин закончить жизнь самоубийством, что погиб он вследствие каких-то нападков, и говорить следует о его убийстве». Благо, книга И. Бергера издана во Флоренции — не каждый сможет в нее заглянуть.

После ареста Юрия к Анне Изрядновой пришли с обыском — тогда-то, наверное, и были изъяты письма Есенина к ней. Быть может, до сих пор хранятся в каком-то секретном архиве, быть может, когда-нибудь и всплывут.

Анна Романовна ничего не знала о судьбе сына. Родственникам приговоренных к высшей мере, как правило, сообщали: десять лет без права переписки. Десяти лет она не прожила. Умерла в 1946 г., ей было 55.

В 1956 г. по заявлению младшего сына Есенина Александра Есенина-Вольпина Георгий Есенин был реабилитирован «за отсутствием состава преступления».

«Славу надо брать за рога»

9 марта 1915 г. Сергей Есенин сошел с перрона в Петрограде. И сразу — в соответствии с намеченным планом — направился к Блоку. Было еще рано — Блок спал. Есенин оставляет записку: «Александр Александрович! Я хотел бы поговорить с Вами. Дело для меня очень важное. Вы меня не знаете, а может быть, где и встречали по журналам мою фамилию. Хотел бы зайти часа в 4. С почтением С. Есенин». И в тот же день Блок его принял. Дневниковая запись Блока: «9 марта 1915 г. Днем у меня рязанский парень со стихами. Крестьянин Рязанской губ. 19 лет. Стихи свежие, чистые, голосистые, многословные». И он дал «рязанскому парню» рекомендательные письма к поэту С. Городецкому (не сохранилось) и писателю и издателю М. П. Мурашеву:

*«Дорогой Михаил Павлович! Направляю к Вам талантливого крестьянского поэта самородка. Вам, как крестьянскому писателю, он будет ближе, и вы лучше, чем кто-либо поймете его.
Ваш А. Блок*

P.S. Я отобрал 6 стихотворений и направил с ними к Сергею Митрофановичу [Городецкому]. Посмотрите и сделайте все, что возможно».

(Все-таки удивительное было время, этот «безнравственный» Серебряный век! Представим себе на минуточку, что в наши дни какой-то безвестный девятнадцатилетний парень захочет показать свои стихи... ну, скажем, Евтушенко. Несколько пинков под зад от охранников виллы знаменитости — вот и все, что он получит. А тут сам Блок, уже тогда великий Блок!)

Мы не знаем, какие именно стихи читал Есенин Блоку, но трудно предположить, что Блок «кlyнул» бы на стихи подражательные. Поэт, он сразу оценил талант другого Поэта — и протянул руку.

10 марта Есенин — у Мурашева, где был тепло принят, накормлен, напоен, оставлен ночевать. Мурашев, в свою очередь, дал ему рекомендательные письма в ряд петроградских изданий.

11 марта — у Городецкого, автора прославленной книги стихов «Ярь» (1907), истового поборника «старославянской мифологии и старорусских верований» (по характеристике В. Брюсова), да и вообще всего русского и деревенского.

«Я не помню подробностей первой встречи, — писал впоследствии С. Городецкий. — Вернее всего Есенин, пришел ко мне с запиской от Блока [...]. Стихи он принес завязанными в деревенский платок. С первых же строк мне было ясно, какая радость пришла в русскую поэзию. Начался какой-то праздник песни. Мы целовались, и Сергунька опять читал стихи. Но не меньше, чем прочитать свои стихи, он торопился прочитать рязанские прибаутки,[15] канавушки[16] и страдания.[17] Тут восторги удвоились. Тут же мне Есенин сказал, что, только прочитав мою «Ярь», он узнал, что можно так писать стихи, что и он поэт, что наш общий тогда язык и образность — уже литературное искусство. Застенчивая, счастливая улыбка не сходила с его лица. [...] Записками во все знакомые журналы я облегчил ему хождение по мытарствам».

...И начинается триумфальное шествие Есенина по издательствам и салонам Петрограда. Ни в одном доме не отнеслись к нему равнодушно. Из 60 при-

везенных в Петроград стихотворений, по словам Есенина, приняли 51.[18]

С начала марта по конец апреля (когда он на время покинет столицу) никому ранее не известный девятнадцатилетний паренек становится знаменитостью в питерском литературном мире. «Мы были так увлечены творчеством Есенина, что о своих стихах забыли. Я думал только о том, как бы скорее услышать еще одно из его новых стихотворений, которые ворвались в мою жизнь, как свежий воздух, — вспоминает Рюрик Ивнев, — Под впечатлением этих встреч я написал и послал ему стихотворение:

*Я тусклый, городской, больной,
Изношенный, продажный, черный.
Тебя увидел, и кругом
Запахло молоком, весной,
Травой густой, листвою узорной.
Сосновым свежим ветерком.
Спаси меня своей весной.
Веди меня в свои поля,
В хлеба, в хор Божьих стройных душ.*

Это первое стихотворение, посвященное Есенину. (Сейчас можно составить целый том.)

О впечатлении, произведенном Есениным на петроградскую поэтическую молодежь, вспоминает и В.С. Чернявский, тогда начинающий поэт, а впоследствии известный актер-чтец. «Не то в перерыве, не то перед началом чтений (имеется в виду один из петроградских вечеров поэзии. — Л. П.) я, стоя с молодыми поэтами (Ивневым и Ляндау) у двери в зал, увидел поднимающегося по лестнице мальчика, одетого в темно-серый пиджачок поверх голубоватой сатиновой рубашки, с белокурыми, почти совсем коротко остриженными волосами, небольшой прядью завившимися на лбу. Его спутник (кажется, это был Городецкий) остановился около нашей группы и сказал нам, что это деревенский поэт из рязанских краев, недавно приехавший [...]. В течение вечера он так и оставался с нами троими. Несколько друзей присоединились к нам. Мы плохо слушали то, что доносилось с эстрады (а между прочим, читали и Блок, и Сологуб, и Ахматова. — Л. П.) и интересовались только нашим гостем, стараясь отвечать на его удивительно ласковую улыбку как можно приветливее [...]. Говорил он о своих стихах и надеждах с особенной застенчивой, но сияющей гордостью, смотря каждому прямо в глаза, и никакой робости и угловатости деревенского паренька в нем не было».

После окончания вечера («едва дождавшись») небольшая компания из семи-восьми человек, «все жившие и дышавшие стихами», вместе с Есениным пошли к молодому библиофилу и отчасти поэту К. Ю. Ляндау. Есенина — его называли уже по имени — Сергей, Сергунька, — посадили посреди кровати у круглого стола, остальные гости устроились в полумраке на диванах, чтобы его слушать. Появился шартрез и венецианские рюмки. Есенин выпил и поморщился.

— Что. Не понравилось?

— Поганый!

«Такого рода замечаний им было сделано не мало, а когда присутствующие улыбались, сам Сергей, поглядывая вокруг, тоже отвечал им улыбкой, немного сконфуженной и немного лукавой: такой, мол, как есть [...]. С радостью начал

он чтение стихов, вошедших впоследствии в «Радуницу». Первое впечатление нас совершенно пронзило — новизной, трогательностью, настоящей плотью поэтического чувства. Он читал громче, чем говорил, в обычной, идущей прямо к сердцу «есенинской манере», которую впоследствии только усовершенствовал [...] простые ритмы рублились упрямо и крепко, без всякой приторности.

Ему не давали отдохнуть, просили повторять, целовали его, чуть не плакали. И менее, и более экзальтированные чувствовали, что тут в этих чужих и близких, не очень зрелых, но теплых и кровных песнях, — радостная надежда, настоящий народный поэт».

После стихов Есенин пел частушки, собранные им самим, говорил, что набрал их не менее 4000*[19] и что Городецкий обещал устроить их в печать. (Сергей Митрофанович действительно хотел напечатать частушки, собранные Есениным, в сборнике «Краса», который был анонсирован, но не увидел света. — Л. П.). «Пел он по-простецки, с деревенским однообразием, как поет у околицы любой парень. Но иногда, дойдя до яркого образа, внезапно подчеркивал и выделял его, уже как поэт».

К. Ляндау дополняет воспоминание об этом вечере: «Когда Есенин читал свои стихи, то слушающие уже не знали, видят ли они золото его волос, или весь он превратился в сияние».

Так приняла Есенина восторженная питерская молодежь. Но и на Зинаиду Гиппиус (Есенин посетил салон Мережковских через неделю после приезда в Петроград), женщину вовсе не восторженную, скорее ироничную и желчную, и критика очень строгого, стихи «нового рязанского поэта» произвели впечатление. Первая рецензия, целиком посвященная Есенину, написана именно ею (под псевдонимом Роман Аренский): «В стихах Есенина пленяет какая-то «сказанность» слов, слитность звука и значения, которая дает ощущения простоты [...] и приходит после долгой работы, трудно освободиться от «лишних» слов. Тут же мастерство как будто данное: никаких лишних слов нет, а просто есть те, которые есть, точные, друг друга определяющие. Важен, конечно, талант; но я сейчас говорю не о личном таланте; замечательно, что при таком отсутствии прямой, непосредственной связи с литературой, при такой разностильности Есенин — настоящий современный поэт». (Потом она напишет о нем много гадостей — но то будет потом.)

Не прошло еще и месяца с момента приезда Есенина в Петроград, как о нем уже начинают складываться легенды — он в том неповинен. Так, Рюрик Ивнев рассказывает, как неожиданно после есенинского вечера у него на квартире к нему заявился Д. В. Философов (он жил вместе с Мережковскими и познакомился с Есениным одновременно с ними).

«— Скажите, что у Вас было, когда Вы устраивали вечер с Есениным?

— Читали стихи.

— Нет, я не об этом. Что было потом?

— Пели частушки.

— А потом?

— Разошлись по домам.

Д. В. Философов досадно морщится:

— Мне-то Вы можете сказать все.

— Я Вам сказал все.

— Нет, бросьте, расскажите обо всем.

Мне делается смешно.

— Я Вам рассказал решительно все, Дмитрий Владимирович!

После этих решительных слов он раскланялся и ушел, как мне кажется, обиженным.

Уже значительно позже я узнал, что Философову кто-то рассказал, что у нас был «афинский вечер», и он хотел узнать подробности».

На самом деле Есенин не только в «афинских вечерах» не участвовал, но и вообще сторонился «столичных штучек». («Оне, пожалуй, тут все больные».) С юмором, немного негодуя, он рассказывал об учащающихся посягательствах на его любовь.

...А война между тем идет. Министр внутренних дел правительства Российской империи издает циркуляр, обязывающий всех лиц мужского пола, коим к 1 января 1916 г. исполняется 20 лет, не позднее 1 мая 1915 г. приписаться к подлежащим приписным участкам. Под этот указ попадает и Сергей Есенин.

29 апреля «золотоголовый крестьянский мальчик, с печатью непонятного обаяния, всем чужой и каждому близкий» (слова В. Чернявского) покидает Петроград и — с остановкой в Москве — едет в Константиново.

Как он живет в «селе родном»? Да так, как всегда: много гуляет по полям и лугам, не уставая любоваться рязанскими раздольями, ловит рыбу, немного помогает отцу (он в это время находился в деревне) с сельскохозяйственными работами, играет на ливенке,^[20] слушает тальянку, жжет костры...

Однажды попадает в «историю»: «На днях меня побили здорово. Голову чуть не прошибли. Сложил я, знаешь, на старосту прибаску охальную. Да один ночью шел и гузынил^[21] ее. Сгребли меня сотские и ну волочить».

Что ж, выросшему в деревне, Есенину не привыкать-стать:

*Худощавый и низкорослый,
Средь мальчишек всегда герой,
Часто, часто с разбитым носом
Приходил я к себе домой.*

И как в детстве, он не слишком опечален: «Все равно я их всех поймаю. Ливенку мою расшибли. Ну, теперь держись. Рекрута все за меня, а мужики нас боятся».

Еще один эпизод этого лета вспоминает А. Есенина: «По нашему деревенскому обычаю все городские призывники должны были купить вина, называлось это «положение», и к Сергею явились за «положением». Отказаться нельзя, где хочешь бери, а вино ставь, иначе покалечить могут».

Со времени детства Есенина деревня пока еще изменилась мало. Равно как и сам Есенин. Пока еще ему в деревне «приятственно», и он вовсе не рвется в город. В одном из писем прямо говорит, что как ни хорош Питер, а здесь в селе лучше. И это не пустые слова — уже в начале июня Есенин получил отсрочку от военной службы (из-за небольших проблем со зрением), но он вовсе не торопится покидать Константиново.

К нему в гости приезжает молодой поэт Леонид Каннегисер. Через три года он убьет прославившегося своими зверствами председателя Петроградского ЧК М. Урицкого и будет расстрелян. А пока... пока они обходят окрестности Константинова, идут пешком в Рязань, в Иоанно-Богословский мужской мона-

стырь. И по дороге, конечно же, читают стихи и разговаривают о поэзии. Каннегисер объясняет Есенину, что тот пантеист. Знал ли Сергей Александрович это слово? Возможно, и знал, но что оно относится к его стихам, явно не догадывался. В то время еще никакие «измы» не водили его пером. Но даже и после увлечения имажиншлюмом он с полным правом скажет: «Все творчество мое есть плод моих индивидуальных чувств и умонастроений».

Каннегисер в восторге от окружающей природы. В это лето он побывает во многих местах, но «не было еще ни разу, чтобы оно [Константиново] отступило на задний план перед каким-либо другим местом [...] наверное знаю, что запомню его навсегда», — сообщает он другу. Что ж, спасибо Есенину и за то, что он скрасил — такую недолгую — жизнь Леонида Каннегисера. (Его единственная тоненькая книжечка стихов была составлена уже после его смерти в Париже.)

Но никогда никакие прогулки, игры, забавы не мешали Есенину работать. И в этот приезд домой он пишет очень много. Не только стихи, но и прозу. В частности, повесть «Яр». Гениальная есенинская поэзия как бы заслонила ее, она мало известна. Да и сам Есенин, раз и навсегда решив стать поэтом, и только поэтом, не вспоминал о своих прозаических работах. (Только за несколько месяцев до смерти задумал вернуться к прозе — не успел.) Не стремился переиздавать и «Яр». А между тем, напиши он только эту повесть, он все равно остался бы в истории русской литературы, хотя, конечно, на несравненно более скромном месте.

Чтобы так написать, надо было вырасти в деревне, пропитаться ее соками, не изучить, а познать ее быт изнутри, окунуться в ее фольклор. Недаром один из критиков назвал «Яр» «свидетельским показанием». А подружившийся с Есениным в Петрограде впоследствии известный искусствовед М. Бабенчиков очень точно понял органическую — так, умри, не придумаешь — связь автора с его творением. «Стремление примирить «Яр» как мир природы с человеком было кровным и родовым у Есенина. В крови его, как и у Афоньки[22] из «Яра», светилась зеленоватом блеском лесная глушь и дремь, но все больше и больше он чувствовал, что в нем просыпалась «ласковая до боли любовь к людям. [...] Есенин вышел из «Яра», как Лимпиада[23], он знал «любую тропинку» в лесу, все овраги наперечет пересказывая».

Заглавие повести, по мнению А.А. Есениной, произошло от местного топонима: в четырех километрах от Константинова стоял хутор, называвшийся «Яр». И другие географические названия повести — тоже реальные названия расположенных недалеко от Константинова деревень. Многие персонажи имеют прототипов — жителей Константинова. Нравственные идеалы героев близки к тем, которые прочитываются в письмах Есенина Г. Панфилову и М. Бальзамовой.

Многие сюжетные эпизоды — реальные события лета 1915 г. В Рязанской губернии (и в Константинове, в частности) распространилась болезнь крупного рогатого скота — ящур (сибирская язва). Избавиться от этой напасти крестьяне пробовали с помощью колдовства. В «Яре» это описано так: «...некоторые вспомнили, что при падеже на скотину надо опаживать село».

Вечером на сходе об опаживании сказали во всеуслышанье и не велели выходить на улицу и заглядывать в окна.

При опаживании, по словам стариков, первый встречный и глянувший —

колдун, который и наслал болезнь на скотину.

Участники обхода бросались на встречного и зарубали топорами насмерть.

В полночь Старостина жена позвала дочь и собрала одиннадцать девок.

Девки вытащили у кого-то с погребца соху, и дочь старосты запрягла с хомутом свою мать в соху.

С пением и заговором все разделись наголо, и только жена старосты была укутана и увязана мешками.

Глаза ее были закрыты, и, очерчивая на перекресток круг, каждый раз ее спрашивали:

— Видишь?

— Нет, — глухо отвечала она.

После обхода с сохой на селе болезнь приутихла и все понемногу угомонились».

Современный литературовед Ю. Орлицкий доказал, что повесть написана ритмизированной прозой.[24]

Какой же душевной широтой, каким гигантским талантом, какой уверенностью в своих силах надо было обладать, чтобы забыть такую повесть!

* * *

29 сентября 1915 г. газета «Рязанский вестник» публикует информацию: «Ратники, имеющие остроту зрения менее 0,5 в обоих глазах, могут носить очки и принимаются на нестроевую службу». Мы не знаем, какая «острота зрения» была у Есенина, но всю жизнь он обходился без очков. Так что Сергей Александрович попадал под действие этого указа.

Очевидно, именно поэтому он покидает Константиново и едет в Петроград. (Хотя раньше намеривался жить в Москве — продолжать образование в университете Шанявского.) Возможно, он надеется, что кто-то из его новых друзей (или их высокопоставленных знакомых) поможет ему избежать призыва.

«Апостол нежный Клюев / Нас на руках носил»

По приезде в столицу (2 или 3 октября) на квартире у С. Городецкого он впервые встречается с Николаем Клюевым, который сыграет в его судьбе громадную — и неоднозначную — роль. Заочно — по переписке — они уже были знакомы. Перед поэзией Клюева Есенин благоговел давно, но только в апреле 1915 г., окрыленный своими успехами в Петрограде, решил написать ему:

«Дорогой Николай Алексеевич!

Читал я Ваши стихи, много говорил о Вас с Городецким и не могу не писать Вам. Тем более тогда, когда у нас есть с Вами много общего. Я тоже крестьянин и пишу так же, как Вы, но только на своем рязанском языке. Стихи у меня в Питере прошли успешно. [...] в «Голосе жизни» есть обо мне статья Гиппиус под псевдонимом Роман Аренский, где упоминается и Вы. Я хотел бы с Вами побеседовать о многом, но ведь «через быстру реченьку, через темненький лесок не доходит голосок». Если Вы читаете мои стихи, черкните мне о них. Осенью Городецкий выпускает мою книгу «Радуница».

Клюев не замедлил с ответом:

«Милый братик, почитаю за любовь узнать тебя и говорить с тобой, хотя бы и не написала про тебя Гиппиус и Городецкий не издал твои песен. [...] мне необходимо узнать слова и сопоставления Городецкого, не убавляя, не прибавляя их. Чтобы быть наготове и гордо держать сердце свое перед опасным для таких людей, как мы с тобой, — соблазном. Мне многое почувствовалось в твоих словах — продолжи их, милый, и прими меня в сердце свое».

Уже в этом первом письме Клюев пытается резко отделить «милого братика» — крестьянского поэта от его городских покровителей, того же Городецкого и Гиппиус. С тех пор — а может быть, и раньше — Клюев внимательно следит за есенинскими публикациями и не скрывает своего восторженного к ним отношения. В августе поэты «встречаются» на страницах «Ежемесячного журнала»: клюевское стихотворение «Смерть ручья» («Туча — ель, а солнце — белка...») соседствует с двумя стихотворениями Есенина «Выткнулся на озере алый свет зари...» и «Пастух» («Я пастух, мои палаты...»). Кому как, а нам представляется, что уже в этих стихах, особенно в первом, ученик превзошел учителя.

В августе же в Константиново уходит еще одно письмо Клюева: «Голубь, ты мой белый [...] Ведь ты знаешь, что мы с тобой козлы в литературном огороде, и только по милости нас терпят в нем, и что в этом огороде есть немало колючих кактусов, избегать которых нам с тобой необходимо для здоровья как духовного, так и телесного. Особенно я боюсь за тебя: ты как куст лесной щипицы,[25] — который чем больше шумит, тем больше осыпается. Твоими рыхлыми драценами[26] объелись все поэты, но ведь должно быть тебе понятно, что это после ананасов в шампанском.[27] Я не верю в ласки поэтов-книжников [...]. Верь мне. Слова мои оправданы опытом.

Ласки поэтов — это не хлеб животный, а «засахаренная крыса»[28] и рязанцу, и олончанину[29] это блюдо по нутро не придет, и смаковать его нам грешно и безбожно. Быть в траве зеленым, а на камне серым — вот наша с тобой

программа, — чтобы не погибнуть. Знай, свет мой, что лавры Игоря Северянина никогда не дадут нам удовлетворения и радости твердой, между тем как любой петроградский поэт чувствует себя божеством, если ему похлопают в ладоши в какой-нибудь «Бродячей собаке», [30] где хлопали без конца и мне и где я чувствовал себя несчастнейшим из существ земнородных. А умиляться тем, что собачья публика льнет к нам, не для чего, ибо понятно и ясно, что какому-нибудь Кузьмину [31] или графу Монтетули [32] не нужно лишней раз прибегать к шприцу с морфием или с кокаином, потерявшись около нас. Так что радоваться тому, что мы этой публике на каких-либо полчаса заменяем дозу морфия — нам должно быть горько и для нас унижительно...».

Клюев в общем-то верно — хотя и утрированно — называет причину бешеного успеха Есенина: модернизм стал надоедать публике, захотелось «свежатинок», настала мода на «народность». А всякая мода, как известно, проходящая. Но предупредить Есенина от зависти к Северянину было совершенно излишне: побывав однажды на его «поэзовечере», Есенин на вопрос, понравился ли ему, ответил недвусмысленно: «Нет, стихи есть хорошие, а только что ж все кобенится».

Уже в этом письме Клюева просматривается эгоистическое желание «не отдать» Есенина «в чужие руки», вырвать его из-под влияния питерской интеллигенции. И в дальнейшем Клюев всегда будет стараться, чтобы Есенин не вышел из круга «новокрестьянских» поэтов, поддерживать его религиозные искания и предостерегать от богемы. До поры до времени ему будет это удаваться.

... И вот наконец — желанная для обоих — личная встреча. Вспоминая о тех днях, С. Городецкий писал: «Вероятно, у меня он [Клюев] познакомился с Есениным. И впился в него. Другого слова я не нахожу для начала их дружбы [...]. Чудесный поэт, хитрый умник, обаятельный своим коварным смирением, творчеством, вплотную примыкавшим к былинам и духовным стихам севера, Клюев, конечно, овладел молодым Есениным, как овладевал каждым из нас в свое время».

Городецкому вторит и В. Чернявский, также свидетель тогдашнего общения Есенина и Клюева: «...влияние Клюева на Есенина в 1915–1916 годах было огромно. [...] Есенин благоговел перед Клюевым как поэтом. В часы, когда тот читал с большим искусством свои тяжелые, многодумные, изощренно-мистические стихи и «беседные наигрыши», Сергей не раз молча указывал на него глазами, как бы говоря: вот они, каковы стихи!»

Но с самого начала отношения с Клюевым не были для Есенина сплошным праздником. «Его влияние на молодого поэта вскоре приобрело характер власти» (М. Бабечников).

Тот, кого Есенин хотел бы видеть старшим другом, учителем и наставником, с первой же встречи «впился» в него, отнюдь не только как в поэта. Клюев был геем. И конечно мальчик-херувимчик сразу же стал объектом его вожделений. Что до Есенина, то он питал к содомии самое глубокое отвращение. Уже через несколько недель после знакомства с «апостолом нежным» он сообщает московской поэтессе А. Столице: «Одолеваем ухаживаньем Клюева». Очевидно, все-таки эти «ухаживанья» не были бесплодными. Они не только вместе появлялись в салонах, но и жили вместе. Поэт и переводчик Ф. Фидлер записал в своем дневнике: «Видимо, Клюев очень любит Есенина: склонив его

голову к себе на плечо, он ласково поглаживал его по волосам».

Такая любовь была не только не нужна Есенину, он ощущал ее как тяжелую ношу, которую приходится носить. Сам Есенин рассказывал только об отбитых атаках Клюева, о том, что вынужден был припугнуть его разрывом, а за день до смерти поведал художнику П. Мансурову, как однажды Клюев «употребил» его, сонного. Все это наверняка правда. Но вряд ли вся правда. Конечно, Есенин был нужен Клюеву не только как сексуальный партнер, но если бы «Сереженька» не уклонялся, а однажды твердо уклонился, да так, чтобы у Клюева не осталось никаких надежд, вряд ли он стал бы возиться с «меньшим братом», принимать такое горячее участие в его поэтической карьере. Во время поездки Клюева и Есенина в Москву, когда Есенин хотел отправиться навестить Анну Изряднову и сына, Клюев устроил настоящую истерику. «Как только я за шапку, он — на пол, посреди номера, сидит и воет во весь голос по-бабьи; не ходи, не смей к ней ходить!»

Почему же Есенин, чья натура восставала против подобных отношений, все-таки не сказал решительного «нет»? Из уважения к таланту на такое не идут. В то время Клюев был нужен Есенину намного больше, чем Есенин Клюеву. Ведь пока именно Клюев — «известный признанный поэт», пользующийся большим авторитетом. Он — при желании — вполне мог перекрыть кислород поэту начинающему. А вот этого Есенин страшился больше, чем содомии. Ради «лиры милой» Есенин мог пойти на все, не пожалеть «ни матери, ни друга, ни жены». Он с юности мечтал стать поэтом, к которому приковано внимание общества. Но ему и в страшном сне не могло присниться, чем придется заплатить за «попадание в прицел» ему, по рождению далекому от литературных кругов, не имеющему никаких связей.

Во времена Серебряного века однополые союзы были явлением довольно распространенным и неосуждаемым. Но Есенин не мог не осуждать себя сам. (Точнее, не быть самому себе противным.) В свою очередь это не могло не привести к душевной трещине, не стать еще одной ступенькой по дороге — пока еще довольно длинной — к полной потере себя. А человек, окончательно потерявший себя, не может быть поэтом — и ничего, кроме веревки на шее, ему не остается.

...И слышатся нам голоса оппонентов: а откуда вы все это знаете? Вы что... Отвечаем: это гипотеза. Но гипотеза не на пустом месте. Как всегда, выдают стихи. «Не ты ль, мой брат, жених и сын...» — восклицает Клюев в посвященном Есенину стихотворении «Изба — святилище земли...». И в другом, также посвященном Есенину, — еще более откровенно: «Супруги мы...». А в «Плаче по Сергею Есенину»: «Овдовел я без тебя...». Конечно, можно возразить: это метафоры. Но уж больно настойчиво подобные метафоры повторяются. Да и в личном письме Клюев называет Есенина «братом и возлюбленным».

С. Городецкий вспоминает о приступах ненависти Есенина к Клюеву. («Ей-богу, я ножом пырну Клюева».) Михаил Кузмин, тоже гей, и потому разбиравшийся в отношениях такого рода лучше других, в книге «Форель разбивает лед» (написанной в 1926 г., т. е. уже после смерти Есенина), в главе «Уединение питает страсти», закамouflировано говорит об отношениях Клюева и Есенина.

В начале главы («Ау, Сергунька! Серый скит осиротел./ Ау, Сергунька! Тихий ангел пролетел») явно клюевская лексика. Да и «Сергунькой», насколько

нам известно, называли только Есенина. А дальше:

*Что стыдиться, что жалеть?
Раз ведь в жизни умереть.
Скидывай кафтан, Сережа.
Помогай нам, святой Боже!*

.....

*И стоим мы посреди,
Как два отрока в печи,
Хороши и горячи.
Держись удобней, — никому уж не отдам.
За этот грех ответим пополам.[33]*

Есенин вовсе не «работает под Клюева». В петроградских салонах — в отличие от «учителя», всегда одетого нарочито по-деревенски, — он появляется в своей обычной одежде. Есенин «одевался по-европейски и никакой поддевки не носил, — вспоминала З. И. Ясинская, дочь И. И. Ясинского.[34] — Костюм, по-видимому, купленный в магазине готового платья, сидел хорошо на ладной фигуре, под костюмом — мягкая рубашка с отложным воротничком. Носил он барашковую шапку и пальто. Так одевались тогда в Питере хорошо зарабатывающие молодые рабочие. Есенин имел городской вид и отнюдь не производил впечатления провинциала...»

Но вот — первое совместное выступление Есенина и Клюева на вечере новокрестьянских писателей «Краса» 25 октября 1915 г. в зале Тенишевского училища. В вечере участвовали также крестьянские поэты А. Ширяевец, С. Клычков, П. Радимов и «примкнувший к ним» городской писатель А. Ремизов. Вступительное слово (или как говорилось в афише: «зачальное присловье») сказал С. Городецкий. Кроме стихов на вечере исполнялись рязанские и заонежские частушки, прибаутки, канавушки и страдания (под ливенку).

Клюев заявил, что будет выступать на вечере в своем обычном посконном одеянии. Возник вопрос, как одеть Есенина. Поначалу, очевидно, он намеривался выйти на сцену в городском костюме. («Для Есенина принесли взятый напрокат фрак», — вспоминает свидетельница.) Однако фрак явно не шел его крестьянской внешности. Тогда С. Городецкому (заметим: Городецкому, а не Есенину) пришла мысль нарядить Сергея в шелковую белую рубашку (которая очень шла ему) и дополнить ее плисовыми шароварами, остроносыми сапожками из цветной кожи на каблучках. В этом наряде, с гармонью (ливенкой) в руках он и появился на эстраде. Все это изменило обычный облик Есенина — сделало его претенциозным, театральным. И хотя читал Есенин по общему признанию, великолепно, все же этот вечер не стал безоговорочным успехом Есенина. Отзывы зрителей и критиков разделились. Одни готовы были слушать Есенина в любом одеянии, другим этот «маскарад» представлялся необходимым пиаром (хотя тогда это слово еще не вошло в русский язык — употребляли какие-то синонимы), третьи же посчитали, что «дегтярные сапоги и парикмахерски завитые кудри дают фальшивое впечатление пастушка с лукутинской табакерки[35] — и справедливо добавляли: «Этого мнимого «народничества» лучше избегать».

В журнале «Рудин» Л. Рейснер (под псевдонимом Л. Храповицкий) писала о вечере «Красы» в издевательски-ерническом тоне, стилизуя сообщение под военные сводки: «... русское общественное мнение после упорного сопротив-

ления отступило на заранее заготовленные позиции. [...] Смолкли резвые частушки г. Сологуба [...] Вот оно просыпается «красовитое слово народное». Назло «шептунам» и «фыркателям» приходит оно, чтобы занять подобающее место среди беспорядочно бегущих толп. Сюда «наследники Баяновы» [...] во весь рост поднялась Матушка Россия. [...] Видно, недаром добрый молодец млад Есенин из Рязани потряхивал кудрями русыми, приплясывал ножками резвыми!»

Заметка сопровождалась карикатурой: на веточке сидят участники вечера — Городецкий, Клюев, Ремизов, Есенин в виде полулюдей-полуптиц. Есенин — в виде крошечного птенца — последний.[36]

Вероятно, именно отсутствие обещанного триумфа охладило отношение Есенина к Городецкому. Масла в огонь наверняка подлил ревнивый Клюев. «Он совсем подчинил нашего Сергуньку: поясок ему завязывает, волосы гладит, следит глазами», — жаловался В. Чернявский в письме В. Гиппиусу.

Наверное, не случайно группа «Краса» после вечера в Тенишевском училище уже не возобновляла своей деятельности.

К сожалению, Есенин не внял совету избегать «мнимого народничества». Он еще не раз появится на петроградских и московской сценах в маскарадном наряде. Анна Изряднова вспоминает: «В январе 1916 г. приехал с Клюевым. Сшили они себе боярские костюмы — бархатные длинные кафтаны; у Сергея была шелковая голубая рубаха и желтые сапоги на высоком каблуке, как он говорил: «Под пятой, пятой хоть яйцо кати». [...] На них смотрели как на диковинку».

Некоторые из принявших поначалу Есенина «на» ура стали относиться к нему не без иронии. И тут появляется миф — вот здесь это слово вполне на месте, — благополучно доживший и до наших дней: во всех бедах Есенина виноваты... жидаы. Печально известная газета «Земщина» напечатала статью А. И. Тинякова «Русские таланты и жидовские восторги», почти целиком посвященную Есенину: «Приехал в прошлом году из Рязанской губернии в Питер паренек — Сергей Есенин. Писал он стишки среднего достоинства, но с огоньком, и — по всей вероятности — из него мог бы выработаться порядочный и полезный человек. Но сейчас же его облепили «литераторы с прожидью», нарядили в длинную, якобы «русскую» рубаху, обули в «сафьяновые сапожки» и начали таскать с эстрады на эстраду. И вот, позоря имя и достоинство русского мужика, пошел наш Есенин на потеху жидам и ожидовелой, развращенной и разжиревшей интеллигенции нашей». И далее предостережение всем начинающим дарованиям: «Не верьте вы, братцы, жидовской ласке».

Это кто же, по мнению Тинякова, «ожидовел»? Уж не русский ли от пят до кончиков волос Сергей Городецкий? Впрочем, удивляться не приходится: юдофобы имеют обыкновение причислять к «жидам» или «ожидовелам» всех, кто им не по нраву. А может быть, он имел в виду С. Чацкину и Я. Сакера, издателей журнала «Северные записки», обласкавших еще неизвестного поэта, напечатавших его поэму «Русь» и повесть «Яр» и ни сном ни духом не причастных к его маскарадам. Но хватит о Тинякове — противно. Расскажем лучше, как и зачем Есенин в январе 1916 г. оказался в Москве.

Поэт выполнял «социальный заказ». И отнюдь не «жидовских», а неославянофильских кругов, в частности полковника Д. Н. Ломана, одного из главных организаторов «Общества возрождения художественной Руси». В уставе «Об-

щества» говорилось, что оно «имеет целью распространение в русском народе широкого знакомства с древним русским творчеством во всех его проявлениях и дальнейшее преемственное его развитие в применении к современным условиям. [...] Общество имеет в виду [...] распространять сведения о художественной стороне церковного и гражданского быта Древней Руси и возбуждать к ней общественное внимание путем устройства чтений и бесед, а равно — путем издательства, заботясь при этом о чистоте русской разговорной речи и книжного языка...»

«По совместительству» Д. Ломан был штаб-офицером при коменданте Царскосельского дворца, а его сын Юрий — крестником Николая II. С начала войны Ломан — уполномоченный Ее Императорского Величества Государыни Императрицы по полевому Царскосельскому военно-санитарному поезду № 143.

В конце 1915 г. Ломан лично знакомится с Есениным. И у него тут же возникает план выступления «сказителей» (Есенина и Ключева) в Москве перед Великой Княгиней Елизаветой Федоровной. Он поручает своему представителю обеспечить «сказителей» по их приезде в древнюю столицу жильем, а также распорядиться о пошиве им в кратчайшие сроки новой концертной одежды и обуви для этого выступления. (Какова была эта одежда и обувь, мы уже рассказали.)

Практически одновременно с личным знакомством Есенина с Ломаном к последнему поступает просьба от друзей поэта о зачислении Есенина в подведомственный Ломану поезд для прохождения военной службы. Это было необходимо сделать, так как со дня на день ожидался приказ Государя Императора о призыве всех ратников 2-го разряда, не попавших в предыдущий призыв. Так что послушаться Ломана Есенин просто не мог. (Это не значит, что Есенин не хотел ехать в Москву — почему бы и не прогуляться на казенный счет, не повидать сына?)

Выступление перед Великой Княгиней (помним: это «заказ» Ломана) возмутило многих из новых друзей Есенина, среди которых господствовали резко антимонархические настроения. Нам сейчас кажется, что только большевики способны на такую жестокость — расстрелять вместе с царем и всю его семью. Но вот что писал, символист (а не какой-нибудь бездарный подпевала социал-демократов) Федор Сологуб:

*Стоят три фонаря — для вешанья трех лиц:
Середний — для царя, а сбоку — для цариц.*

Начавшаяся Первая мировая война лишь поначалу воодушевила, а потом — еще больше обозлила общество.

Есенин, конечно, понимал, как воспримут выступление перед такой аудиторией те, кто помог ему сделать первые шаги на литературном поприще. Но он уже мог себе позволить не обращать внимания на подобные «мелочи». Имя уже было завоевано, и у него были мощные покровители: в литературе — Ключев, а по жизни — тот же Ломан.

И он не ошибся. Почти сразу же после возвращения обласканных Великой Княгиней «сказителей» в Петроград в издательстве М. Аверьянова (по протекции Ключева) выходит первая книга Есенина «Радуница»[37] — и критика снова захлебывается от восторгов.

«Чую радуницу Божью»

«Все в один голос говорили, что я талант. Я знал это лучше других», — без ложной скромности скажет Есенин в 1923 г. Успех первой книги — не частый случай в истории литературы. А ведь появилась она отнюдь не на «безрыбье». В это время в русской поэзии творили Блок, Брюсов, Андрей Белый, Бунин, Бальмонт, Маяковский, Северянин... Тоненькая, невзрачная книжечка [38] вызвала такой шквал эмоций, потому что ее содержание было разительно не похоже ни на Блока, ни на Бунина, ни на Маяковского.

«Соблазны культуры почти ничем не задели ясной души «рязанского Леля». Он поет свои звонкие песни легко, просто, как поет жаворонок. Усталый, пресыщенный горожанин, слушая их, приобщается к забытому аромату полей, бодрому запаху черной, разрыхленной земли, к неведомой ему трудовой крестьянской жизни, и чем-то радостно-новым начинает биться умудренное всякими исканиями и искусствами вялое сердце», — писала довольно известный в то время критик Зинаида Бухарова (под инициалами «З. Б.») ...А в «Северных записках» стихами Есенина любит Софья Парнок (под псевдонимом Андрей Полянин) ... А в журнале «Современный мир» Натан Венгров: «Есть что-то от «приволья зеленых лех»[39] в этой весенней и очень молодой книжечке стихов... [...] Несомненно, что Есенин знает то, что пишет, — сам оттуда, от земли. И поэтому большой любовью к земле и к травам, и к «посвисту ветряному» и к «ухлюпам трясин» пропитаны его строки»... А еще рецензии в провинциальных газетах.

Но больше всего Есенин гордился статьей профессора. П. Сакулина «Народный златоцвет», опубликованной в солидном, основанном еще в 1866 г. журнале «Вестник Европы». Поскольку эта статья не только оценивает «Радуницу», но и дает представление о ее содержании, мы процитируем ее, не ограничивая себя объемом: «С первых же минут своей жизни Есенин приобщился к народно-поэтическому миру. Он — “внук купальской ночи”. Матушка в купальницу по лесу ходила, собирала “травы ворожбиные”, тут и сына породила.

*Родился я с песнями в травном одеяле,
Зори меня вешние в радугу свивали.*

Весенним, но грустным лиризмом веет от «Радуницы». Славословье природы, поэзия быта, искорки молодой любви и молитва Богу — вот спектр этой развивающейся поэзии.

Нежно любит Есенин свою родную сторону и находит для нее хорошие ласковые слова:

*Топи да болота,
Синий плат небес,
Хвойной позолотой
Вззвенивает лес.*

*Тенькает синица
Меж лесных кудрей,
Темным елям снится
Гомон косарей.*

*По лугу со скрипом
Тянется обоз —
Суховатой липой
Пахнет от колес*

*Слушают ракиты
Посвист ветряной...
Край ты мой забытый,
Край ты мой родной.*

Мила, бесконечно мила Есенину деревенская хата, где “пахнет рыхлыми драченами, у порога в дежке[40] квас, под печурками точеными тараканы лезут в паз”. Он превращает в золото поэзии все — и сажу над заслонками, и котла, который крадется к парному молоку, и кур, беспокойно квохчущих над оглоблями сохи, и петухов, которые на дворе запевают «обедню стройную», и кудлатых щенков, забравшихся в хомуты [...]. Когда нам говорили о поэзии крестьянского труда писатели-народники, напр. Н.Н. Златовратский, и даже когда сам Кольцов воспевал нам урожай или покос, — мы не могли не подозревать известной идеализации. Но в Есенине говорит непосредственное чувство крестьянина, природа и деревня обогатили его язык дивными красками. “В пряже солнечных дней время выткало нить”, — скажет он, или: “Выткался на озере алый цвет зари...”, “Желтые поводья месяц уронил”.

Для Есенина нет ничего дороже родины. «Если крикнет рать святая — / «Кинь ты Русь, живи в раю!» —/Я скажу: «Не надо рая,/Дайте родину мою»», — восклицает он. [...]

“Пою я о Боге касаткой степной, — говорит он о себе. — На сердце лампадка, а в сердце Иисус”. Он видит, как “на легкокрылых облаках идет возлюбленная Мати с Пречистым Сыном на руках”: “Она несет для мира снова распять воскресшего Христа”. В духе народных легенд рассказывает он, как “в шапке облачного скола, в лапоточках, словно тень, ходит милостник Микола мимо сел и деревень”, как “проходили калики деревнями” и говорили “страдальческие речи”. Его умиляют образы “светлого инока” в скуфейке[41] и простые богомолки. [...] Заканчивается “Радуница” таким самоопределением поэта:

*Чую Радуницу Божью —
Не напрасно я живу,
Поклоняюсь придорожью,
Припадаю на траву.*

*Между сосен, между елок
Меж берез кудрявых бус,
Под венком в кольце иголок,
Мне мерещится Иисус.*

*Он зовет меня в дубравы,
Как во царствие небес,
И горит в парче лиловой
Облаками крытый лес.*

*Голубиный дух от Бога,
Словно огненный язык,
Завладел моей дорогой,*

Заглушил мой слабый крик.

*Льется пламя в бездну зренья,
В сердце радость детских снов.
Я поверил от рожденья
В Богородицын покров».*

Правда, приветствуя «Радуницу», критики позволяли себе и некоторые замечания: обилие диалектизмов (во втором издании Есенин почти все их уберет), провалы вкуса в каких-то сравнениях: «кружево» леса, «плат» небес и т. п. (потом кое-что будет переделано, а кое-что просто выброшено). Но все это не меняло общего восхищенного тона.

Конечно, в бочке меда не обошлось и без ложки дегтя. С отрицательными рецензиями выступили Н. Лернер и Г. Иванов. Но кто такой начинающий поэт Георгий Иванов по сравнению с Сакулиным? Его брюзжанье легко можно было объяснить простой завистью к более удачливому собрату. (Впоследствии, в мемуарах, он будет писать о Есенине совсем в других выражениях, отдавая должное его таланту.) А Лернер? О ком Лернер отозвался хорошо? Разве что о Пушкине.

* * *

Почти во всех рецензиях рядом с именем Есенина стояло имя Клюева. «Оба они — кровные дети крестьянской России» (П. Сакулин). «Приветствуя их [Есенина и Клюева] мы согреваемся душою и верим в самые светлые достижения непочатых, неиссякаемых сил нашего народа» (З. Бухарова). Так что союз Есенина с Клюевым был явно — и теперь уже, пожалуй, равно — необходим обоим.

Возвратившись из Москвы, они снова выступают вместе. В тех же костюмах. (Теперь они входят в новое объединение — «Страда», мало чем отличавшееся от «Красы».) Но отзывы публики и рецензентов становятся все менее и менее восторженными, маскарадность начинает все более и более раздражать. А главное, ампула «рязанского Леля» все меньше и меньше устраивает самого Есенина. Не нужны ему больше сафьяновые сапожки: его будут слушать в любом одеянии — он теперь в этом не сомневается.

И тогда-то — в первую зимнюю декаду 1916 г. — Есенин уже почти не скрывает своего раздражения против Клюева, главного сторонника «поддевочного» стиля. «В начале 1916 года Сергей, кажется, впервые заговорил со мной откровенно о Клюеве, — вспоминал уже упомянутый Владимир Чернявский, — без которого даже у себя дома я давно его не видел. С этих пор, не отрицая значение Клюева как поэта и по-прежнему идя с ним по одному пути, он не сдерживал своего мальчишески-сердитого негодования». А вот свидетельство прославленной исполнительницы русских народных песен Н. Плевицкой, относящееся к весне 1916 г.: «Сначала Есенин стеснялся, как девушка, а потом осмелел и за обедом стал трунить над Клюевым. Тот ежился и, втягивая голову в плечи, опускал глаза». Тогда же Есенин подарил Клюеву свою фотографию с надписью теплой, но сделанной, однако, как бы из далекого будущего, где восторжествует принцип «что прошло, то будет мило»: «Дорогой мой Коля! На долгие годы унесу любовь твою. Я знаю, что этот лик заставит меня плакать (как плачут на цветы) через много лет. Но это тоска будет не о минувшей юности, а по любви твоей, которая будет мне как старый друг. Твой Сережа 1916 г.

30 марта. П[е]т[роград]».

В начале лета этого же года Есенин — М. Мурашеву из Москвы: «Клюев со мной не поехал, и я не знаю, для какого он вида затаскивал меня в свою политику. Стулов[42] в телеграмме его обругал, он, оказалось, был у него раньше, один, когда ездил с Плевацкой и его кой в чем обличили». Содержание письма не очень понятно: какая «политика», в чем «обличили», но накопившееся раздражение к Клюеву прямо-таки торчит из этих строк.

«Иные в сердце радости и боли». Ратник 2-го разряда

Есенину не просто надоело рядиться в «рязанского Леля», он перестал им быть. Менялся сам Есенин. Неизбежно менялись и его стихи. («Иные в сердце радости и боли, / И новый говор липнет на язык».) Нет, он не забыл — и никогда не забудет — «край любимый, сердцу милый» и его обитателей. Он пошлет «Радунницу» с дарственной надписью в Спас-Клепики своему учителю литературы Е. М. Хитрову. (Гриша Панфилов к тому времени умер.) А весной 1916 г. в стихотворении «За горами, за желтыми долами...» вновь вспомнит родное Константиново:

*Там с утра над церковными главами
Голубеет небесный песок,
И звенит придорожными травами
От озер водяной ветерок.*

*Не за песни весны над равниною
Дорога мне зеленая ширь —
Полюбил я тоской журавлиною
На высокой горе монастырь...*

— и посвятит это стихотворение той, что была его первой любовью — Анне Сардоновской.[43]

Кончается стихотворение обращением к «бедной страннице» (той же Анне Сардоновской): «Помолись перед ликом Спасителя/ За погибшую душу мою». Он уже ощущает свою душу как «погибшую», загубленную отрывом от родной почвы, но еще верит в Спасителя, который, быть может, отпустит грехи.

В сентябрьском-октябрьском номере «Ежемесячного журнала» за 1916 г. — стихотворение «В том краю, где желтая крапива...», в котором Есенин впервые откровенно любит нарушившими библейские заповеди преступниками и говорит о своем родстве с ними.[44]

*Затерялась Русь в Мордве и Чуди,
Нипочем ей страх.
И идут по той дороге люди,
Люди в кандалах.*

*Все они убийцы или воры,
Как судил им рок.
Полюбил я грустные их взоры
С впадинами щек.*

*Много зла от радости в убийцах,
Их сердца просты.
Но кривятся в почернелых лицах.
Голубые рты.*

*Я одну мечту, скрывая, нежу,
Что я сердцем чист.
Но и я кого-нибудь зарезу
Под осенний свист.*

*И меня по ветряному свею[45]
По тому ль песку
Поведут с веревкою на шее.[46]
Полюбить тоску.*

Впрочем, это стихотворение «выламывается» из потока есенинской лирики 1916 г. Он все еще остается поэтом «золотой бревенчатой избы». Только ностальгические нотки звучат все явственнее.

* * *

12 апреля 1916 г. Сергей Есенин был призван на военную службу и зачислен ратником 2-го разряда в списки резерва. Давние хлопоты друзей не пропали втуне. Новобранца приписали к военно-санитарному поезду под командование полковника Ломана. Базировался обслуживающий персонал поезда в Царском Селе, в поселке, именовавшемся Феодоровским городком. Встретив Есенина весной 1916 г. в Петрограде, один из его друзей нашел поэта не слишком удрученным военной долей: «...Он, сняв фуражку с коротко остриженной головы, ткнул пальцем в кокарду и весело сказал:

— Видишь, забрили? Думаешь, пропал? Не тут-то было.

Глаза его лукаво подмигивали, и сам он напоминал школяра, тайком убежавшего от старших».

От ужасов фронта Есенина надежно страховал Ломан, а если вдруг возникала опасность, друзья принимали меры. Сохранилось письмо Клюева Ломану (точная дата его написания неизвестна, по-видимому, апрель 1916 г.):

«Полковнику Ломану.

О песенном брате Сергее Есенине моление.

Прекраснейший из сынов крещеного царства мой светлый братик Сергей Есенин взят в санитарное войско с причислением к поезду № 143 имени е. и. в. в. к. Марии Павловны.

В настоящее время ему, Есенину, грозит отправка на бранное поле к передовым окопам. Ближайшее начальство советует Есенину хлопотать о том, чтобы его немедленно потребовали в вышеозначенный поезд. Иначе отправка к окопам неустранима. Умоляю тебя, милостивый, ради родимой песни и червонного великорусского слова похлопотать о вызове Есенина в поезд — вскорости.

В желании тебе здоровья душевного и телесного остаюсь о песенном брате молельник Николай сын Алексеев Клюев».

27 апреля военный поезд № 143 отправился в Крым. На протяжении всего пути Есенин в качестве санитаря участвует в приеме и высадке раненых и больных. «Ему приходилось бывать и в операционной, — со слов брата рассказывала Екатерина Есенина. — Он говорил об операции одного офицера, которому отнимали обе ноги».

16 мая поезд вернулся в Царское Село. Вскоре после возвращения — у Есенина приступ аппендицита. Екатерина Есенина писала в своих мемуарах, что брата отпустили на побывку домой именно в связи с перенесенной операцией. На самом деле Есенин отправляется с тем же поездом № 143 в еще одну поездку. И только 13 июня 1916 г. ему выписан пятнадцатидневный отпуск, большую часть которого он провел в Константинове.

* * *

«В селе родном» он, по собственным словам, «хорошо смыл с себя дурь городскую». Снова в обществе Анны Сардановской гуляет он по окрестностям

Константинова, и прежнее чувство, очевидно, всколыхнулось. Вернувшись в Царское, он будет вспоминать: «Рожь, тропа такая черная и шарф твой, как чадра Тамары». Но вспомнит и другое: «Прости, если груб был с тобой, это напускное, ведь главное-то стержень, о котором ты хоть маленькое, но имеешь представление». Думается, Есенин в это время уже сам не очень хорошо понимает, что в нем «стержень», а что «напускное». Ибо «напускное», увы, имеет свойство очень быстро проникать в «стержень». Анна Сардановская, как годом раньше Анна Изряднова, наверное, почувствовала, что Сергей «уж не такой, не прежний» (слова Блока). Во всяком случае, в ответом письме она иронически отнесется к словам Есенина: «Вечером буду пить пиво и вспоминать тебя» — «Может быть, без пива ты и не вспомнил бы».

Предсказание отца поэта, что сын всегда и везде будет чувствовать себя одиноким, начинает сбываться. Даже в стихотворении, написанном в Константинове, он просит помолиться за него, «бесприютного в отчизне». А в том же письме к Анне Сардановской: «Хорошо быть плохим, когда есть кому жалеть и любить тебя, что ты плохой. Я об этом очень тоскую. Это, кажется, для всех, но не для меня».

Впоследствии Анна Сардановская станет прототипом той самой «девушки в белой накидке» из поэмы «Анна Онегина», которая единственная в жизни поэта сказала ему «нет».

Короткий отпуск закончен. Есенин, остановившись на несколько дней в Москве (тогда-то и было написано «темное» письмо М. Мурашеву о Клюеве), прибывает к месту службы. Ломан явно не перегружает его работой. Не прошло и недели, как Есенин получает увольнительную и едет в Петроград, в гости к М. Мурашеву. Об этой встрече Мурашев расскажет в своих воспоминаниях: «...зашел ко мне скрипач К. Вслед за ним пришел художник Н., только что вернувшийся из-за границы, откуда он привез мне в подарок репродукцию Яна Стыки «Пожар Рима».[47]

Эта картина вызвала такие споры, что пришлось давать высказываться по очереди. Причиной споров была центральная фигура картины, стоящая на крыше дворца с лирой в руках, окруженная прекрасными женщинами и не менее красивыми мужчинами, любующимися огненной стихией и прислушивающимися к воплям и стонам своего народа. Горячо высказывались писатели, возмущенно клеймили того, кто совмещал поэзию с пытками. Есенин молчал. [...] Обратились к Есенину и попросили высказаться. «Не найти слов ни для оправдания, ни для обвинения — судить трудно», — тихо сказал Есенин. [...].

Сергей Есенин подошел к письменному столу, взял альбом и быстро-быстро написал текст стихотворения:

*Слушай, поганое сердце,
Сердце собачье мое.
Я на тебя, как на вора,
Спрятал в руках лезвие.*

*Рано ли, поздно всажу я
В ребра холодную сталь.
Нет, не могу я стремиться
В вечно холодную даль.*

*Пусть поглупее болтают,
Что их загрызла мета;[48]
Если и есть что на свете —
Это одна пустота.*

Я был поражен содержанием стихотворения. Мне оно казалось страшным, и я тут же спросил его: «Сергей, что это значит?» — «То, что я чувствую», — ответил он с лукавой улыбкой. [...] Через 10 дней состоялось редакционное совещание,[49] на котором присутствовал А. Блок. Был и Сергей Есенин».

Мурашев рассказал Блоку о прошлом вечере, о спорах и показал стихотворение Есенина. Блок медленно читал (очевидно, и не раз), а затем покачал головой, подозвал к себе Сергея и спросил: «Сергей Александрович, вы серьезно это написали?» — «Серьезно», — тихо ответил Есенин. «Тогда я вам отвечу», — сказал Блок. И ответил. На другой странице того же альбома. Вступлением к тогда еще не напечатанной поэме «Возмездие», где были и такие, обращенные к Художнику, строчки:

*Тебе дано бесстрастной мерой
Измерить все, что видишь ты.
Сотри случайные черты —
И ты увидишь: мир прекрасен.*

Блок отнесся к Есенину как к равному, — вступил с ним в серьезный диалог. (Хотя поводом послужило далеко не лучшее есенинское стихотворение.) Но Есенин так никогда и не последует мудрым советам Блока — «бесстрастной меры» ему не будет дано никогда, никогда не сумеет он «стереть случайные черты» и мир, быть может, за исключением некоторых моментов, не будет ему казаться прекрасным.

* * *

Тем временем полковник Ломан ведет в Царском Селе подготовительную работу по проведению в день тезоименитства Великой Княжны Марии Николаевны «увеселений». По замыслу Ломана, участвовать в них должен и Есенин, причем не только как автор уже существующих стихов, но и специально написанного стихотворного приветствия.

И вот наступает этот день — 22 июля 1916 г. Есенин читает перед высочайшими особами (присутствовали Императрица Александра Федоровна, Великие Княжны Мария и Анастасия) стихотворение «Русь», а также стихотворение, сочиненное в их честь.

*В багровом зареве закат шипуч и пенен,
Березки белые горят в своих венцах.
Приветствует мой стих молодых царевен
И кротость юную в их ласковых сердцах.*

*Где тени бледные и горестные муки,
Они тому, кто шел страдать за нас,
Протягивают царственные руки,
Благословляя их в грядущей жизни час.*

*На ложе белом, в ярком блеске света,
Рыдает тот, чью жизнь хотят вернуть...
И вздрагивают стены лазарета
От жалости, что им сжимает грудь.*

*Все ближе тянет их рукой неодолимой
Туда, где скорбь кладет печать на лбу.
О, помолись, святая Магдалина,
За их судьбу.*

Текст этого приветствия был преподнесен императрице исполненный акварелью, славянской вязью на листе плотной бумаги и украшенный орнаментами. После чего Александра Федоровна принимает подписанный Есениным экземпляр «Радуницы».

Приветствие написано по просьбе полковника Ломана. Ослушаться Есенин не мог. Но, думается, поэт обрадовался такому предложению, — это льстило его тщеславию. Во всяком случае, впоследствии (конечно, не в официальных документах, а в беседах с друзьями) он не прочь был прихвастнуть этим эпизодом своей биографии и даже дополнить его явно неправдоподобными подробностями (ел из одной ложки с Великой Княжной Анастасией, беседовал с Г. Распутиным и др.).

В Петрограде, как и следовало ожидать, известие о «гнусном» поступке Есенина встретили с негодованием. «Возмущение вчерашним любимцем было огромно, — вспоминает Г. Иванов. — Оно принимало порой комические формы. Так, С. И. Чацкина, очень богатая и еще более передовая дама, всерьез называвшая издаваемый ею журнал «Северные записки» — «тараном искусства по царизму», на пышном приеме в своей гостеприимной квартире истерически рвала рукописи и письма Есенина, визжа: «Отогрели змею! Новый Распутин! Второй Протопопов![50]». Тщетно ее более сдержанный супруг Я. А. Сакер уговаривал расходившуюся меценатку не портить здоровья «из-за какого-то ренегата».

Конечно, Г. Иванов мог и сочинить эту сцену — с него станет. Но что-то похожее, несомненно, имело место.

А ведь в петроградских салонах 1916 г. еще не знали того, что знают наши современные литературоведы: совсем недавно Есенин сотрудничал с социал-демократами, а скоро будет сотрудничать с эсерами. Так, с 1916 г. и по сей день вслед Есенину несется: хамелеон! Двурушник! Приспособленец! Но то, что не дано понять «ведам», отлично понял тот, кто по собственному опыту знал: из лицемерья не пишутся стихотворенья — Поэт В. Ходасевич: «Есенин не двурушничал [...]. Ему просто было безразлично, откуда пойдет революция, сверху или снизу. Он знал, что в последнюю минуту примкнет к тем, кто подожжет Россию; ждал, что из этого пламени фениксом, жар-птицею, взлетит мужицкая Русь».

Вполне вероятно, что Есенин хотел определенным образом влиять на политику царя. Косвенно об этом свидетельствует письмо-трактат Н. Клюева полковнику Ломану под заголовком «Бисер малый от уст мужицких» (если написано и не вместе с Есениным, то, безусловно, согласовано с ним). Ломан предложил Клюеву и Есенину написать стихи о Федоровском соборе, обещая при этом помочь поэтам издать эти стихи отдельной книгой. Клюев — в витиеватых выражениях — объясняет Ломану, почему они не могут принять столь лестное предложение. Он цитирует древнюю рукопись: «Мужие книжны, писцы, золотари, заповедь и часть с духовными приемлют от царей и архиреев и да посаждаются на седалищах и на вечерах близ святителей с честным людьми». Так смотрела древняя церковь и власть на своих художников. В та-

кой атмосфере складывалось как самое художество, так и отношение к нему. Дайте нам эту атмосферу, и Вы узрите чудо». В переводе на русский язык это значило: приблизьте нас ко двору, позвольте нам участвовать в его политике — и мы будем с вами сотрудничать. Ну, это уж слишком!

Полковник Ломан балует Есенина: ему нет отказа в увольнительных в Петроград; дважды за 1916 г. он побывал дома, в Константинове. Родные Есенина не слишком радуются его приездам. Крестьянский ум подсказывает: такие поправки даются не каждому — за это надо чем-то заплатить. («Отец и мать с тревогой смотрели на Сергея — Уж больно высоко взлетел!») Да и Сергей не очень радовался своему положению. Поэтому его приезды домой, несмотря на внешнее благополучие, оставили что-то тревожное» (Е. А. Есенина).

Внешне в жизни Есенина действительно все благополучно. Он активно задействован в мероприятиях праздничного дворцового ритуала: 1 и 5 января присутствует на богослужении в Феодоровском Государевом Соборе, затем, 6 января, — на литургии, 19 февраля выступает с чтением своих стихов в трапезной палате Федоровского городка перед высокопоставленными членами «Общества возрождения художественной Руси».

Однако ж какие грустные стихи он пишет в это «благополучное» для себя время:

*Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.*

Или:

*Кого-то нет, и тонкогубый ветер
О ком-то шепчет, сгнувшем в ночи.
Кому-то пятками уже не мять по рощам
Щербленный лист и золото травы.*

Даже Императрица заметила, что стихи Есенина красивые, но очень грустные. На что Есенин — если верить ему — ответил: «Такова вся Россия».

Еще до революции он писал о ее неизбежности:

*Многих ты, родина, ликом своим
Жгла и томила по шахтам сырым.
Много мечтает их, сильных и злых,
Выкусить ягоды персей твоих.*

«Скифы»

Это стихотворение — «Синее небо, цветная дуга...» — Есенин предназначал для задуманного Ивановым-Разумником[51] сборника «Скифы». (Там оно и появится.)

Есенин познакомился с этим известным литературным критиком и публицистом эсеровского толка еще до призыва в армию. Иванов-Разумник жил в Царском Селе. Именно там Есенин и сошелся с ним коротко, стал часто бывать у него дома. О нем поэт писал А. Ширяевцу (тоже крестьянскому поэту): «Натура его [Иванова-Разумника] глубокая и твердая, мыслью он прожжен, и вот у него-то я сам, сам Сергей Есенин, и отдыхаю, и вижу себя, и зажигаюсь об себя».

Во время подготовки сборника Есенин вместе с редактором и другими авторами (среди которых Андрей Белый) обсуждал состав и идеологию будущей книги. Предполагалось, что она будет основана на идеях символистов («Россия — Мессия»), «почвенничестве» «новокрестьянских поэтов» (мужицкая Русь) и «левонароднических» (эсеровских) идеалах. Трудно переоценить значение этих вечеров у Иванова-Разумника для формирования мировоззрения Есенина. Долго он будет считать себя духовным учеником Иванова-Разумника. А общение с Андреем Белым было, конечно же, плодотворным для Есенина как поэта.

Название альманаха (после долгих раздумий и колебаний) было выбрано не случайно. Своеобразным поэтическим манифестом «скифской группы» можно считать хрестоматийное стихотворение Блока «Скифы» («Да, скифы мы, да азиаты мы...»). Заинтересовался Есенин и «настоящими», историческими скифами. В 1920 г. в статье «Быт и искусство» он напишет: «Геродот прежде всего говорит об их [скифах] обычаях. [...] Перед вами встает это буйное и статное, и воинственное племя». (Не случайно, эта статья появится в 1921 г. в левозсеровском журнале «Знамя».) Не только Есенин, но и многие другие авторы «Скифов»: Блок, Белый, Ганин («Новый мужичок, подает небольшие надежды», — отзыв Иванова-Разумника) — станут соратниками левых эсеров. (Вопрос о формальном членстве Есенина в партии левых эсеров до сих пор остается открытым. Никакими документами, подтверждающими этот факт, мы не располагаем, но это не значит, что их не было.) Так или иначе, но Есенин был связан с эсеровскими кругами еще до Февраля. Об этих фактах его биографии умалчивают те, кому хочется представить его «приспособленцем», в одночасье превратившимся из «царскосельского певца» в глашатая революции.

22 февраля Ломан подписывает приказ, согласно которому Есенин должен отправиться в Могилев — там находилась Ставка Верховного Главнокомандующего, туда в этот день отбыл и Николай И. В связи с Февральской революцией и отречением царя необходимость в командировке отпала.

* * *

Где же был поэт в день Февральской революции? В 1923 г. он напишет: «Революция застала меня на фронте в одном из дисциплинарных батальонов, куда угодил за то, что отказался писать стихи в честь царя». Это, конечно, не было правдой, по той простой причине, что при «проклятом царизме» за отказ написать стихотворение, хотя бы и в честь Государя, не отправляли в дисциплинарный батальон.

Да, Есенин лгал. И этим ничуть не отличался от тысяч других советских граждан. Кто-то скрывал свое дворянское происхождение, кто-то царские награды, кто-то членство в политических партиях, кто-то службу в Белой армии... Иначе просто невозможно было выжить. Так, например, Евгений Шварц через все советские годы провел версию о том, что во время Гражданской войны он якобы служил в продотряде (с его характером это было совершенно невозможно), на самом же деле он в это время участвовал в «Ледяном походе».

И все же где был Есенин в день Февральской революции? Это самое темное место в его биографии. Те, кто стремятся во что бы то ни стало очернить поэта, руководствуются словами, якобы сказанными Иванову-Разумнику самим поэтом (к нам они дошли в пересказе третьего лица): «...До Могилева я так и не добрался. В пути меня застала революция. Возвращаться в Петербург я побоялся. В Невке меня, как Распутина, не утопили бы, но под горячую руку, да на радостях, расквасить мне физиономию любители нашлись бы. Пришлось сгнуться в кусты: я уехал в Константиново. Переждав там недели две, я рискнул показаться в Петербурге и в Царском Селе. Ничего, обошлось, слава Богу, благополучно». Эти «воспоминания» просто находка для тех, кому очень хочется представить Есенина трусом. Как же — «сгинул в кусты»!

Во-первых, когда информация проходит через несколько лиц, практически неизбежно начинает действовать «испорченный телефон». Кроме того, начальные фразы этого «есенинского» монолога явно не соответствуют действительности — командировка в Могилев была отменена. Далее: допустим, появиться в Петрограде в первые послереволюционные дни он побоялся (вспомним, как там отнеслись к его «ренегатству»). Но чего ему было бояться в Царском Селе? В общем сей пассаж особого доверия не вызывает. Тем более что есть другое свидетельство — от очевидца: «Когда началась Февральская революция, я еще находилась в Петрограде. В этот день [...] трамваи стояли. Пришлось идти домой пешком. Вернувшись, я застала у нас Есенина» (М. Марьянова). Да и зачем было уезжать на две недели? Что могло измениться за столь короткое время? Итак, наше мнение: в первые дни Февральской революции Есенин — скорее всего — был в Петрограде[52].

В 1917 г. он действительно побывал в Константинове. Но когда именно? Сколько он там пробыл? Сведения опять расходятся. Екатерина Есенина пишет «... в начале весны 1917 г. он [Сергей] приехал домой на все лето». Но комментаторы ее поправляют: «В 1917 г. в Константиново Есенин приехал не раньше конца мая и пробыл там, видимо, июнь и июль».

Во всяком случае, 17 марта он точно был в Царском Селе. В документе от этого числа говорится: «Ввиду сокращения штатов при Полевом Военно-санитарном поезде № 143 препровождаю в распоряжение Воинской Комиссии [при Государственной думе] ратника Сергея Есенина». Этим же числом датирован и еще один документ: «Дан сей санитару военно-полевого Поезда № 143 Сергею Александровичу Есенину с тем, что возложенные на него обязанности с 20 марта 1916 г. по 17 марта 1917 года исполнялись им честно и добросовестно и в настоящее время препятствий к поступлению Есенина в школу прапорщиков не встречается». Что сие значит? Есенин подавал заявление с просьбой отправить его в школу прапорщиков? Во всяком случае, он туда не явился. «В революцию покинул самовольно армию Керенского», — напишет он в 1923 г. Ко-

гда царская армия превратилась в армию Керенского, дезертирство из нее стало явлением массовым и практически ненаказуемым. Есенин не мог не понимать, что из школы прапорщиков одна дорога — на фронт. Вполне понятно, что у него не было желания сложить голову «за чей-то чужой интерес». Теперь не Клюев, а Иванов-Разумник для него главный авторитет, а Иванов-Разумник был ярким противником войны с самого ее начала. Кроме того, много дел в Петрограде, надо выступать на митингах, на поэтических вечерах. (В письме Андрею Белому Иванов-Разумник сообщает: «Оба [Есенин и Клюев] — в восторге, работают, пишут, выступают на митингах».)

«Февральская метель». Зинаида Райх

Первым поэтическим откликом Есенина на революционные события стала «маленькая поэма» «Товарищ», датированная автором мартом 1917-го, а впервые напечатанная в мае того же года в эсеровской газете «Дело народа». На первый взгляд Есенин в ней приветствует революцию, не чураясь ее жестокости:

*Взметнулся российский
Народ...*

*Ревут валы,
Поет гроза!
Из синей мглы
Горят глаза.*

*За взмахом взмах,
Над трупом труп;
Ломает страх
Свой крепкий зуб.*

Мнения современников разделились: одни, Иванов-Разумник в том числе, приветствовали поэму («Единственное подлинное проявление народного духа [...] да еще в первые дни и часы революции»), другие называли ее «покушением с негодными средствами на революционное творчество». Но и те и другие видели в ней лишь прославление революции. И только спустя много лет эмигрантский критик В. Левин сказал о том, о чем в России сначала никто не догадался, а потом нельзя было писать: «Только один Есенин заметил в февральские дни, что произошла не «великая и бескровная революция», а началось время темное и трагическое, так как «пал, сраженный пулей / Младенец Иисус». И эти трагические события, развиваясь, дошли до Октября. И в послеоктябрьский период образ Христа появляется снова у Блока в «Двенадцати», у Андрея Белого в поэме «Христос воскрес». Но впервые он в эту эпоху появился у Есенина в такой трактовке, к какой не привыкла наша мысль, мысль русской интеллигенции».

К этому можно добавить отзыв С. Маковского, некогда редактора журнала «Аполлон», а потом эмигранта, автора прославленной книги «На Парнасе» Серебряного века»: «Блок выразил по-интеллигентски холодно несколькими словами то, что в поэме Есенина согрето крестьянским чувством». И действительно, хотя в первой строчке о герое говорится как о сыне «простого рабочего», далее автор как бы забывает об этом: «крик отца» доносится «с родимого крыльца», главный герой поэмы — Мартин[53] «вбежал обратно в хату», а строчки «сидит у окошка / Старая кошка, / Ловит лапой луну» словно перенесены из «деревенских» стихов Есенина.

Написанная летом в Константинове поэма «Отчарь» (название, очевидно, происходит от старославянского «отче») целиком — приветствие «обновленному» мужику. Здесь уже откровенно говорится о революции именно с крестьянских позиций. «Концепция Есенина [...] в «мужицких» яслях рождается Христос [...] Исполнились строки, сбилось писание: избранный народ-«чудотворец», «широкоскулый и красноротый», принял в свои «корузные руки»

Младенца. Значит, правда, что «деревянная Русь» — рай, что русский мужик — священен и величав, как библейские пастыри», — писал литературовед и критик К. Мочульский. Не о чем плохом не хочет пока думать Есенин («Гибельной свободы/ В этом мире нет»).

Критики отмечали и слабые стороны этих революционных поэм, считали, что Есенин стал писать, не считаясь с особенностями своего дара. «Глазам не веришь, как обработали мальчика», — дивился С. Городецкий. Есенину было необходимо как можно скорее пропеть осанну мужицкой Руси, которая «февральской метелью» «ревела» в нем. Отсюда — и шероховатости стиля, и не всегда удачные метафоры. Но, как и все вышедшее из-под пера Есенина, поэмы эти абсолютно искренни.

Сходная мысль о превосходстве «мужицкого» перед всем остальным — ив личном письме Есенина «новокрестьянскому» поэту А. Ширяевцу: «... они [питерские литераторы] совсем с нами разные, и мне кажется, что сидят гораздо мельче нашей крестьянской купницы.[54] Мы ведь скифы, принявшие глазами Андрея Рублева Византию и писания Козьмы Индикоплова[55] с поверием наших бабок, что земля на трех китах стоит, а они все романцы, брат, все западники, им нужна Америка, а нам в Жигулях песня да костер Стеньки Разина».

Ширяевец для Есенина свой, а питерские литераторы, так хорошо к нему отнесшиеся, чужие. Он дает им убийственные характеристики (не пожалел даже Блока). Если в этой связи можно говорить о «комплексах» Есенина, то только о «комплексе полноценности». Он уверен: именно «крестьянская купница» — костром Стеньки Разина — преобразит мир на религиозных началах («Новый над туманом/Вспыхнет Назарет./Новое восславят/ Рождество поля»). О, как жестоко он разочаруется и как дорого за это заплатит!

* * *

В конце марта или в апреле 1917 г. в редакции эсеровской газеты «Дело Народа» Есенин встречается с Зинаидой Николаевной Райх, которая работала там помощником секретаря редакции. Заведующим литературным отделом газеты был Иванов-Разумник. По некоторым сведениям, именно он и познакомил Есенина с Райх. У этой двадцатитрехлетней девушки (на год старше Есенина) было довольно бурное прошлое. Она уже привлекала к себе внимание полиции. Ее отец, высококвалифицированный рабочий, тоже участвовал в революционном движении, дважды был в ссылке в Сибири. В 1912 г. в Бендерах Зинаида организовала среди гимназистов кружок эсеровского толка, связанный не только с местными, но и с одесскими эсерами — она получала от них литературу, инструкции (в терминологии полиции: «брошюры преступного содержания»). За ней было установлено наружное наблюдение (кличка Болотная), произведен обыск (забрали ее переписку и номер журнала «Былое»). Полиция намеревалась возбудить против Райх уголовное дело. Но ей удалось улизнуть от преследований — в 1914 г. она приехала в Петербург и поступила на Высшие женские курсы. К моменту знакомства с Есениным Зинаида Николаевна не только работала в газете, но и была председателем Общества распространения эсеровской литературы. Не подлежит сомнению, что наибольшей близости с партией эсеров Есенин достиг благодаря женитьбе на Зинаиде Райх.

Любовь между молодыми людьми возникла отнюдь не с первого взгляда.

Уже после знакомства с Райх Есенин уехал в Константиново и там увлекся дочерью местного помещика Лидией Кашиной. Потом она станет одним из прототипов Анны Онегиной в одноименной поэме. Отношения с Кашиной не ограничились летом 1917 г. — поэт встречался с ней и в Москве в 1918–1919 гг. и даже какое-то время жил у нее. Очевидно, именно тогда и написано посвященное Л. И. Кашиной стихотворение «Зеленая прическа/Девическая грудь...». В Константинове этим летом Есенин пишет мало. Причиной тому не только сердечное увлечение, но и включенность Есенина в события, происходящие в деревне, которая, по его словам, «бродит как молодая брага».

Во второй половине июля Есенин возвращается в Петроград. В последние дни месяца наконец-то выходит долгожданный сборник «Скифы» с поэмой «Марфа Посадница» и стихотворным циклом «Голубень» (четыре стихотворения). Но Есенина, по всей вероятности, в это время уже не было в столице. Друг поэта Алексей Ганин пригласил его и Зинаиду Райх, в которую он был влюблен, в гости к себе на родину, в вологодскую деревню Коншино. Есенин принял это предложение, очевидно, еще и для того, чтобы уклониться от призыва — ведь война продолжалась.

К этому времени Есенин уже «расплевался» с Клюевым, от которого он теперь никак не зависел. Не стало никакой надобности терпеть его «приставания». Были и другие причины, но «Есенин и Клюев» — эта тема для отдельной книги или докторской диссертации. Мы же ограничимся вышесказанным. Во всяком случае, никто не плакал и не мешал отправиться в путешествие, в котором участвовала женщина.

Любивший «рязанские раздолья», Есенин, конечно же, не остался равнодушным и к северным пейзажам («Небо ль такое белое/ Или солью выцвела вода? [...] Голубой простор и золото/ Опоясали твою тоску»). Сергунька (именно так называли Есенина близкие друзья, в том числе и Ганин) и Алексей наперебой ухаживали за красавицей Зинаидой. Но по молчаливому уговору она считалась «девушкой Ганина». Однако ж на обратном пути, в поезде, Есенин — совершенно неожиданно — сделал Зинаиде Райх предложение. Она опешила — «Дайте подумать» (они еще были на «вы»). Есенина этот — казалось бы, вполне естественный — ответ взбесил. Он был так уверен в своей мужской неотразимости (к тому же известный поэт), так привык, что женщины сами лезут целоваться, а тут он предлагает руку и сердце, и видите ли...

Думала Зинаида Николаевна недолго. Еще не доезжая до Вологды, она сказала: «Да». Решено было венчаться немедленно. Все трое сошли в Вологде. Денег ни у кого не было. В Орел, где жили тогда родители Райх, отправилась телеграмма: «Вышли сто, венчаюсь». Никаких объяснений родители не потребовали, а деньги выслали. Купили обручальные кольца. Букет для невесты Есенин нарвал по дороге в церковь. Венчание состоялось 4 августа в небольшой церквушке под Вологдой. Шафером был Алексей Ганин.

Однако первая же брачная ночь глубоко разочаровала Есенина. Друг поэта Анатолий Мариенгоф в своем «Романе без вранья» (остряки — не без основания — называли это произведение враньем без романа) писал: «Зинаида сказала ему [Есенину], что он у нее первый. И соврала. Этого Есенин никогда не мог простить ей. Не мог по-мужицки, по темной крови, а не по мысли. «Зачем соврала, гадина?!» И судорога сводила лицо, глаза багровели, руки сжимались в кулаки».

Вернувшись в Петроград, новоиспеченные супруги какое-то время намеренно живут раздельно. Было ли то желанием проверить чувство, или разочаровавшийся в нравственности Зинаиды Есенин какое-то время подумывал, что слишком быстро «окрутился», — неизвестно. Зато известно другое: он поселился в эсеровском общежитии.

Посетивший Есенина в это время старый друг В. Чернявский вспоминал: «...была в нем большая перемена. Он казался мужественнее, выпрямленнее, взволнованно-серьезнее. Никто больше не рассматривал его в лорнет, он сам перестал смотреть людям в глаза с пытливостью и осторожностью. Хлесткий сквозняк революции и поворот в личной жизни освободили в нем новую энергию».

Только после поездки в Орел, честь по чести познакомив мужа с родителями Зинаиды, молодые начинают жить вместе. Они заняли две смежные комнаты в квартире, где располагалось издательство «Революционная мысль»; в этой же квартире жили двое друзей Райх по Бендерам и Алексей Ганин. Хозяйство вели коммуной. Под руководством Зинаиды Николаевны, которая умудрялась и в то голодное время готовить вкусные кушанья.

Домостроевские наклонности Есенина, проявившиеся в отношении к Анне Изрядновой, дали себя знать и в браке с Зинаидой Райх. Первое, что он потребовал от нее, — уйти из газеты — слишком много всякого народа там шляется. Из редакции она ушла, однако и полностью превратиться в домашнюю хозяйку не пожелала — поступила на службу в Наркомат продовольствия — машинисткой. Однако в общем, по единодушному мнению современников, в конце 1917 — начале 1918 г. супруги жили неплохо. В это время Есенин действительно «распечатался во всю ивановскую», платили ему уже как известному поэту, так что деньги появились. Часто принимали друзей, а люди не любят ходить туда, где ощущается «напряг» между хозяевами. Есенину нравилось, что у него, как у всякого добропорядочного крестьянина, есть жена (а у него к тому же красавица), дом... И замечания, которые он ей постоянно делал («Почему самовар не готов?», «Что ты его не кормишь?»), делались тоном вполне добродушным. Никакой особенной тяги к спиртному у него в то время нет. Конечно, он мог перед праздником или получив гонорар принести домой бутылку-другую вина. (Вино тогда доставалось только из-под полы, но это не было сложным делом.) Но без повода не пил никогда. И никогда не напивался до положения риз. «Если в его характере и поведении мелькали уже изломы и вспышки, предрекавшие непрочность этих [семейных] устоев, — их все-таки нельзя было считать угрожающими», — вспоминал все тот же В. Чернявский.

Но Чернявский знал не все. Однажды, придя домой, Зинаида Николаевна застала в комнате полный разгром: на полу валялись раскрытые чемоданы, вещи смяты, раскиданы, повсюду листы исписанной бумаги. Топилась печь, Есенин сидел перед нею на корточках и не сразу обернулся — продолжал засовывать в топку скомканные листы. Но вот он поднялся ей навстречу. Такого лица она у него еще не видела. Посыпались ужасные, оскорбительные слова — она не знала, что он способен их произносить. Она упала на пол — не в обморок, просто упала и разрыдалась. Он не подошел. Когда поднялась, он, держа в руках какую-то коробочку, крикнул: «Подарки от любовников принимаешь?» Швырнул коробочку на стол... Они помирились в тот же вечер. Но, перешагнув какую-то грань, восстановить прежние отношения уже невоз-

можно. В их бытность в Петрограде крупных ссор больше не случалось. Но если Есенину что-то не нравилось, он уже мог оскорбить жену.

Грубые ссоры продолжались. Однажды, когда Есенин в очередной раз назвал ее нецензурным словом, она, не выдержав, в ответ обозвала этим словом его самого. Есенин схватился за голову: «Зиночка, моя тургеневская девушка! Что же я с тобой сделал?!»

*Дар поэта — ласкать и корябать.
Роковая на нем печать.*

— это будет сказано позже. Когда за Есениным уже прочно закрепится «дурная слава» «охальника и скандалиста». Но «роковая печать», как все в человеческой жизни, проявилась не вдруг. Вспомним его давнее письмо Марии Бальзамовой: «Если я буду гений, то вместе с этим буду поганый человек». Быть может, в 1917 г. кто-нибудь и сомневался в его гениальности, но не Сергей Есенин. Это не значит, что он сознательно давал себе нравственные побрякушки. Просто «гений» и «роковая печать» одновременно разрывали его изнутри.

В марте 1918 г. советское правительство приняло решение перенести столицу из Петрограда в Москву. Туда же, естественно, перебрался и Наркомат продовольствия. А с ним и Зинаида Райх. Через некоторое время за ней последовал Есенин. Он возвращался в Москву с радостью:

*Я люблю этот город вязевый,
Пусть обрюзг он и пусть одряхл.
Золотая дремотная Азия
Опочила на куполах.*

(Как не похоже на Москву современную!) К Петербургу же — несмотря на все хорошее — он так никогда и не прикипел душой.

* * *

Согласно домостроевским правилам женщина обязана рожать. И Есенин потребовал этого от жены. Что ж, она не возражала. Но благоразумно решила рожать в Орле: родители помогут с ребенком, а муж вряд ли. Не нам судить ее решение, но именно после отъезда Зинаиды Николаевны, оставшись один, Есенин начинает пить всерьез. «Основное в Есенине — страх одиночества», — писал знавший его лучше других А. Мариенгоф. На похоронах поэта его мать бросит бывшей невестке — «Ты виновата!» Что, конечно, было несправедливо. Виноватых — не счесть.

В июне 1918 г. родилась девочка — Таня. Но, как и в случае с Анной Изрядновой, ребенок не только не скрепил семейные узы, но, напротив, содействовал их разрушению. Татьяна Сергеевна в своих воспоминаниях пишет, что первый год своего существования она жила с матерью и отцом. И только через год Зинаида Николаевна — после очередной ссоры — уехала в Орел. Однако это противоречит другим свидетельствам, авторы которых, в отличие от Татьяны Есениной, могут помнить события этого года. Кто-то говорит о том, что, живя этот год в Москве (но не под одной крышей с мужем), Зинаида Николаевна часто уезжала в Орел, кто-то, наоборот, жила в Орле и иногда приезжала в Москву, одна или с дочкой. Так или иначе, девочка видела отца с большими перерывами и раз от раза забывала его — не хотела садиться на колени к чужому дяде и ласкаться с ним. Это не способствовало чувству Есенина к доче-

ри.

В «Автобиографии» Есенин писал: «В 1917 г. произошла моя первая женитьба на З. Райх. В 1918-м я с ней расстался». Очевидно, Есенин считал себя семейным человеком только в то время, когда жил с Зинаидой Николаевной под одной крышей, то есть до ее отъезда в Орел. Однако отношения на этом не закончились. Она продолжает трогательно заботиться о том, кого по-прежнему называет своим мужем. Из Орла пишет Андрею Белому: «Дорогой Борис Николаевич! Посылаю Вам коврижку хлеба, если увидите Сережу скоро — поделитесь с ним».

А он просит ее вернуться в Москву. Сохранилось письмо от 18 июня 1919 г.: «Зина! Я послал тебе вчера 2000 руб. Как получишь, приезжай в Москву». Неизвестно, как отнеслась Райх к этой просьбе, но в конце октября этого же года она была вынуждена в спешке бежать из Орла. Город заняли деникинцы — узнай они о ее эсеровском прошлом, ей бы несдобровать.

Несмотря ни на что, они любили друг друга. Только каждый по-своему. На вопрос: «кого же любил Есенин?» Мариенгоф отвечает так: «Больше всех он ненавидел Зинаиду Райх [...]. Вот ее, эту женщину, которую он ненавидел больше всех в жизни, ее — единственную — и любил». Сам Есенин в конце жизни будет говорить, что любил двух женщин: Зинаиду Райх и Айседору Дункан. И иногда при этом добавлять: «Я двух женщин бил, — Зинаиду и Изадору, и не мог иначе, для меня любовь — это страшное мучение, это так мучительно. Я тогда ничего не помню...»

Некоторые современники утверждают, что женщины в жизни Есенина вообще не играли особенной роли. Конечно, Есенин никогда бы не повторил строк Ильи Сельвинского: «Меняю все свои поэмы на шалости твои, любовь». (Может быть, потому, что любовь давалась ему гораздо легче, чем поэмы?) Рассуждая о характере друга, А. Мариенгоф приводит высказывание знаменитого философа Сковороды: «Всякий человек имеет цель в жизни, но не всякий — главную цель» — и добавляет: «У Есенина была — главная». Наверное, читатель понял, что имел в виду Мариенгоф. Тем не менее женщины в жизни Есенина играли очень значительную роль, пусть и не главную.

Зинаида Райх, как большинство женщин, хотела иметь домашний очаг, жить с мужем под одной крышей. И по вечерам не вытаскивать его из кабаков, пробиваясь сквозь толпу поклонниц. (Есенин спивался очень быстро.) Чтобы сохранить семью, она решилась на отчаянно рискованный шаг — родить второго ребенка. На этот раз без благословения мужа... И проиграла окончательно. Когда родился сын, Сергей Александрович отказался даже поехать посмотреть на него. Он не поверил, что ребенок от него. Имя Константин Есенин выбрал в телефонном разговоре с Райх.

Зинаида Николаевна долго оставалась там, где она рожала, — в Доме ребенка. Мальчик болел и одно время был на грани жизни и смерти, потом заболела сама Зинаида Николаевна — и тоже выжила чудом. Отец ничего об этом не знал — Райх была слишком горда, чтобы просить помощи. А у нее не было ни денег, ни родственников, ни близких друзей в Москве — ведь она совсем недавно переехала в этот город.

Первое свидание отца с сыном состоялось случайно. Мы знаем о нем от Анатолия Мариенгофа: «... на платформе ростовского вокзала я столкнулся с Зинаидой Николаевной Райх. Заметив меня [...] разговаривающим с Райх, Есе-

нин описал полукруг на каблуках и, вскочив, на рельсу, пошел в обратную сторону, лоя равновесие плавающими в воздухе руками. Зинаида Николаевна попросила: «Скажите Сереже, что я еду с Костей. Он его не видел. Пусть зайдет, взглянет. Если не хочет со мной встречаться, могу выйти из купе». Я направился к Есенину. Передал просьбу. Сначала он заупрямился: «Не пойду. Не желаю. Нечего и незачем мне смотреть». — «Пойди — скоро второй звонок. Сын же...»

Вошел в купе, сдвинув брови. Зинаида Николаевна развязала ленточки кружевного конвертика. Маленькое розовое существо барахтало ножками. «Фу... Черный... Есенины черными не бывают». — «Сережа!» Райх отвернулась к окну. Плечи вздрогнули. «Ну, Анатолий, поднимайся». И Есенин легкой танцующей походкой вышел в коридор международного вагона.

Трудно представить себе сцену более ужасную... Но вот письмо Есенина издателю и другу А. Сахарову, написанное через несколько дней после этой встречи, «...есть к тебе особливая просьба. Ежели на горизонте появится моя жена Зинаида Николаевна, то устрой ей [...] тыс[яч] 30 или 40. Она, вероятно, очень нуждается, а я не знаю ее адреса». Так что же, Мариенгоф врет? Возможно. Но возможно и что пишет чистую правду. Есенин всегда действовал под влиянием сиюминутного импульса, а потом часто сожалел о своих поступках. А кроме того, повторимся, Зинаиду Николаевну он и ненавидел и любил.

Брак Есенина и Райх был расторгнут в октябре 1921 г. — по заявлению Есенина. В 1922 г. Зинаида Николаевна вышла замуж за Всеволода Эмильевича Мейрхольда, одного из лучших (а по мнению многих, лучшего) российского режиссера того времени.

Есенин откликнулся на это событие непечатными частушками:

*Ох, я песней хлестану,
Аж засвищет задница,
Коль возьмешь мою жену.
Буду низко кланяться.*

*Пей, закусывай, изволь!
Вот перцовка под леща!
Мейрхольд, ах, Мейрхольд.
Выручай товарища!*

*Уж коль в суку ты влюблен,
В загс да и в кроваточку.
Мой за то тебе поклон
Будет низкий — в пяточку.*

Уже и в этих разухабистых строчках проглядывает утаенная ревность: о том, что его никак не затрагивало, Есенин не писал никаких стихов.

После романа и разрыва с Айседорой Дункан он начнет корить себя за то, что «свою жену легко отдал другому». И вспомнит, что у него есть дети. Время от времени он будет приходить посмотреть на них (почти всегда пьяный) и устраивать пьяные истерики перед дверью квартиры Мейрхольда. В те несколько раз, когда он приходил трезвым, занимался с Таней, почти не обращая внимания на сына. Выросши, Константин Сергеевич объяснит это так: отцы больше любят дочерей, чем сыновей. Из всех вопросов воспитания Есенина интересовал один: дети должны знать его стихи. Никаких подарков нико-

гда не приносил. («Не хочет, чтобы дети любили его за подарки», — объясняла Зинаида Николаевна.)

В 1924 г. он напишет «Письмо к женщине», обращенное к Зинаиде Райх, — один из шедевров есенинской лирики. (Мы даже не уверены, что его следует цитировать — наверняка, большинство читателей знает эти стихи наизусть.) Здесь и покаяние:

*Любимая!
Я мучил вас,
У вас была тоска
В глазах усталых:
Что я пред вами напоказ
Себя растрачивал в скандалах...*

— и, по-видимости, несправедливые упреки, попытка перенести вину за их разрыв на Зинаиду Николаевну:

*Вы помните,
Вы все, конечно, помните,
Как я стоял,
Приблизившись к стене,
Взволнованно ходили вы по комнате
И что-то резкое
В лицо бросали мне.*

*Вы говорили:
Нам пора расстаться,
Что вас измучила
Моя шальная жизнь,
Что вам пора за дело приниматься,
А мой удел —
Катиться дальше вниз.*

*Любимая!
Меня вы не любили.*

У Есенина своя правда — не любили меня таким, каков я есть. Не понимали, почему я «склонился над стаканом». Как точно выразился по этому поводу хорошо знавший и Есенина и Райх в пору их супружества В. Левин, у нее «не хватило сил на подвиг прощения, и неосуждения, и терпения». Не случайно «Письмо» написано уже после того, как в жизни Есенина появились женщины, которые принимали его всяким, — Айседора Дункан и Галина Бениславская.

Выяснение отношений продолжалось и после второго замужества Райх. И приведенное выше стихотворение, по-видимому, имеет «жизненный подтекст». Константин Сергеевич Есенин вспоминает: «Четко осталась перед мысленным взором сцена, когда в нашей столовой между отцом и матерью происходил энергичный деловой разговор. Он шел в резких тонах. Содержания его я, конечно, не помню, но обстановка была очень характерная: Есенин стоял у стены, в пальто, с шапкой в руках. Говорить ему приходилось мало. Мать в чем-то его обвиняла, он защищался. Мейрхольда не было. Думаю, что по инициативе матери. Несколько лет спустя я прочитал строки (далее идет начало «Письма к женщине. — Л. П.). Я наивно спросил маму: «А что, это о том случае

написано?» Мать улыбнулась. Вероятнее всего, характер разговора, его тональность были уже как-то традиционны при столкновении двух таких резких натур, какими были мои отец и мать».

Ревность так и выпирает из этого стихотворения («Живете вы / С серьезным умным мужем...»). «Серьезный, умный муж» обожал свою молодую жену. Для прославленного режиссера Зинаида Николаевна (а не театр) стала самым главным в жизни. Театр он из-за нее чуть не погубил. Он сделал из нее артистку и отдавал ей лучшие роли. Хотел поручить даже роль... Гамлета. Понятно, что наиболее талантливые актрисы из труппы уходили.

Он повез ее в Рим и там целовал, «опираясь на достопримечательности». За что был приведен в полицию. Каково же было удивление полицейских, когда они узнали, что целовал женщину ее законный муж! Такого они еще не видели.

И тем не менее ближайшие подруги Зинаиды Николаевны уверяют: помани ее Сергей пальцем — побежала бы, не задумываясь. «При любой погоде, без плаща и зонтика» — это уже добавляет циничный и зело не любящий Райх Мариенгоф. Ну, побежала бы навсегда или не побежала бы — того мы не знаем. Но что она продолжала всю жизнь любить своего первого мужа и ходила на свидания к нему, уже будучи замужем за Мейрхльдом, — факт. После разрыва Есенина с Дункан бывшие супруги встречались уже как любовники на квартире подруги Райх — Зинаиды Вениаминовны Гейман. Узнав об этом, Всеволод Эмильевич имел серьезный разговор с ней: «Вы знаете, чем все это кончится? Сергей Александрович и Зинаида Николаевна снова сойдутся, и это будет новым несчастьем для нее». (Возможно, «Письмо к женщине» навеяно отказом Зинаиды Райх вернуться окончательно.) На похоронах Есенина она (в присутствии Мейрхольда) крикнет: «Прощай, моя сказка!» И через некоторое время заболит психически.

Все женщины, любившие Есенина, любили его всю жизнь. Мужчины завидовали черной завистью. (Думается, и Владимир Маяковский не был исключением, и это обстоятельство еще более подогревало его неприязнь к «балалаечнику».) Они объясняли такой — бешеный — успех просто: известной пушкинской формулой: «Чем меньше женщину мы любим / Тем легче нравимся мы ей». Но, нет, тут было другое, что знали только женщины: «Как умеет любить хулиган / Как умеет он быть покорным...»

Жизнь Зинаиды Райх закончилась трагически: после ареста Мейрхольда, в ночь с 14 на 15 июля 1939 г. она была зверски убита в собственной квартире. «Убийство с целью ограбления» — таков был вердикт советских юристов. Однако ее сын Константин с полной уверенностью утверждает: «Ограбления не было, было одно убийство». Кто знаком с советской действительностью тех лет, тому не надо объяснять, кто же были убийцы. Для остальных скажем: вне сомнения, сотрудники НКВД, выполнявшие приказ свыше.

Я — большевик? Орден имажинистов

... Пора возвращаться в «развороченный бурей» 1917 год. Сумбурная получается у нас книга. Но не сумбурнее, чем жизнь Есенина.

Октябрьская революция. Как к ней отнесся Есенин? Незадолго до гибели он напишет: «В годы революции был всецело на стороне Октября, но принимал все по-своему, с крестьянским уклоном». Достоверно одно: он не остался равнодушным и к этой революции. Е. Г. Лундберг, тоже участник «скифского» кружка, записал: «Вечером — в Царском Селе у Иванова-Разумника. [...] Есенин, богатый талантом, почти мальчик, играет стихом, играет резкостью утверждений». В 1917 г. Есенин, как уже говорилось, находился под сильным влиянием Иванова-Разумника. А тот — поначалу — принял революцию с воодушевлением. Конечно, Есенин сотрудничал не с большевиками, а с левыми эсерами (партия раскололась в день Октябрьского переворота). Но поначалу левые эсеры были лояльны к Советам.

Разумеется, в отличие от Маяковского, он не «пришел в Смольный». Все участники «скифской» группы и примыкавшие к ней сотрудничали в эсеровских изданиях. Эсеровская газета «Знамя труда», давая объявление о подписке, в числе постоянных сотрудников называет и Есенина. Он выступает на вечерах вместе с Марией Спиридоновой и другими крупными эсерами. 21 февраля 1918 г. вступает в боевую дружину эсеров. Что он там делал? Увы, это еще одно белое пятно в его биографии. Существуют версии довольно фантастические (они исходят не от Есенина): ушел на фронт защищать советскую власть; в дни октябрьских боев в Москве был на стороне красных. Скорее всего, участвовал в боях под Петроградом во время наступления немцев. А может быть, вообще ни в чем не участвовал и дело ограничилось просто фамилией на подписном листе. Последнее, впрочем, вряд ли. Когда у Есенина появится страх, что его постоянно преследуют и друзья станут его спрашивать, чего он, собственно, опасается, какие такие за ним грехи, он ответит: я состоял в боевой дружине эсеров.

Лето 1918 г. Есенин почти целиком провел в Константинове (вернулся в Москву только в начале сентября). Обычно он не уезжал так надолго. Хорошо работалось? Возможно. Но, без сомнения, была и еще одна причина: 6 июля 1918 г. — левоэсеровский мятеж, его подавление и аресты. Есенин счел за лучшее отсидеться вдали от Москвы.

Левые эсеры надеялись на совмещение политического и социального переворота с революцией духовной. Это-то и объединяло политических максималистов с «духовными максималистами» в лице «скифов». «Сотрудничал с эсерами не как партийный, а как поэт» — в 1923 г. писал Есенин в «Автобиографии». В берлинском левоэсеровском журнале «Знамя труда» в 1927 г. появилась статья «Шум слитный. Памяти А. Блока и С. Есенина» подписанная инициалами «М. А.» Исследователь истории партии эсеров Я. Леонтьев считает, что она принадлежит Марии Спиридоновой. Вот отрывок из этой статьи: «Ни Блок, ни Белый, ни Клюев, ни Есенин никогда не прислушивались ни к каким манифестам: они были всегда только поэтами, ТОЛЬКО ПЕВЦАМИ. Но именно поэтому их многоголосо-согласное свидетельство о пропетой Октябрем песне есть свидетельство не в слове и не на словах, а в духе и о духе Великой Русской Революции. [...] Подвигом смерти своей Александр Блок и Сергей Есенин

на все времена подтвердили, что вера их была свята».

Написанное Есениным в первые месяцы после Октября почти ничем не отличается от написанного после революции Февральской. Еще до эсеровского мятежа и его разгрома Есенин писал: «Я — большевик». Большевики выступали за мир с Германией, левые эсеры — за продолжение войны. Есенин был противником войны, кроме того, в это время он уверен: чем левее, тем лучше. Недаром 11 «маленьких поэм» Есенина, начиная от «Товарища» и кончая «Пантократором» (февраль 1919 г.), исследователи объединяют в единый цикл — они связаны общей мыслью о преображении и переустройстве мира. Но дальше в лес — больше дров. Они становятся все «левее» и «левее». Если в «Товарище» автор сожалел, что «пал, сраженный пулей Младенец-Иисус», если в «Преображении» просто и задушевно:

*Господи! Я верую!
Но введи в свой рай
Дождевыми стрелами
Мой пронзенный край.*

То в «Инонии»[56] (январь 1918 г.) «пророк Есенин Сергей» уже богоборец:

*Даже Богу я выщиплю бороду
Оскалом моих зубов.
Ухвачу его за гриву белую
И скажу ему голосом вьюг:
Я иным тебя, Господи, сделаю,
Чтобы зрел мой словесный луг!*

Дальше — больше: «Я кричу, сняв с Христа штаны»; «церкви» и «остроги» он выстраивает в один ряд и объединяет союзом «и». Уж не Владимир ли Маяковский укрылся за псевдонимом Сергей Есенин![57] Да и гиперболические метафоры — под статью «горлану» Маяковскому: «До Египта раскорячу ноги», «Пополам нашу землю-матерь/Разломлю как, золотой калач».

«Важен в поэме/Стиль, отвечающий теме», — сказал когда-то классик. Тема у Есенина и Маяковского (у футуристов и крестьянских поэтов) в это время одна — светлое будущее. Которое настанет не после Второго Пришествия, а сейчас, волею людей. «Обещаю Вам град Инонию, где живет Божество живых». Зачем нужен Бог там, где Богами станут люди?! (Пролетариат — у Маяковского, крестьянство — у Есенина.) «Эсхатология крестьянской Валгаллы, где собственный дед дожидается его «под Маврикийском дубом», где мать его прядет лучи заката, была его единственной религией; он был весь во власти образов своей «есенинской Библии» [...] это [...] без оговорок почвенно и кровно, без оглядки — мужественно и убежденно — как все стихи Есенина» (В. Чернявский).

Известно: свое обещание Есенин — по независимым от него причинам — не сдержал. Но слишком многим в себе он пожертвовал, слишком многое себе разрешил — и это не могло пройти бесследно.

«Именно в эти дни прорастала в нем подспудная потребность распоясать в себе, поднять, укрепить [...] все корявое, соленое, мужичье, что было в его дотоле невозмущенной крови, в его ласковой, казалось, не умеющей обидеть «ни зверя, ни человека» природе. Этот крепкий деготь бунтующей, неожиданно вскипающей грубости, быть может, брызнул и в личную его жизнь и резко от-

разился на некоторых ее моментах» (тот же В. Чернявский).

Не в Инонию, а в страну, где и люди и животные погибали от голода и на каждом шагу унижалось человеческое достоинство, превратилась Россия. Не надо было много ума, чтобы понять: большевики вовсе не те, за кого они себя выдавали. Началось время, по словам С. Маковского, «темное и беспощадное». Есенину, быть может, было тяжелее других: ведь он не только сам поверил в Инонию, он ее обещал. В 1919 г. он впервые ни разу не съездил на родину. Что бы сказали певцу «Инонии» односельчане, уже успевшие познать все прелести продразверстки? (На Рязанщине было свыше десятка крестьянских восстаний.) Как мы уже говорили, писем к Есенину почти не сохранилось, но можно себе представить, что писали поэту его родители. Если в «Пантократоре» он еще «кричал»: «К черту старое!», то следующая маленькая поэма «Кобыльи корабли», написанная всего через несколько месяцев — в сентябре 1919-го — обвинительный акт большевикам и декларация своего разрыва с ними.

*Веслами отрубленных рук
Вы гребете в страну грядущего.*

.....
*Кто это? Русь моя, кто ты? Кто?
Чей черпак в снегов твоих накопъ?
На дорогах голодным ртом
Сосут край зари собаки.*

...
*Звери, звери, придите ко мне
В чашки рук моих злобу выплакать![58]*

.....
*Сестры-суки и братья-кобели,
Я, как вы, у людей в загоне.
Не нужны мне кобыл корабли
И паруса вороньи.*

.....
*Никуда не пойду с людьми,
Лучше вместе подохнуть с вами,
Чем с любимой поднять земли
В сумасшедшего ближнего камень.*

А еще через несколько месяцев этот богохульник и богоборец напишет: «Душа грустит о небесах, /Она не здешних нив жилища».

Он пошел за большевиками, потому что свято уверовал: «Будущее искусство расцветает в своих возможностях достижений как некий вселенский вертоград, где люди блаженно и мудро будут хороводно отдыхать под тенистыми ветвями одного преогромнейшего древа, имя которому социализм или рай [...] где дряхлое время, бродя по лугам, сзывает к мировому столу все племена и народы и обносит их, подавая каждому золотой ковш, сыченою[59] брагой». (Как все утопии похожи друг на друга!) В этой же работе — «Ключи Марии», где Есенин попытался оформить и осознать свои литературные искания и идеи, — он говорит о том, что поэт должен искать образы, которые соединяли бы его с каким-то незримым миром.

В «Ключах Марии» (сентябрь — ноябрь 1918 г.) Есенин уже начинает прозревать: марксисты протирают свои руки над искусством. «Она (марксистская «опека». — Л. П.) строит руками рабочих памятник Марксу, а крестьяне

хотят поставить его корове.

[...] Перед нами встает новая символическая черная ряса, очень похожая на приемы православия, которое заслонило своей чернотой свет солнца истины». Но пока еще Есенин уверен: «...мы победим ее [...] мы радуемся потопу, который смывает сейчас с земли круг старого вращения, ибо места в ковчеге искусства нечистым парам уже не будет».

От «Ключей Марии» до «Кобыльих кораблей» всего несколько месяцев, но от прежнего оптимизма не осталось и следа. В этой «маленькой поэме» уже появляются недобрые предчувствия: «Скоро белое дерево срывает /Головы моей желтый лист». Однако страстное желание петь, найти в этом мире свою песню пока остается. В тех же «Кобыльих кораблях»:

*Буду петь, буду петь, буду петь!
Не обижу ни козы, ни зайца,
Если можно о чем скорбеть,
Значит, можно чему улыбаться.*

Улыбка исчезнет из стихов Есенина, но «петь» он будет продолжать.

* * *

«Кобыльи корабли» писались, когда Есенин уже был членом Ордена имажинистов. (Не «союза», не «группы», а именно «Ордена» — в подражание мasonicким Орденам, куда входили только «посвященные»). 10 февраля 1919 г. в московской газете «Советская страна»[60] появилась декларация имажинизма.

Своей первоочередной задачей новоявленная группа считала вытеснить с поэтического Олимпа господствующих там футуристов. «Скончался младенец, горластый парень десяти лет от роду (родился 1909 — умер 1919). Издох футуризм [...] Академизм футуристических догматов, как фата, затыкает уши всеми молодому. (Все течет, все изменяется — родившийся как протест против академических форм искусства, футуризм сам теперь кажется академизмом. — Л. П.). [...] Не назад от футуризма, а через его труп вперед и вперед, левой и левой кличем мы. [...] Надо долго учиться быть безграмотным для того, чтобы требовать: «Пиши о городе».

Тема, содержание — это слепая кишка искусства — не должны выпирать, как грыжа, из произведений. А футуризм только и делал, что за всеми своими заботами о форме [...] думал только о содержании. [...] Образ и только образ. [...] Только образ, как нафталин, пересыпающий произведение, спасает это последнее от моли времени. Образ — это броня строки. [...] У нас нет философии. Мы не выставляем логики мыслей. Логика уверенности сильнее всего. [...] В наши дни квартирного холода — только жар наших произведений может согреть души читателей, зрителей. [...] имажинизм должен был появиться, и мы горды тем, что мы его оруженосцы, что нами, как плакатами, говорит он с вами».

Под декларацией стояли подписи:

Поэты: Сергей Есенин, Рюрик Ивнев, Анатолий Мариенгоф, Вадим Шершеневич. Художники: Борис Эрдман, Георгий Якулов.

Война футуризму и футуристам («совнаркомовским шутам») была объявлена по всем фронтам. На диспутах в Политехническом худой, невысокий Есенин и огромный, зычный Маяковский набрасывались друг на друга. «Вы пи-

шете не стихи, а агитезы». Маяковский, как всегда, за словом в карман не лезет «А Вы — «кобылезы». И далее в том же духе. На литературских посиделках Есенин публично распевал частушки:

*Ах, сыпь, ах, жарь,
Маяковский — бездарь.
Рожка краской питана,
Обокрал Уитмана.*

Или:

*Квас сухарный, квас янтарный
Бочка старо-новая,
У Васятки у Каменского
Голова дубовая.*

И ту и другую он иногда пел в присутствии тех, кому они обращены. (Маяковский демонстративно делал вид, что не замечает.)

Пастернак писал о до неприличия посредственной «свите» Маяковского. Но футуризм все-таки — явление мировое. А у русских футуристов, кроме Маяковского, был еще и Хлебников. Нельзя назвать бездарностями ни Игоря Северянина, ни Бенедикта Лившица. В то время как имажинизм без Есенина — просто ноль, в терминах математики «пустое множество». Если бы не Есенин, об имажинизме сейчас помнили бы только историки литературы, специализирующиеся на этом периоде. (Кто сейчас что знает о биокосмизме, люминизме, ничевоках, формлибризме и прочих группах и группиках 20-х гг.?)

О значении образа в искусстве Есенин писал еще в «Ключах Марии». И он не нуждался в соавторах, помогающих сформулировать, что есть образ или — тем более — объясняющих, как следует и как не следует писать стихи. Но похоронить футуризм и занять его место в душах читателей (а когда книги практически не издавались — слушателей) ему одному было не под силу. Против команды футуристов надо было выставить команду собственную. От соратников требовался не талант (Есенину вполне хватало собственного), а напористость, наглость, оборотистость, практичность и, как сказали бы сейчас, умение «пиарить». Все эти качества, помогающие выжить в голодной и холодной Москве, он нашел в своих новых товарищах. (Все они занимали маленькие должности в большевистском аппарате.) Имажинистам удалось организовать собственное издательство. Есенин там выпустил 5 авторских книг (общим тиражом более 10 тысяч экземпляров) и участвовал во всех коллективных сборниках. Через некоторое время добьются и собственного журнала — «Гостиница для путешествующих в прекрасное». И это в годы острейшего дефицита бумаги и наступления властей на частные издательства. Другие поэты и прозаики, не обладавшие житейской сметкой имажинистов и не имевшие заслуг перед советской властью, переписывали свои произведения от руки в 2–3 экземплярах и относили их в книжную лавку, организованную М. Осоргиным. Гонорара хорошо если хватало на одну ржавую селедку. Имажинисты к Осоргину не ходили — книги издательства «Имажинисты» (а заодно и другие) продавались в двух собственных лавках. В одной торговали Шершеневич и Александр (Сандро) Кусиков, присоединившийся к имажинистам уже после выхода «Декларации», в другой — Есенин и Мариенгоф.

Заявление Есенина на имя Л. Б. Каменева (тогда председателя Моссовета)

было составлено хитро, с полным пониманием психологии советского начальства: «Настоящая книжная лавка имеет цель обслуживать читающие массы, исключительно книгами по искусству, удовлетворяя как единичных потребителей, так и рабочие организации. Работу по лавке будет нести Трудовая артель, совершенно не пользуясь наемным трудом...»(курсивы принадлежат нам. — А. П.). А при очном свидании с Каменевым Есенин, если верить Мариенгофу и его «вранью без романа», говорил на олонецкий, клюевский манер, округляя «о» и по-мужицки на «ты»: «Будь милостив, Отец родной, Лёв Борисович, ты уж это сделай».

И все-таки, пожалуй, главной трибуной имажинистов (как и других литературных групп) были не издательство и книжные лавки, а публичные выступления. В кафе или Политехническом музее. (Недаром время военного коммунизма называют устным периодом русской литературы. Бумаги не было, печататься — негде, а выступления — это и контакт с читателем, и заработок.)

Только за 1919 г. сохранилось 14 афиш, извещающих о выступлениях Есенина и «банды имажинистов». (Взятые в кавычки слова не цитата из критических статей, а самоназвание.) Приведем одну из таких афиш:

3 апреля 1919 г. Москва.

Всероссийский союз поэтов

Больш. Аудит. Политехнического музея

В четверг, 3-го апреля

Выставка стихов и картин

Имажинистов

— 1 отделение —

В. Шершеневич: Мы кто и как нас оплевывают.

С. Есенин: Кол в живот (футуристы и пр. ветхозаветицики).

А. Мариенгоф: Бунт нас.

Г. Якулов: Образ краски.

— 2 отделение —

Демонстрация картин

Георгия Якулова, Медунецкого, 2-х Стенбергов, Денисовского, Светлова, [61] Эрдмана [62] И стихов

С. Есенин: Отелившийся Бог [63]

А. Мариенгоф: Выкидыш отчаяния

В. Шершеневич: Кооперативы веселья.

— 3 отделение —

Словопря:

Бомбы критики, очередная бестолочь, дружеское против шерсти, последнее слово, как всегда, за Имажинистами.

Начало в 7 часов 7 минут вечера.

Билеты расхватываются у швейцара музея.

Стены «Кафе поэтов» использовались для «наглядной агитации» — большой прямоугольник и в нем крест: это надгробная плита. Ниже четыре имени поэтов: В. Брюсов, К. Бальмонт, В. Маяковский и Вас. Каменский. На этой же стене — строчка Есенина «Господи, отелись!» [64]

Но «Кафе поэтов» принадлежало Всероссийскому союзу поэтов. Имажинисты добились разрешения на открытие кафе собственного — «Стойло Пегаса». И тут уже, что называется, «оттянулись по полной программе». На стене ломаными разноцветными буквами:

В небе сплошная рвань,

*Облаки — ряд котлет.
Все футуристы — дрянь,
Имажинисты — нет.*

И портреты имажинистов. Намеченное контуром лицо Есенина с золотистым пухом волос, и под ним: «Срежет мудрый садовник-осень / Головы моей желтый лист». В углу — портрет Шершеневича и намеченный пунктиром забор, на котором написано: «И похабную надпись заборную / Обращаю в священный псалм». Мариенгоф в цилиндре ударяет кулаком в желтый круг — этот рисунок пояснялся стихами: «В солнце кулаком — бац!»

Есенин, к этому времени уже и сам порядочно надломленный и сильно пивший, в компании своих новых друзей — выпивох, любителей похулиганить и покуражиться чувствовал себя увереннее. (Хулиганить в компании всегда приятнее, тем более, что Мариенгоф и К°. поддерживали в нем убеждение — «гению все дозволено».)

«Я валяю дурака / В молодости звонкой»

Как проходили выступления Есенина, на которых он почти никогда не отказывал себе в удовольствии хамить и хулиганить? Иногда очень хорошо. «Он [...вечер Есенина] начинается с того, что поэт грозит кому-то из публики: «Тише! Или я вас с лестницы спущу!...». Публика этот язык понимает, она любит Есенина. На него смотрят влюбленными глазами, радеют ему. С большим чувством читает Есенин, мастерски читает. В его фигуре и поведении удача «широкой натуры». И сам он любит свою публику. Приветствуют его в этот вечер тепло, сердечно, любовно. И кажется, что слушаешь не стихи, а пение: «Русь моя, деревянная Русь»/Я один твой певец и глашатай. [...] Только сам я разбойник и хам/ И по крови степной конокрад». В заключение он читает «Инонию». Поэму слишком горячо принимают. Целуют поэта. На эстраду вскакивают поэты и писатели с выкриками в честь автора: «Великий библейский юноша!», «Гениальный поэт»».

Иногда его, особенно в студенческих аудиториях, поднимали на руки и начинали качать, как генералов на Красной площади 9 мая 1945 г.

Но если публика не нравилась Есенину (бывало, что и взаимно), он в своем хамстве превосходил даже молодого Маяковского. Как-то раз один из присутствующих в кафе заявил, что манифест имажинизма — это глупо и непонятно. «Есенин воздел руки кверху, потом протянул вперед и со злым выражением на лице и с нехорошим огоньком в глазах сказал этому гражданину: «А вот если я вашу жену здесь, на этом столе, при всей публике — это будет понятно?»».

Однажды такое хулиганство не сошло ему с рук. 11 января 1920 г. в кафе разразился настоящий скандал. Есенин вышел читать, как всегда, в меховой куртке без шапки (стояли лютые морозы, а кафе если и отапливалось, то очень плохо). Как всегда, улыбался, но вдруг — что-то ему не понравилось — он побледнел и крикнул: «Вы думаете, что я пришел читать вам стихи? Нет, я вышел за тем, чтобы послать вас к...! Спекулянты и шарлатаны!». Публика повскакала с мест. Кричали, стучали, вызвали «чеку». Всех задержали для проверки документов. Есенин же стоял в позе дерущегося деревенского парня, оттопыривал губы и, кажется, был доволен.

Его увезли. Куда? Неужели на Лубянку? Неизвестно. Сколько продержали? Несколько дней? Или допросили и отпустили? Ничего-то мы не знаем. Доподлинно известно только, что 26 января он уже выступал на диспуте о пролетарской поэзии в Политехническом музее. Не случайно при обилии мемуаров и всяких свидетельств о жизни Есенина у нас до сих пор нет ни одной его научной биографии. Слишком много «белых пятен». Вот и на этот раз: почему МЧК? Ведь делами о хулиганстве обычно занимается милиция. Наверное, в кафе всегда присутствовал какой-нибудь чекист в штатском. А как же иначе? Ведь сюда приходили и иностранцы. (Одному из них Есенин и Мариенгоф рассказали о расстреле Гумилева.) Во всяком случае, «Дело Есенина № 10055» было передано в местный народный суд. При этом комиссар МЧК А. Рекстынь рекомендовала закрыть кафе. Президиум Всероссийского союза поэтов поспешил откреститься от инцидента: дескать, Есенин выступал там не по нашему поручению, а по своей инициативе, а мы ничего знать не знаем, ведать не ведаем, но все-таки меры обещаем принять.

Суд назначался дважды, и дважды Есенин на него не являлся. (В первый

раз он уехал в Харьков, во второй — в Константиново.) После чего дело положили под сукно.

Опять же почему? Проржавела бюрократическая машина или вмешалась чья-то «мохнатая лапа»?

«Надлежащих выводов» Есенин не сделал. 8 мая он в том же кафе публично дал пощечину поэту И. Соколову, противнику имажинизма, заявившему, что Есенин ворует образы у Клюева, Орешина и прочих поэтов. Когда скандал стал затихать, Есенин вышел на эстраду со словами: «Вы думаете я обидел Соколова? Ничуть! Теперь он войдет в русскую поэзию навсегда!» На сей раз обошлось без ЧК — Президиум Всероссийского союза поэтов исключил Есенина из своих членов.

Но в этом же году, осенью, Есенин второй раз оказывается в МЧК. Случайно. Зашел к своему другу А. Кусикову — а там засада. Чекисты интересовались братом Сандро — Рубеном, который одно время служил в Белой армии. Как выяснилось, не по своей воле — мобилизовали. Но пока что «заметают» всех троих: Есенина и обоих братьев Кусиковых. Есенин провел в Бутырской тюрьме 8 суток и был выпущен под поручительство Я. Блюмкина. Того самого Якова Блюмкина, который в 1918 г. убил германского посла Мирбаха и тем чуть не сорвал Брестский мир.

Есенин познакомился с Блюмкиным еще в Петрограде, на каком-то выступлении левых эсеров. А в 1919 г. Блюмкин — уже в Москве, уже прощен большевиками, состоит слушателем восточного отделения Военной академии РККА, наверняка имеет какие-то связи в ЧК и, очевидно, замечен Троцким.[65] Одновременно он — постоянный посетитель «Кафе поэтов» и вечеров имажинистов.

В отличие от некоторых исследователей, мы не думаем, что Блюмкин дружил с поэтами по заданию ЧК. Он сам писал стихи, очень плохие, но поэзию искренне любил, и близость к поэтическим кругам ему льстила. Да и атмосфера богемы и скандала радовала сердце террориста. Было приятно иногда вынуть пистолет и тем заставить кого-то замолчать. Однажды он сказал Есенину: «Я — террорист в политике, а вы — террорист в поэзии». (Хотя приравнять перо к штыку мечтал не Есенин, а Маяковский, с которым Блюмкин тоже был на дружеской ноге.)

Во всяком случае, подписи Блюмкина хватило на то, чтобы вытащить из тюрьмы не только Есенина, но и братьев Кусиковых (сначала Сандро, а потом и Рубена).

В тюрьме для Есенина — уже известного поэта — не делалось никаких исключений. Вот как восьмилетняя дочь Цветаевой Ариадна описывает внезапное появление Есенина в Большом зале консерватории, на поэтическом вечере: «...вошел худой человек с длинными ушами [Сергей Есенин. — Прим. М. Цветаевой] «Сережа, милый дорогой Сережа, откуда ты?» — «Я восемь дней ничего не ел». — «А где ты был, наш Сереженька?» — «Мне дали пол-яблока там. Даже воскресенья не празднуют. Ни кусочка там не было. Едва-едва вырвался. Холодно. Восемь дней белья не снимал. Ох, есть хочется!» — «Бедный, а как же ты вырвался?» — «Выхлопотали».

В протоколе допроса Есенина в графе «Политические убеждения» записано «Сочувствующий коммунизму».

Через несколько дней в гостях у скульптора Коненкова Есенин исполнял

только что сложенную частушку:

*Эх, яблочко,
Цвету ясного,
Есть и сволочь во Москве
Цвету красного.*

По воспоминанием Мариенгофа, перед началом этой частушки Есенин произнес: «А хочешь о комиссаре, который меня в Чекушке допрашивал?»

А потом под тальянку спел и еще одну:

*Не ходи ты в МЧКа,
А ходи к бабенке.
Я валяю дурака
В молодости звонкой.*

Еще летом он писал своей молодой (и, конечно, влюбленной в него) знакомой Жене Лившиц: «Мне очень грустно сейчас, что история переживает тяжелую эпоху умерщвления личности как живого. Идет совсем не тот социализм, о котором я думал».

Итак, Есенин в 1919–1920 гг. уже хорошо понимает, какой социализм строится в стране и что собой представляют его архитекторы. Казалось бы, чувство брезгливости не должно было позволить ему пользоваться их услугами. Но без их мандатов, печатей, рекомендательных писем, денег не было бы ни издательства, ни кафе, ни — скажем прямо — сытой и даже не лишеной роскоши жизни в голодной и холодной Москве. (Ведь и книги, и бесконечные выступления приносили неплохие доходы.) Интеллигентская щепетильность Есенину несвойственна. Его крестьянская натура диктовала ему мораль другую — с паршивой овцы хоть шерсти клок. И чем этот «клок» больше и жирнее — тем лучше. Он считает высшей доблестью обвести власть предрежущих вокруг пальца — на их деньги печатать то, что он хочет. Еще в 1916 г. в Петрограде, когда там чуть не разразился скандал из-за того, что Есенин отдал в один из журналов уже напечатанные стихи — поступок, считающийся в литературном мире крайне неэтичным, — он писал по этому поводу человеку, который и вывел его на чистую воду: «Я знал, что перепечатка стихов немного нечестность. [...] Я имел право просто взять любого из них (петроградских издателей. — Л. П.) за горло, и взять просто сколько мне нужно из их кошельков. Но я презирал их с их деньгами, и с всем, что в них есть, и считал поганым прикоснуться до них. [...] Это (вышеописанный поступок. — Л. П.) было в их глазах, или могло быть, тоже некоторым воровством, но в моих ничуть».

Тогда Есенин был еще поэтом начинающим, теперь же он может разговаривать с ними свысока — ставить им (а если конкретно, то Луначарскому) ультиматумы: или дайте нам полную свободу, или отпустите за границу. (На что Луначарский ответил: не по адресу, ребята, обратились, не в моей это компетенции.)

А теперь спросим себя: если бы Есенин не желал иметь с ними никаких дел или резал бы правду-матку в их кабинетах, не дожил бы и до 30 лет, сгинув где-нибудь в ГУЛАГе или пил бы в глухую, не закусывая (за неимением чем), — это для нас было бы лучше? Он хорошо понимал, что о всех этих Каменевых и бухаринных забудут (не знал, что проклянут), а его стихи останутся, и читателям (в отличие от некоторых биографов) будет совершенно все равно, каким

образом удавалось их напечатать. Главное, что в стихах он не делал никому никаких уступок. И мог с полным правом сказать: «Не торговец я на слова».

Есенин не сменил маску «деревенского Леля» на маску хулигана, как утверждают некоторые современные исследователи... Он — не без помощи своих новых друзей — стал им. Одна из самых знаменитых хулиганских вылазок Есенина и его друзей — богохульские надписи на стенах Страстного монастыря. Какие именно? Тут, как почти всегда, когда дело касается Есенина, сведения расходятся. По воспоминаниям близкого к имажинистам И. Старцева:

*Вот они толстые ляжки
Этой похабной страны, —
Здесь по ночам монашки
Снимают с Христа штаны.*

По другим воспоминаниям: «Господи, отелись!», «Граждане белье исподнее меняйте!». Не исключено, что написано было и то и другое (и может быть, еще что-нибудь).

«Имажинисты были поэты жизни, любовники слова и разбойники, желавшие отнять славу у всех», — писал по этому поводу Мариенгоф. Под «всеми» он в первую очередь имел в виду художников, выполнявших ленинский план монументальной пропаганды. Но что любопытно: подробно описывая, как проходила акция, кто писал аршинными буквами похабные слова, кто держал лестницу, как Есенин обвел вокруг пальца милиционера, — страж порядка не только не пытался разогнать хулиганов, но еще и охранял их от недовольных прохожих, — описывая все это, Мариенгоф ни слова не говорит о том, что послужило поводом для сей акции. А дело было так: в кафе, где сидел Есенин, пришел некий «военный в кожанке» и стал говорить о реакционной роли монастырей, о том, что там часто укрывают белых офицеров, хранят для них оружие и т. д. и т. п., и предложил Есенину «написать об этом осинном гнезде» правдивую поэму. Есенин ответил, что у него сейчас другие планы, но пообещал «ударить по монастырю хлесткой эпиграммой». «Ну спасибо, Сергей Александрович», — сказал военный в кожанке и пожал руку Есенину.

Почему же поэт, уже знающий цену «военным в кожанке», согласился — пусть и на свой лад — выполнить эту просьбу. Как бы ни относился Есенин к «красным», «белые» в его представлении были еще большим злом. Никогда не только в стихах, но и в письмах или личных беседах он не сказал о них ни одного хорошего слова. Белогвардейский лозунг: «За Русь, царя и веру» — был ему глубоко чужд. (Сказывалась школа Иванова-Разумника.)

«Поэты жизни» не прекращали своих выходов: однажды они сорвали дощечки с названиями улиц и прибили на их место другие — «улица Есенина», «улица Мариенгофа», «улица Шершеневича».[66]

Хулиганство? Да... со стороны Мариенгофа и Шершеневича. Что до Есенина, то он твердо знал, что улица его имени непременно будет. И не ошибся. Поэт — как и положено поэту — просто опередил свое время.

Мы не склонны винить в действиях Есенина (иногда попадавших и под Уголовный кодекс) исключительно его друзей-имажинистов. Алкоголизм делал свое дело. (А пил он, наверное, больше, чем все его новые друзья, вместе взятые («Коль гореть/ Так уж гореть сторая».) Сам Есенин отнюдь не в восторге от своего нового амплуа: «...я потерял [...] все то, что радовало меня раньше от

моего здоровья. Я стал гнилее», — признается он Иванову-Разумнику. («О, моя утраченная свежесть, / Буйство глаз и половодье чувств».) Что — парадоксально, но Есенин соткан из парадоксов — не мешало ему порой быть «по-прежнему таким же нежным», грустить о небесах и мечтать «быть отроком светлым / Иль цветком с луговой межи». Раньше его сравнивали с Алешой Карамзовым. Теперь в нем соединились черты Алеши, Ивана и Дмитрия одновременно. Поэт Н. Оцуп вспоминает: однажды, приехав из Петрограда в Москву, он слышал, как Есенин, «красный от вина и вдохновения, кричит с эстрады: «Даже Богу я выщиплю бороду / Оскалом своих зубов» В публике слышен ропот. Кто-то свистит. Есенин сжимает кулаки. «Кто, кто посмел? В морду, морду разобью». [...] Спустя некоторое время [...] я встретил случайно Есенина и провел с ним почти всю ночь. Был он совершенно трезв, прост и, чего я никак не ожидал, скромн и тих». Такое же впечатление — исключительно мягкого и приятного человека — он произвел на известного математика (в будущем академика) П. Александрова, с которым познакомился в доме Е. Эйгес.

«Многоликий, противоречивый, грешный, пьяный и все же близкий и дорогой русскому сердцу, какой-то свой, настоящий...» — писал о нем эмигрантский поэт Г. Забежинский в 1960 г. Подтвердив тем самым есенинский афоризм: «Большое видится на расстоянии».

* * *

Боимся, у читателя этой книги может возникнуть впечатление: Есенин только и делал, что скандалил, торговал в лавке, доставал бумагу для издательства и т. п. А он — между прочим — еще и писал. И много писал. Чему сам удивлялся: «... как я еще мог написать столько стихов и поэм за это время», — риторический этот вопрос из письма Иванову-Разумнику от 4 декабря 1920 г. Ответ, как всегда — в стихах: «Осужден я на каторге чувств / Вертеть жернова поэм».

Если хулиганил он в компании с другими имажинистами (двоих из них: Мариенгофа и Кусикова — он искренне любил), то писал совершенно иначе, чем его новые друзья. Не только неизмеримо талантливее, но иначе. Ему были тесны рамки любого «изма». Он подписал «Декларацию» имажинизма, но в статье «Быт и искусство», посвященную «своим братьям по тому течению, которое исповедует Величие образа», по существу, спорит с ней: «Собратьям моим кажется, что искусство существует только как искусство. Вне всяких влияний жизни и ее уклада. Мне ставится в вину, что во мне еще не выветрился дух разумниковской[67] школы, которая подходит к искусству, как к служению неким идеям.

Собратья мои увлеклись зрительной фигуральностью словесной формы, им кажется, что слова и образ — это уже все.

Но да простят мои братья, если я им скажу, что такой подход к искусству слишком несерьезный. [...]

У братьев моих нет чувства родины во всем широком смысле этого слова [...]. Поэтому они так и любят тот диссонанс, который впитали в себя с удушливыми парами шутовского кривляния ради самого кривляния».

* * *

В стихах этого времени он, как и в жизни, и нежный крестьянский юноша, и городской озорник. Противоестественное — на чей-то чужой взгляд — это сочетание, как показывает Есенин в «Песне о хлебе» (1921), вытекает из самой

сущности крестьянского труда:

*Режет серп тяжелые колосья,
Как под горло режут лебедей.*

.....

*Перевязана в снопы солома,
Каждый сноп лежит, как желтый труп.
На телегах, как на катафалках,
Их везут в могильный склеп — овин.*

.....

*А потом их бережно, без злости,
Головами стелют по земле
И цепями маленькие кости
Выбивают из худых телес.
И из мелева заквашивая тесто,
Выпекают груди вкусных явств...
Вот тогда-то входит яд белесый
В жбан желудка яйца злобы класть.*

.....

*И свистят по всей стране, как осень,
Шарлатан, убийца и злодей...
Оттого, что режет серп колосья,
Как под горло режут лебедей.*

Конечно, стихотворение построено на метафорах, но в деревенском труде и в деревенском быте реально соединились поэзия и жестокость. И Кирша Данилов, и русский бунт, бессмысленный и беспощадный.[68]

Маленькая поэма «Исповедь хулигана» (ноябрь 1920 г.), где есть строчки: «Мне сегодня хочется очень/Из окошка луну обоссать», которые, наверное, не стоит читать в присутствии юных девушек (Есенин в таких случаях и не читал — опускал их) — эта же поэма — одно из самых задушевных, быть может, даже чуточку сентиментально-задушевных стихов, написанных «рязанским Лелем»:

*Я нежно болен воспоминаньем детства,
Апрельских вечеров мне снится хмарь и сырь.
Как будто бы на корточки пригреться
Присел наш клен перед костром зари.*

«Трубит, трубит погибельный рог!». «Пугачев»

Другая «маленькая поэма» «Сорокоуст» начинается нарочито грубо:

*Трубит, трубит погибельный рог!
Как же быть, как же быть теперь нам
На измызганных ляжках дорог?
Вы, любители песенных блох,
Не хотите ли пососать у мерина?*

*.....
Хорошо, когда сумерки дразнятся
И всыпают вам в толстые задницы
Окровавленный венник зари.*

Но вот автор(или, если угодно, лирический герой) увидел бегущего за поездом жеребенка:

*Милый, милый, смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница?*

И он шлет всяческие проклятия «страшному вестнику», который

*Пятой громоздкой чащи ломит.
И все сильнее тоскуют песни
Под лягушиный писк в соломе.
О, электрический восход,
Ремней и труб глухая хватка,
Се изб древенчатый живот
Трясет стальная лихорадка!*

* * *

Автор этой книги родился и вырос в семье инженера, человека отнюдь не бездуховного, который и сам писал стихи, и читал чуть ли не всех европейских поэтов в подлиннике, и дружил со многими крупными писателями и поэтами. Он привил своим детям уважение к технике и понимание того, что она есть великое благо, ибо берет на себя труд рутинный, механический, высвобождая творческие способности человека. А убивать людей можно и сидя на лошади. (Дело ведь не в количестве убитых, а в психологии убийцы.) Красивы могут быть и инженерные решения, и то, что создано с помощью технических достижений. Прекрасны деревянные орнаменты деревенских изб (Есенин пропел им гимн в «Ключах Марии»), но прекрасен и чудо техники — Бруклинский мост — «в формах его современных особая есть красота». И Есенин, в отличие от Горького и Маяковского, сумеет ее оценить.

«Стальная конница» победила «живых коней» во всем мире. И процесс этот неостановим. (Другое дело, что человечество еще не всегда умеет им управлять.) Но для натур тонких, нервных резкий переход от одного стиля жизни к другому может быть губителен. Тем более когда естественный технический прогресс заменяется насильственными действиями и презрением к ранее существовавшим формам культуры и быта.

Город, город, ты в схватке жестокой Окрестил нас как падаль и грязь.

Почему-то никто не счел нужным прокомментировать эти строчки. А между тем — мы уверены — поэт имеет в виду дошедшие до него в чьем-то пере-

сказе слова К. Маркса об «идиотизме деревенской жизни».

Себя Есенин сравнивает с волком, на которого устроена засада. И, как волк, он не намерен сдаваться без боя:

*Зверь припал... и из пасмурных недр
Кто-то спустит сейчас курки...
Вдруг прыжок... И двуногого недруга
Раздирают на части клыки.*

*О, привет тебе, зверь мой любимый!
Ты не даром даешься ножу!
Как и ты, я, отвсюду гонимый,
Средь железных врагов прохожу.*

*Как и ты, я всегда наготове,
И хоть слышу победный рожок,
Но опробует вражеской крови
Мой последний, смертельный прыжок.*

* * *

Когда писались эти стихи, в стране полыхало крестьянское восстание, по размаху почти сопоставимое с восстанием Пугачева. Практически вся Тамбовская губерния была занята восставшими. Проехать из Москвы в Тамбов было невозможно. Восстание шло не только под экономическими (отмена продразверстки), но и политическими лозунгами (созыв Учредительного собрания), политическая программа восставших была, по существу, близка к эсеровской. Естественно, все симпатии Есенина — на стороне тех, кто решился на «последний, смертельный прыжок». Нет, он не взял винтовку в руки и не попробовал пробраться на Тамбовщину. Он откликнулся на восстание так, как только и может откликаться поэт, — словом. Гениальной поэмой «Пугачев».

Есенинский Пугачев не имеет ничего общего ни с реальным Пугачевым, ни с Пугачевым пушкинским. Он похож отчасти на автора, отчасти на предводителя восстания — Антонова, соединяя в себе твердую решимость не «даваться ножу» и нерастраченную нежность или, по словам Эренбурга, «грустную удаль и нежное хулиганство». Некоторые монологи Пугачева, вынутые из текста, не знающий поэму читатель может принять за стихи Есенина. Крестьянский «бунт» рисуется вовсе не как бессмысленный и беспощадный.

Современное звучание поэмы было сразу же замечено критиками. «Есенинский Пугачев — не исторический Пугачев. Это Пугачев-антитеза, Пугачев противоречит тому железному гостю, который «пятой громоздкой чаши ломит», это Пугачев Антонов-Тамбовский, это лебединая песня хаотической Руси, на короткое время восставшей из гроба после пропетого ей уже Сорокоуста» (Г. Устинов). Ему вторит другой критик, укрывшийся под псевдонимом Москвич: «Это больше бунт есенинский, чем пугачевский [...]. И так неожиданно свежо, так необычно звучит в хоре городских голосов современности рязанский говор Есенина, человека видящего, как крестьянин «цедит молоко соломенное ржи». [...] Как трава из-под городских камней, выпирает из нашей городской современности поэма Есенина — поэма о мужицкой правде, о зверино-мудрой мужицкой душе — поэма о мужике».

Практически о том же самом, только со знаком «минус» говорит А. Троцкий: «... сам Пугачев с головы до ног Сергей Есенин, хочет быть страшным, но

не может. Есенинский Пугачев сентиментальный (sic!) романтик. Когда Есенин рекомендует себя почти что кровожадным хулиганом, то это забавно; когда же Пугачев изъясняется как отягощенный образами романтик, то это хуже».

Текстологический анализ черновиков поэмы показывает, как планомерно Есенин стремился приблизить ее содержание к современности, намеренно отказываясь от исторической точности.[69]

Трижды в поэме говорится, что мятеж подавляет не Петербург, как это было при Екатерине, а Москва. («Оттого-то шлет нам каждую неделю / Приказы свои Москва.», «Пусть знает, пусть слышит Москва / На приказы ее мы взбистрим».)

Мятежник Караваев в ответ на реплику Пугачева — нужно «крепкие иметь клыки» — вздыхает:

*И если бы они у нас были,
То московские полки
Нас не бросали, как рыб, в Чаган.*

В монологе другого участника восстания Бурнова фигурирует луна, которую, «как керосиновую лампу в час вечерний, зажигает фонарщик из города Тамбова...». (Керосиновых ламп во времена Пугачева не существовало.)

Исследовательница А. Занковская выявила, что слова схваченного Пугачева, обращенные к выдавшим его соратникам, не что иное, как повторение слов Антонова-Тамбовского к восставшим крестьянам — «Дорогие мои, хорошие...» «Эти слова, — пишет Занковская, — облетели в 1921 году всю Россию. Это были как раз те слова, которые укоряюще, с горечью повторял атаман Антонов, руководитель крестьянской войны против большевиков, перед своей казнью. Говорил их красноармейцам, таким же как он сам, крестьянам, одетым в военную форму».

Да и в описании разгрома повстанцев слышен стон, который прокатился по Тамбовской губернии после того, как отряды Тухачевского подавили восстание. По жестокости действия Тухачевского намного превзошли действия исторического Пугачева. Сотни деревень были сожжены, сотни заложников расстреляны. («Сколько нас в живых осталось? / От горящих деревень бьющий лампами в небо дым / Расстиляет по земле наш позор и усталость».)

«Пугачев» — это поэма не только о неудавшемся крестьянском восстании — но и о неоправдавшихся надеждах на революцию. И в то же время, как всякое гениальное произведение, о «вечных вопросах» — смысле и ценности человеческой жизни. Многие исследователи отмечали, что Пугачев — герой поэмы — близок Христу, который знал, что его предадут ученики. Пугачев у Есенина предвидит обреченность «кладбищенского плана», но осознает его неизбежность и сознательно принимает на себя тяжкую ношу возглавить это движение и принести себя в жертву обстоятельствам.

Симпатии Есенина, конечно, на стороне Пугачева, но он понимает и предавших его — их жажду жизни:

*Нет, нет, я совсем не хочу умереть!
Эти птицы напрасно над нами вьются.
Я хочу снова отроком, отряхая с осинника медь,
Подставлять ладони, как белые скользкие блюда.
Как же смерть?*

*Разве мысль эта в сердце поместится.
Когда в Пензенской губернии у меня есть свой дом?
Жалко солнышко мне, жалко месяца,
Жалко тополь под низким окном.
Только для живых ведь благословенны
Рощи, потоки, степи и зеленыя.
Слушай, плевать мне на всю вселенную
Если завтра здесь не будет меня!*

Современники вспоминают, что, произнося некоторые строчки «Пугачева», Есенин сжимал кулаки до крови. Он читал эту поэму очень часто — и всегда она производила на слушателей грандиозное впечатление. Свидетельств об этом — множество. Приведем одно из них: «Вдали на пустой широкой сцене виднелась легкая фигура Есенина [...]. Полы его блузы развевались, когда он перебежал с места на место. Иногда Есенин замирал и останавливался и обрушивался всем телом вперед. Все время вспыхивали в воздухе его руки, взлетая, делая круговые движения. Голос то громыхал и накатывался, то замирал, становясь мягким и проникновенным. И нельзя было оторваться от чтеца, с такой выразительностью он не только произносил, но разыгрывал в лицах весь текст.

Вот пробивается вперед охрипший Хлопуша, расталкивая невидимую толпу. Вот бурлит Пугачев, приказывает, требует, убеждает, шлет проклятья царнице. Не нужно ни декораций, ни грима, все определяется силой ритмизованных фраз и яростью непрерывно льющихся жестов, не менее необходимых, чем слова. Одним человеком на пустой сцене разыгрывалась трагедия, подлинно русская, лишенная малейшей стилизации. И когда пронеслись последние слова Пугачева, задыхающиеся, с трудом выскользающие из стиснутого отчаянием горла: «А казалось... казалось еще вчера... Дорогие мои... Дорогие, хор-рошие», — зал замер, захваченный силой этого поэтического и актерского мастерства, и потом все рухнуло от аплодисментов. «Да это же здорово!» — выкрикнул Пастернак, стоявший поблизости и бешено хлопавший (до этого не очень-то чтивший Есенина. — *Л. П.*). И все кинулись на сцену к Есенину.

А он стоял, слабо улыбаясь, пожимал протянутые к нему руки, сам взволнованный поднятой им бурей» (С. Спасский).

Иван-царевич + Жар-птица = сказка

24 июня 1921 г. в Москву приехала всемирно известная танцовщица Айседора Дункан. Ей аплодировали в залах Лондона и Вены, Парижа и Нью-Йорка, Рима и Берлина, Рио-де-Жанейро и Афин. Газеты помещали отчеты о ее выступлениях на первой полосе, как самые главные новости. Критики не жалели похвал. Вот отрывок из одной из статей о ее творчестве: «Магия танца Айседоры Дункан так велика, что даже в современном театре она заставляет вас забывать, что вы заключены в этих дурацких стенах. Своей музыкой и движением она уносит вас с собой в дикие леса к богу Пану с его флейтой и танцующими нимфами, солнцу, ветру и любви.

С того момента, как начинает играть оркестр и раздвигается зеленый занавес, а по стенам на фоне задников цвета мягкого белого облака пролетает фигура, окутанная вуалью цвета солнечного или лунного луча или же лазури бледного рассвета, исчезают все скучные повседневные заботы и перед глазами встает огромная, величественная и простая картина зари человечества. [...] Каждое движение ее полно такого великолепия и красоты, что ваше сердце начинает биться сильнее, глаза влажнеют и вы понимаете, что если даже ваша жизнь счастливая, такие дивные моменты выпадают раз во много лет. А затем фигура тает в зеленых складках занавеса, и вы вспоминаете, что, когда Айседора танцевала в Париже, великие художники и поэты, не стесняясь, плакали и поздравляли друг друга с редкой радостью. Самое необыкновенное — это впечатление, которое у вас остается от этой женщины, даже когда танец окончен и сцена пуста».

В СССР Дункан приехала не на гастроли, а, как она полагала, навсегда. Ей мало было личной славы — она хотела создать школу танца (не балета, а именно того танца, который исполняла она, без балетных условностей — только музыка и движения красивого, здорового, естественного человеческого тела). Она пыталась создать ее в Европе — не получалось. Школа требовала денег, а меценаты находились с трудом, и их денег всегда не хватало. И тут — телеграмма: «Русское правительство единственное, которое может помочь вам. Приезжайте к нам. Мы создадим вашу школу». Она не замедлила с ответом: «Да, я приеду в Россию и стану обучать ваших детей при единственном условии, что вы предоставите мне студию и все, что необходимо для работы».

Неправда, что она решала поехать в Советскую Россию, потому что ее слава на Западе шла к закату. Совсем незадолго до отъезда она получила очень выгодное предложение. А на прощальном концерте в Лондоне ей, уже ославленной как «большевичка», аплодировали не меньше, чем в молодости.

Но она поверила. Увы, как и значительная часть европейской интеллигенции, поверила не только данному конкретному обещанию, но и в то, что наконец-то осуществилась вековая мечта человечества — «каким-то чудом создано идеальное государство, о котором мечтали Платон, Карл Маркс и Ленин». «Пока пароход уходил на север, я оглядывалась с презрением и жалостью на все старые установления и обычаи буржуазной Европы, которые я покидала. Отныне я буду лишь товарищем среди товарищей, я выработаю обширный план работы для этого поколения человечества. Прощай неравенство, несправедливость и животная грубость старого мира, сделавшего мою школу несбыточной!

Когда пароход прибыл, мое сердце затрепетало от великой радости. Вот он, новый мир, который уже создан!

Вот он, мир товарищей: мечта, родившаяся в голове Будды, мечта, звучавшая в словах Христа, мечта, которая служила надеждой всех великих артистов». Словом — «Инония». Пусть ее автор уже понял, что реальный социализм вовсе не тот, о котором он мечтал (чего, разумеется, Дункан знать не могла), не говорит ли это о сходстве натур? И там и здесь — восторженность, способность увлечься химерами, неумение (нежелание) алгеброй выверять гармонию или, выражаясь более прозаически, мечту — логикой реальности.

Как только Дункан ступит на московский перрон, она убедится: советская действительность мало похожа на Эльдорадо. Большевики пообещали выполнить все ее скромные требования и, разумеется, обещания не выполнили: большую часть денег для школы Дункан пришлось добывать самостоятельно. Но опять же, как многие интеллигенты, она сочтет это временными трудностями, платой за вход в рай.

Самое сильное разочарование было иного порядка. Однажды ее пригласили на вечер, где должны были присутствовать лидеры коммунистической партии. Она представила себе, что увидит людей с просветленными лицами, в простых одеждах, просты будут и их пища и дом, где они должны собраться.

Вечер давался в особняке, ранее принадлежащем сахарному королю России. Зал был декорирован в стиле Людовика XV. «Товарищи» сидели важные, довольные, хорошо одетые. Они слушали какую-то пошленькую певичку. «Да вы воображаете что-нибудь! — вскричала Айседора. — Выбросить буржуазию только для того, чтобы забрать ее дворцы и наслаждаться теми же нелепыми древностями, что и они, и в том же самом зале. Ничего не изменилось. [...] Вы не революционеры. Вы буржуа в маске. Узурпаторы!» И она покинула зал.

Школа все не открывалась. И Айседора, которая никогда не могла сидеть без дела, использовала это время для работы над новыми танцами — на музыку Скрябина. Когда она показала их нескольким друзьям, те были потрясены. Она сумела выразить ужас голода, который свирепствовал в то время в Поволжье.

*Там... За Самарой... Я слышал...
Люди едят друг друга..*

*.....
Ваше равенство — обман и ложь.
Старая гнусавая шарманка*

— это уже из поэмы Есенина «Страна негодяев», которую он писал во время путешествия с Дункан по Европе и Америке. Нет, вовсе не под ее влиянием. Хотя бы по той простой причине, что она не знала русского языка. Разговаривать они могли только на языке любви — а этот язык не приспособлен для политических тем. Но нельзя не заметить, что видели и оценивали происходящее они сходным образом. Эти два человека, так неожиданно сведенные прихотливой судьбой, потянулись друг к другу не в силу случайных обстоятельств, а почувствовав друг в друге родственные души.

Сергей Есенин и Айседора Дункан познакомились 3 октября 1921 г. в студии художника Г. Якулова. (Б. Садовая, д. 10 — именно в этом доме М. Булгаков разместит свою «нехорошую квартиру»). Вот как описывает их первую встречу Мариенгоф:

«Якулов устроил пирушку у себя в студии.
 В первом часу ночи приехала Дункан.
 Красный хитон, льющийся мягкими складками; красные, с отблеском меди, волосы; большое тело.
 Ступает легко и мягко.
 Она обвела комнату глазами, похожими на блюда из синего фаянса, и остановила их на Есенине.
 Маленький, нежный рот ему улыбнулся.
 Изадора легла на диван, а Есенин у ее ног.
 Она окунула руку в его кудри и сказала:
 — *Solotaya golova!*
 Было неожиданно, что она, знающая не больше десятка русских слов, знала именно эти два.
 Потом поцеловала его в губы.
 И вторично ее рот, маленький и красный, как ранка от пули, приятно изломал русские буквы:
 — *Anguel!*
 Поцеловала еще раз и сказала:
 — *Tschort!*
 В четвертом часу утра Изадора Дункан и Есенин уехали».

Несколько по-другому эта сцена описана в мемуарах Е. Стырской:[70] «Он [Якулов] первым узнал, что Айседора Дункан приезжает в Москву, и обещал Есенину познакомить его с ней. [...] Было 12 часов ночи [...]. На ней (Дункан. — Л. П.) был короткий, расстегнутый жакет из соболей, вокруг шеи необыкновенно прозрачный длинный шарф. Сняв жакет, она осталась в строгой греческой тунике красного цвета. Коротко стриженные волосы [...] были медно-красного цвета [...]. Айседора Дункан рассматривала всех присутствующих любопытными, внимательными глазами, она всматривалась в лица, как будто бы хотела их запомнить. Ее окружили, засыпали вопросами. Она живо отвечала одновременно на трех языках: по-французски, английски и немецки. Ее голос звучал тепло, поюще, капризно, немного возбужденно. Голос очень восприимчивой, много говорящей женщины. Из другого угла комнаты на Айседору смотрел Есенин. Его глаза улыбались, а голова была легко наклонена в сторону. Она почувствовала его взгляд прежде, чем осознала это, ответив ему долгой, откровенной улыбкой. И поманила его к себе.

Есенин сел у ног Айседоры, он молчал. Он не знал иностранных языков. На все вопросы он только качал головой и улыбался. Она не знала, как с ним говорить, и провела пальцами по золоту его волос. Восхищенный взгляд следовал за ее жестом. Она засмеялась и вдруг обняла его голову и поцеловала его в губы. С закрытыми глазами она повторила этот поцелуй».

Интуиция подсказала Есенину, как воздействовать на «великую босоножку». «Есенин вырвался, двумя шагами пересек комнату и вспрыгнул на стол. Он начал читать стихи. В этот вечер он читал особенно хорошо. Айседора Дункан прошептала по-немецки: «Он, он ангел, он — Сатана, он — гений». Когда он во второй раз подошел к Айседоре, она бурно зааплодировала ему и сказала на ломаном русском языке: «Очень хорошо!» Они смотрели друг на друга, обнявшись, и долго молчали. Под утро она увела его с собой».

Позже Дункан расскажет эту историю о взглядах, нашедших друг друга, как о воплощении мистического пророчества: «Когда я спала, душа покинула тело и вознеслась в мир, где встречаются души, и там я встретила душу Сергея. Мы

тотчас полюбили друг друга как души, а когда мы встретились во плоти, мы вновь любили...» Да еще перед отъездом гадалка нагадала ей, что скоро она выйдет замуж — тогда Айседора только посмеялась.

Американский журналист У. Дюранти передает слова Айседоры, сказанные позже: «Все мои любовники были гениями; это единственное, чего я добиваюсь». (На самом деле это не всегда было так, но именно этого она всегда хотела.)

Вольно или невольно Есенин и Дункан искали друг друга — и не было в этом никакой мистики. Уже «тронутое холодком» сердце Сергея Есенина в это время не могли воспламенить такие влюбленные в него — и незаурядные — женщины, как Галина Бениславская и Надежда Вольпин. Конечно, главное — поэзия. Но для того, чтобы творить... Когда, сойдясь с молоденькой поэтессой Надеждой Вольпин, он, к великому своему удивлению, обнаружил, что она девушка, его первый вопрос был: «Как же Вы писали стихи?!»

Узнав о приезде Дункан, он интуитивно почувствовал: вот она, та жар-птица, которую он должен «схватить за хвост» (слова Б. Пастернака). И он не сомневался, что — так или иначе — сумеет это сделать. Пусть она жар-птица, но он-то ведь Иван-царевич. Таким в свое время он показался маленькому сыну Ломана, а потом — вполне взрослому Борису Пастернаку. Не склонный к сантиментам Эренбург называет его Иваном-богатырем, а В. Катаев в мемуарной повести «Алмазный мой венец», где все писатели выведены под псевдонимами, Есенину дает имя Королевич.

И сказка началась. Кто сказал, что сказка обязательно должна быть веселой и с хорошим концом? Но в сказке всегда должно присутствовать волшебство. Волшебством было то, что эти два человека, столь далеко отстоящие друг от друга и географически, и социально, и по жизненному опыту, встретились в нужном месте в нужный час. И моментально, не имея общего языка, поняли и оценили друг друга. Волшебство, что Дункан, едва увидев Есенина, сразу выразила его суть двумя словами: *Anguel! Tschort!* — теми самыми, которыми говорил о себе сам поэт — «Коли черти в душе гнездились, значит, ангелы жили в ней». Любовь с первого взгляда — всегда волшебство, а здесь это было еще и притяжение друг к другу родственных душ. (Родственные души могут и отталкиваться друг от друга, не переставая быть родственными, что и произойдет позже.)

Есенин узрел в Дункан «русскую душу», отличавшуюся способностью к пониманию и сочувствию («...Она настоящая русская женщина, более русская, чем все там. У нее душа наша, она меня хорошо понимала...»).

При этом мы вовсе не исключаем со стороны Есенина (широк русский человек!) ни тщеславия, ни даже меркантильного интереса. (Слухи о несметном богатстве Дункан были сильно преувеличены — она так же, как ее русский возлюбленный, очень быстро спускала любые деньги — еще одно сходство.) И он, конечно, думал, что мировая слава Айседоры будет способствовать его мировой славе. (Славы всероссийской он уже добился.) Но при всем при том это была не сделка («женился на богатой старухе»), а любовь, сильная, страстная и мучительная. Любовь Поэта.

Мариенгоф пишет, что Есенин мог лечь в постель с Дункан, только напившись до умопомрачения. А почему мы должны верить Мариенгофу? Почему не Есенину? — «...мне 27 лет — завтра или после завтра мне будет 28 [...] ей бы-

ло около 45 лет. [...] за белые пряди, спадающие с ее лба, я не взял бы золото волос самой красивейшей девушки. Фамилия моя древнерусская — Есенин. Если перевести ее на сегодняшний портовый язык, то это будет осень. Осень! Осень! Я кровью люблю это слово. Это слово — мое имя и моя любовь».

А Дункан? То, что Айседора вдруг произнесла: «Solotaya golova!», не зная вроде бы ни одного русского слова, тоже волшебство. И даже воспоминания ее ближайшей подруги Мэри Дести, объясняющие многое, этого объяснить не могут «... дверь с треском распахнулась — и перед Айседорой возникло самое прекрасное лицо, какое она когда-либо видела в жизни, обрамленное золотыми блестящими кудрями, с проникающим в душу взглядом голубых глаз. [...] Это была судьба. [...]

Потом [...] она помнила лишь голову с золотистыми кудрями, лежавшую у нее на груди [...] и до самой смерти говорила, что помнит, как его голубые глаза смотрели в ее глаза и как у нее появилось единственное чувство — укачать его, чтобы он отдохнул, ее маленький золотоволосый ребенок».

«Solotaya golova», кроме всего прочего, не могла не вызвать у Айседоры воспоминания о ее маленьком сыне Патрике, тоже золотоволосом. Дети Дункан (мальчик и девочка) погибли за восемь лет до встречи с Есениным в автомобильной катастрофе. Вот что писала она о своем состоянии после катастрофы: «По-моему, есть горе, которое убивает, хотя и кажется, что человек продолжает свою жизнь. Его тело влачит горестное существование на земле, но дух его сокрушен — сокрушен навсегда. [...] С тех пор всегда мною владеет лишь одно желание — скрыться, скрыться... скрыться от этого ужаса, и вся моя жизнь является лишь непрерывным бегством от него, напоминая Вечного Жида и Летучего Голландца». Чтобы «скрыться от этого ужаса», великой танцовщице нужна была новая великая идея — ее она искала в России. Бог послал ей еще и великую любовь.

Большевики в конце концов объявили Дункан, что деньги на школу она должна зарабатывать сама. (А она-то мечтала о бесплатных концертах для рабочих.) Ну что ж, зарабатывать, так зарабатывать — не уезжать же из-за этого из России, не расставаться с мечтой. (Пусть уже несколько и скорректированной действительностью.)

Есенин не пропускал ни одного ее выступления. Будь то в Москве или Петрограде. Во время одного из них погас свет — такое случалось в тогдашней России. Оркестр остановился. Любая другая актриса покинула бы сцену. Но Дункан не считала себя вправе подвести зрителей, которые пришли посмотреть на ее искусство. И она попросила своего импресарио и переводчика И. Шнейдера вынести на сцену фонарь. «Пламя в фонаре чуть-чуть потрескивало, бросая слабые ответы на застывшую фигуру Дункан, в которой, по-видимому, продолжала мучительно звучать оборвавшаяся музыка симфонии. Свет не зажигался. На сцене было прохладно. Я взял красный плащ Айседоры, — вспоминает И. Шнейдер, — и набросил ей на плечи. Дункан поправила плащ, приблизилась к фонарю, горевшему красноватым светом, и подняла его высоко над головой. В красном плаще, с призывно поднятой головой и со светочем в руке она выглядела каким-то революционным символом. Зал ответил грохотом аплодисментов. Дункан выжидала, когда все утихнет. Потом сделала шаг вперед и обернулась. Я понял и подошел. (Чтобы переводить ее слова на русский. — Л. П.).

«Товарищи, — сказала она, — прошу вас спеть ваши народные песни». И зал, огромный, переполненный зал (Мариинского театра в Петрограде. — Л. П.) запел. Без дирижера, без аккомпанемента, в темноте, поразительно соблюдая темпы, нюансы и стройность, зал пел одну за другой русские народные песни.

Дункан так и стояла с высоко поднятым над головой огнем, и вытянутая рука ни на мгновение не дрогнула, хотя я видел, что это стоит ей огромного напряжения воли и великого физического усилия.

«Если бы я опустила тогда руку, — объяснила она потом, — прервалось бы и пение, и все невыразимое очарование его.» Это было так прекрасно, что никакие самые знаменитые капеллы не выдержали бы сравнения с этим вдохновенным пением!

Так продолжалось около часа. Дункан не опускала руки, и зал пел снова и снова. Уже прозвучала «Варшавянка», «Смело, товарищи, в ногу...» [...] И вдруг когда необычайный хор гремел заключительными словами:

*Но знаем, как знал ты, родимый,
Что скоро из наших костей
Поднимется мститель суровый
И будет он нас посильней!*

— в хрустальных бра и люстрах зала, в прожекторах и софитах стал теплеть, разжигаться свет. Красноватый, потом желтый, солнечный и, наконец, ослепительно-белый затопил потоками громадный театр и гигантский хор, который вместе со светом медленно поднимался со своих мест, потрясая зал последним рефреном:

— Будет по-силь-ней!

Одновременно взметнулся красный шарф Дункан — и медленно пошел вниз занавес.

Ни один режиссер не мог бы так блестяще театрально поставить эту сцену...»

* * *

Роман Есенина и Дункан проходил на виду у всей Москвы. В ее особняке на Пречистенке (это единственное, что выполнили большевики из обещанного), куда перебрался и Есенин, собиралась вся московская богема. И все считали своим долгом не только пить и есть за счет Дункан, но и судачить по ее поводу. И все почему-то были уверены, что мировая знаменитость не стоит нашего Есенина. Какой-то остряк придумал — и пошло гулять: ай, сих дур много, а Сережа-то один. Маяковский переделал на свой лад: ай се дур в Европе много — мало ай се дураков. (Зелен виноград, Владимир Владимирович.)

Пошляки говорили: стареющая женщина ухватила за молодого поэта и позволяет ему делать с собой что угодно. (Эти слухи, разумеется, доходили и до Есенина. Что, с одной стороны, больно его ранило, а с другой — позволяло еще больше распускаться со «старухой».)

Она вовсе не считала, а главное, не ощущала себя «старухой» — как называли ее «доброжелатели» Есенина. Все подружки Дункан уверяют: была так хороша и так молодо выглядела, что разница лет между ней и Сергеем (16 лет!) почти не ощущалась. Их совместные фотографии подтверждают именно это мнение. (После смерти Есенина у нее будет еще более молодой любовник.)

И никогда она не была его рабой — матерью, заботливой, многое прощающей (в силу своего понимания и родства натур) — да. И меньше всего ее в этих отношениях интересовал секс — хронический алкоголик далеко не лучший сексуальный партнер.

Как Художник она — смутно — понимала то, о чем Б. Зубакин[71] писал М. Горькому: «В Высшем мире поют Высокие Ангелы — Согласный Гимн — а на земле это слышно, как грохот, буря и Хаос. Земной Хаос жизни Есенина был выражением внутренней особо присущей ему музыки и гармонии», и — в глубине души — соглашалась с мужем: «Пьяный Эдгар По прекрасней трезвого Марка Кривицкого».[72] Она и сама с некоторых пор перед выходом на сцену непременно должна была пропустить пару бокалов шампанского или чего-нибудь еще покрепче. В ее особняке на Пречистенке, каждый вечер вино лилось рекой. Пил не только Есенин и его многочисленные друзья, но и Дункан. Она не признавала для водки маленьких рюмочек — только стаканы. Мариенгоф уверяет, что именно благодаря ей Есенин и спился окончательно. Ее подруги, утверждают прямо противоположное: желая всюду быть рядом с возлюбленным, она вынуждена была пить все больше и больше.

Как женщина она знала: чем больше распояшется хмельной Есенин, тем сказочнее будет примирение. Он будет сама нежность, покорность, влюбленность, станет, как собака, заглядывать ей в глаза, обцеловывать руки, ноги, умолять о прощении. И позволять вить из себя веревки.

— Что с тобой, Сергей, любовь, страдания, безумие? — однажды спросила Е. Стырская у Есенина.

— Не знаю. Ничего похожего с тем, что было в моей жизни до сих пор. Айседора имеет надо мной дьявольскую власть. Когда я ухожу, то думаю, что никогда больше не вернусь, а назавтра или послезавтра я возвращаюсь.

Дункан была более сильной натурой, чем Есенин. С тех пор как при первой встрече Айседора «поманила его к себе», поэт не раз чувствовал, что начинает себя терять: «Вид их вместе всегда заставлял припоминать старую латинскую фразу о маленьком полководце и большом мече: «Кто это привязал Сципия к мечу?»

Эту сцену Сципия и его меча Дункан разыгрывала в своем знаменитом танце с шарфом. «Нет, она уже не статуя, — так этот танец описан в книге И. Одоевой «На берегах Сены». — Она преобразилась [...]. Она медленно движется по кругу, перебирая бедрами, подбоченясь левой рукой, а в правой держа свой длинный шарф, ритмически вздрагивающий под музыку, будто и он участвует в ее танце. [...] Шарф извивается и колыхается. И вот я вижу — да, ясно вижу, как шарф оживает и постепенно превращается в апаша. [...] Апаш, как и полагается, сильный, ловкий, грубый хулиган, хозяин и господин этой [...] женщины. Он, а не она ведет этот кабацкий, акробатический танец, властно, с грубой животной требовательной страстью подчиняя ее себе, то сгибает ее до земли, то грубо прижимает к груди, и она всецело покоряется ему. Он ее господин, она его раба. [...]

Но вот его движения становятся менее грубыми. Он уже не сгибает ее до земли и как будто начинает терять власть над ней. Он уже не тот, что в начале танца.

Теперь уже не он, а она ведет танец, все более и более подчиняя его себе, заставляя его следовать за ней. Выпрямившись, она кружит его, ослабевшего и

покорного, так, как она хочет. И вдруг резким и властным движением бросает апаша, сразу превратившегося снова в шарф, на пол и топчет его ногами. [...]

Есенин смотрит на нее. По его искажившемуся лицу пробегает судорога.

— Стерва! Это она меня!.. — громко отчеканивает он. Он [...] трясущейся рукой наливает себе шампанское, глотает его залпом и вдруг с перекосившимся, восторженно-ростным лицом бросает со всего размаха стакан о стену.

Звон разбитого стекла. Айседора по-детски хлопает в ладоши и смеется:

— It's for a good luck![73]

Есенин вторит ей лающим смехом:

— Правильно! В рот тебе гудлака с горохом!

«Он был только партнером, похожим на тот кусок розовой материи, — безвольный, трагический» — так Мариенгоф комментирует этот танец с шарфом.

Дункан верила, что вместе они покорят мир: «Айседора, взяв у меня записную книжку, — рассказывает И. Шнейдер, — с увлечением чертила, объясняя Есенину роль хора в древнегреческом театре. Смелой линией нарисовав полукруг амфитеатра, она замкнула «оркестру» и, поставив в центре ее черный кружок, написала под ним: «Поэт». Затем быстро провела от точки множество расходящихся лучей, направленных к зрителям.

— Мы будем выступать вместе! — говорила она Есенину. — Ты один заменишь древнегреческий хор. Слово поэта и танец создадут такое гармоничное зрелище, что мы... Wir warden dem ganzen Welt beherrschen,[74] — рассмеялась Айседора».

И. И. Шнейдер позднее напишет: «Чувство Есенина к Айседоре, которое вначале было еще каким-то неясным и тревожным отсветом ее сильной любви, теперь, пожалуй, пылало с такой же яркостью и силой, как и любовь к нему Айседоры».

2 мая 1921 г. Есенин и Дункан регистрируют свой союз. (Брак не был расторгнут до самой смерти поэта.) Кроме всего прочего, это было необходимо потому, что предстояла поездка в Америку. Дункан хорошо знала повадки тамошней «полиции нравов».

Обыкновенный советский загс, серенький и канцелярский. Когда их спросили, какую фамилию они выбирают, оба ответили: «Дункан-Есенин». «Теперь я — Дункан!» — кричал Есенин, выйдя на улицу.

Мариенгоф изобразит этот эпизод так: «Перед отъездом за границу Дункан расписалась с Есениным в загсе.

— Свадьба! Свадьба! — веселилась она. — Пишите нам поздравления! Принимаем подарки: тарелки, кастрюли и сковородки. Первый раз в жизни у Изадоры законный муж!

— А Зингер? — спросил я.

Это тот самый — «Швейные машинки». Крез нашей эпохи. От него были у Дункан дети, погибшие в Париже при автомобильной катастрофе.[75]

— Зингер?.. Нет! — решительно тряхнула она темнокрасными волосами до плеч, как у декадентских поэтов и художников.

— А Гордон Крэг?[76]

— Нет!

— А Д'Аннуцио?[77]

— Нет!

— Нет!.. Нет... Нет... Сережа первый законный муж Изадоры. Теперь Изодо-

ра русская толстая жена! — отвечала она по-французски, прелестно картавя».

Через несколько дней в Берлин, где уже к тому времени обосновался Кусиков, полетела телеграмма: «Сандро! Пятого мая выезжаю. Сделай объявление в газетах о предстоящем нашем вечере на обоих языках. Есенин».

8 мая Комиссия Главнауки по заграничным командировкам выносит постановление разрешить Есенину командировку за границу (без субсидий).

В 9 часов утра 10 мая 1922 г. Есенин и Дункан вылетают в Кенигсберг самолетом, совершающим первый международный рейс из Москвы. Школу Айседора оставила на попечение своей приемной дочери и помощницы Ирмы, надеясь, что она вскоре привезет детей в Европу.

Есенин перед отъездом дал отцу 100 миллионов (примерная стоимость дороги до Берлина, но платила Дункан, а у Есенина действительно денег почти не было) и 20 миллионов сестре Екатерине, наказав Мариенгофу отдавать ей его часть прибыли от «Стойла» и магазина; послал Клюеву деньги и посылку от «Ара»\ которой он добился. («Голод в центральных губ[ерниях] почти такой же, как на севере»).

Обменялся с Мариенгофом прощальными поэтическими посланиями.

Надежду Вольпин спросил: «Ты будешь меня ждать?» И сам же ответил: «Знаю. Будешь».

Иван-царевич в Европе

11 мая поездом из Кенигсберга они прибыли в столицу Германии. Берлин начала 20-х гг. не зря называют «русским Берлином». Там обосновалось множество русских: эмигранты, белогвардейцы, а также множество интеллектуалов с советскими паспортами, но предпочитавшими западную жизнь «молодой советской республике». Назовем хотя бы несколько имен: И. Эренбург, Андрей Белый, Ал. Толстой, на вилле под Берлином — Максим Горький. Почти одновременно с Есениным в Берлин приехала Марина Цветаева.

Молодожены остановились в любимом отеле Дункан «Адлон». Оба они с удовольствием окунулись в атмосферу европейского комфорта. Дункан честно сказала корреспондентам: «Я люблю русский народ и намереваюсь вернуться в Россию в будущем году. Тем не менее очень приятно приехать сюда, где тебя ждет горячая вода, салфетки, тепло и т. п. В России есть другое, но мы, бедные, слабые существа, так привыкли к комфорту, что очень трудно от него отказаться. И русские не собираются отказываться от него. Наоборот. Но они считают, что в комфорте должны жить все, а если его не хватает, то не хватать его должно всем».

Дункан только что заложила свой дом в Лондоне, шли переговоры о продаже дома в Париже, так что деньги были, и они зажили на широкую ногу. Есенин вел себя как дикарь, впервые попавший в цивилизованный мир. Заказал себе такое количество костюмов, которые один человек не может сносить за всю жизнь (даже и в несколько раз более длинную, чем жизнь Есенина). Требовал, чтобы ему каждый день мыли голову, чтобы у него была отдельная ванная, много одеколona, духов, пудры. Презиравшая буржуазные ценности Айседора понимала и это: «Он ведь такой ребенок, и у него никогда ничего в жизни не было».

Он действительно был русский крестьянский ребенок, и никакие костюмы и духи не могли сделать из него европейца.

О встрече с Есениным в первые его дни в Берлине рассказывает писатель Г. Алексеев. Его очерк особенно ценен тем, что написан по свежим впечатлениям. «Он [Есенин] все такой же — не вырос, маленький, как в Москве лет семь назад, все так же удивляются его глаза и застенчивая улыбка, сдвигающая к ресницам кольца обветренных морщин. Если бы снять с него пальто, да на ладный кружочек кучерских, непослушных волос насадить картуз — по брови — звонил бы он у Николы на Посадях, сам удивляясь, как из-под медных дылд, болтающихся в руках на веревках, слетают вниз согласные звуки малинового звона. Если бы снять с него белые ботинки, да в опорках на босу ногу с длинным кнутом, обжигающим, как выстрел, пустить по плотине в вечерний час, когда по-над рекой играет бубенцами стадо, а окна деревенских хат, что красный мак на солнце, — пел бы он песню, пастушонок, пел бы он звонкую, и бабы, возвращающиеся с жнивов, разломавших бедра, и старики, поджидающие стадо у плетней, улыгнулись бы молодости, порадовались жизни, простой и понятной под крестьянским небом. Если бы снять с него городской наряд, да в степь — на связку разбегающихся дорог, под ветер, шипящий растревоженным кустарником, выпустить с ножом в голенище — поджидал бы он купца на тройке, засвистал бы товарищам в четыре пальца, подраненного, в смертной муке свалившегося в кузовок, дорезал бы — из озорства (ср. «Я и сам

кого-нибудь зарежу/Под разбойный свист». — Л. П.). [...] Прежде, когда тракты были, а на трактах водка, а на дорогах — вольная песня ямщичья, такие в ямщики шли. Душу вывернет седоку песней, степь заморозит, а на юрах[78] да опушках побаивайся, за суму держись крепко — знает, что под тельником защита, ножичек за голенищем щупает. Прежде такие вот сами к монастырям приходили и принимали на себя послух великий: год и два поет на клиросе — женоподобный, юркий да щупленький, а к работе горяч, игрушечный монашек старцам на утешение, служка игумена самого, а в одно утро уйдет, только и найдут на измятой постели островерхий с ямкой спереди монашеский наперсток. Да разве потом о. Пасий или о. Аристарх, собирающие по дорогам на построение нового храма в обители, поведуют братии, что видели Сергуньку в портовом городе в кабаке, пьянствовал с матросами, на гармонике — чудо как хорошо играл и ругался словами самыми непотребными. [...]

Мы шли по улице большого города, торопящегося жить. [...] По улицам, мимо окон, подъездов, телефонов, магазинов — стремилась толпа. Жизнь обратилась в бег, каждый шаг — деньги. Он шел медленной походкой, вразвалку, как ходить умеют только еще в России. [...] улыбаясь, рассказывал, как он шел завоевывать город. О! Как все они, эти тихонькие его ненавидят! — и как в город принес песню — ведь его песня — дол да поле, да лес в ржавом золоте вечера, ну, а леса в городе не помнят. И вот грохоту вправленного в железо камня, сердцу большого города, изжившего единственную человеческую правду — правду земли, он рассказал, что электричество еще не убило солнца и зорь его, что автомобиль еще не обогнал лёта стрижа над лугом, что кроме трех засыхающих лип городского газона есть еще лес, а в нем заблудиться можно, есть еще песня граммофона, она плакать заставит, да есть еще свист соловьиный, разбойничий — эх, как улюлюкает он по лесам, если выйти и из переулка, да тропею к Оке ли, к Днепру ли, на Волгу податься! А когда город, хоть и революционный, но не поверил [...] Есенин вымазал дегтем ворота Страстного монастыря, переколотил булыжником стекла магазина фальшивых бриллиантов[79] и издавал свой революционный приказ, чтобы «вся сволочь» собралась завтра на Театральную площадь послушать, какую он споет песню и у песни этой учиться любить жизнь. [...] если завтра придут толпы и в ярости обнаженного гнева голыми кулаками разобьют Кремль и Лувр, по камушку, по бревнышку, растащут стены музеев и грязные ноги вместо портянок обернут Рафаэлем — он будет одним из первых, певец ярости восставшего дикаря и раба, и жертву, в смертной муке припавшую к облучку, дорезет — из озорства».

Этот очерк, хотя и навеян реальной встречей с Есениным, конечно, беллетризован. Но только художникам (о степени таланта сейчас не говорим) удавалось создать образ Есенина во всей его целостности. Мемуаристы же всего лишь рассказывают об отдельных фактах его жизни (и хорошо, если не перевирают), показывают поэта с одной какой-нибудь стороны. Поговорка «В многотченьи нет спасенья» особенно верна по отношению к мемуарам о Есенине. Написано горы — но из этих кубиков не складывается портрет. (И Мариенгоф не исключение.) В то время как очерк Г. Алексеева (поэтому мы, не считаясь с объемом, привели его почти целиком) — попытка показать Есенина, как сказали бы философы, «в единстве во множественности», за, по-видимому, противоречивыми качествами его натуры узреть глубинную, нерасторжимую

связь. И все, что произойдет с русским поэтом в Европе, а потом и в Америке, — в этом очерке предсказано.

* * *

Буквально за день до отъезда Есенина в Москве проходил суд над патриархом Тихоном и теми верующими, которые противились изъятию церковных ценностей. Почти сразу же по прибытии в Берлин Есенин написал в своей «Автобиографии»: «Очень не люблю патриарха Тихона и жалею, что не мог принять участие в отобрании церковных ценностей». (В печатный текст эта фраза не вошла. Неизвестно, сделал ли купюру сам Есенин или редакция, но нечто подобное он говорил и Р. Гулю.) В роскошном берлинском отеле вспомнилось Есенину то время, которое он считал лучшим в своей жизни, — 1919 г. «Тогда мы (Есенин и Мариенгоф. — Л. П.) зиму прожили в 5 градусах комнатного холода. Дров у нас не было и полена. [...] печатал свои стихи на стенах Страстного монастыря за отсутствием бумаги». Богохульствовал он и раньше. (Сжег икону, чтобы растопить самовар.) Так что в искренности его желания тряхнуть стариной и еще раз похулиганить всласть сомневаться не приходится.

Но вот стихотворение, написанное примерно через год:

*Я хочу при последней минуте
Попросить тех, кто будет со мной, —
Чтоб за все грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать.*

Нет ничего проще, чем обвинить Есенина в лицемерии: дескать, и любовь к деревне, и религиозность — все лицемерие, «маска». А любил он только комфорт, себя и свою славу. И ради нее ему было все равно, «украшать» ли Страстной монастырь или рядиться в кающегося. Тому, у кого в арсенале только две краски: черная и белая — лучше не приближаться к Есенину. Вместо портрета выйдет карикатура. Кто сказал, что люди четко делятся на верующих и неверующих? «Я Богу яростно молился, я Бога страстно отрицал», — писал другой русский поэт. А Пушкин с его «Гаврилиадой»? Разумеется, они не вытворяли того, что вытворял Есенин. Так ведь и эпоха была другой. И уровень воспитания и образования. Пушкину пришлось отказаться от «Гаврилиады» — иначе не миновать бы ему каземата. А Есенин жил в стране победившего атеизма — никто не мешал ему публично богохульствовать.

Есенин всегда писал так, как чувствовал. Недаром неверующий Осоргин назвал это стихотворение «изумительной вещью», поэтическим завещанием, где сочетаются «внутренний разлад сердца и ума, чистоты и порока, поэзии и хулиганства [...] веры и безверия, Божьего дара и кабацкого разгула»[80]

Первое выступление Есенина в Берлине состоялось вскоре после приезда в берлинском Доме искусств — и там же первый скандал. Описание этого вечера оставили около десятка мемуаристов, и, как ни странно, их воспоминания на этот раз мало отличаются друг от друга. Вот сводная версия: в зале были как советские граждане, так и эмигранты. Когда вошли Есенин и Дункан (сильно запоздав), «какой-то жиденок крикнул: «Интернационал!»»[81] (слова П. Сувчинского). «Споем!», — ответила Дункан. Публика разделилась: кто-то засвистел, кто-то захлопал, кто-то на кого-то бросился в драку. Кусиков кри-

чал, что он пристрелит белого офицера, «как собаку». В итоге «белые были разбиты», а «Интернационал» спет во весь голос и с энтузиазмом.

Затем Есенин вскочил на стул (по другим версиям, к ужасу гарсона, на мраморный стол) и закричал, что он еще не так умеет свистеть. И тут же доказал это, засунув несколько пальцев в рот. Но как только он начал читать стихи, наступила полная тишина. Он читал лирику, после каждого стихотворения — громкие аплодисменты. Многие пытались пожать ему руку. «Только русские умеют так читать, и только один из всех них — Есенин. Слова идут, падая сверху вниз, как бы молотя кулаками, бичуя, врезаюсь в плоть и кровь, ошеломляя» (Эль Лисицкий).

Отзывы на вечер в эмигрантской прессе (разве что за исключением просоветской газеты «Накануне») были по большей части резко отрицательными, издевательскими. Как только не называли Есенина: Смердяковым, советским Распутиным.... Практически никто не оценивал есенинские стихи, а скандал описывали красочно. Иногда даже в стихах:

*Надоела Генуя —
В шелк себя одену я
И для развлечения чувств
Прогуляюсь в «Дом Искусств».*

*Там все пышно и богато,
Там есть красные ребята,
А меж ними — маков цвет —
Самый красный наш поэт.*

*Станет в позу среди зальца —
Сунет в рот четыре пальца —
Сразу Лиговкой[82] пахнет,
Испужается народ.*

*Наши парни — ежики,
Пустьят в ход и ножики,
Потому она стихия
И вздыбленная Россия...*

*Прилетел аэроплан
Из столицы Ленина —
Вышла в нем мадам Дункан
Замуж за Есенина.*

*Айседора с новым мужем
Привезла совдеп сюда...
Были времена и хуже,
Но подлее — никогда.[83]*

Скандалом сопровождалось едва ли не каждое выступление Есенина в Берлине. Иногда до чтения стихов даже не доходило. Так, в том же Доме искусств, когда ведущий объявил выступление поэта и присутствующие уже разразились аплодисментами, оказалось, что кресло его пусто. Из бара доносился звук разбитой посуды и громкие проклятия. Наконец появился пробиравшийся сквозь толпу Есенин. Вид у него был расхристанный, костюм, рубашка, лицо — все залито не то водой, не то пивом. Оказалось, что официант с подно-

сом, заставленным кружками с пивом, случайно налетел на него. Он схватил Айседору за руку.

«Пусти!» — истошно закричала она. В ответ он разразился отборной русской бранью.

Однажды Есенин сбежал. Три дня Дункан не знала, где он. А он вместе с Кусиковым блаженствовал в каком-то маленьком берлинском пансиончике, где, как они думали, Айседора их не найдет. Но Дункан хорошо знала Берлин. На четвертую ночь она ворвалась, как амазонка, с хлыстом в руке в тихий семейный пансион. Все спали. Только Есенин в пижаме, сидя за бутылкой пива, в столовой играл с Кусиковым в шашки. Увидев жену, он молча попятился и скрылся в темном коридоре. Айседора носилась по комнатам в красном хитоне, как демон разрушения. Распахнув буфет, она вывалила на пол все, что было в нем. От ударов ее хлыста летели вазочки с кронштейнов, рушились полки с сервизами. Айседора бушевала до тех пор, пока бить стало нечего. Тогда, перешагнув через груды черепков и осколков, она прошла в коридор и за гардеробом нашла Есенина. И спокойно приказала ему ехать домой. А он, как нашкодивший ребенок, покорно пошел за ней (по воспоминаниям Н. Крандиевской-Толстой).

Кусикова оставили в залог. Счет, присланный через два дня в отель к Дункан, был грандиозен. Расплатившись, она не могла больше продолжать подобную жизнь в Берлине и повезла мужа в спокойное курортное место Висбаден — отдохнуть и подлечиться. Это действительно было необходимо Есенину. Но беда в том, что Айседора сама не была способна на спокойную, размеренную жизнь. Вспомним: «С тех пор (момента гибели детей. — Л. П.) мною всегда владеет лишь одно желание — скрыться, скрыться... скрыться от этого ужаса, и вся моя жизнь является лишь непрерывным бегством от него, напоминая Вечного Жида и Летучего Голландца». Из Висбадена Есенин пишет Шнейдеру:

«Милый Илья Ильич! Привет Вам и целование. Простите, что так долго не писал Вам, берлинская атмосфера меня издергала вконец. Сейчас от расшатанности нервов еле волочу ногу. Лечусь в Висбадене. Пить перестал и начинаю работать. Если бы Изадора не была сумасбродкой и дала мне возможность где-нибудь присесть, я очень много бы заработал и денег. Пока получил только сто тысяч с лишним марок, между тем в перспективе около 400.[84] У Изадоры дела ужасны. В Берлине адвокат дом ее продал и заплатил ей всего 90 тыс. марок. Такая же история может получиться и в Париже. Имущество ее: библиотека и мебель расхищены, на деньги в банке наложен арест. [...] Она же как ни в чем не бывало скачет на автомобиле то в Любек, то в Лейпциг, то во Франкфурт, то в Веймар. Я следую с молчаливой покорностью, потому что при каждом моем несогласии — истерика. Германия? Об этом поговорим после, когда увидимся, но жизнь не здесь, а у нас. Здесь действительно медленный грустный закат, о котором говорил Шпенглер.[85] Пусть мы азиаты, пусть дурно пахнем, чешем, не стесняясь, у всех на виду седалищные щеки, но мы не воняем так трупно, как воняют внутри они. Никакой революции здесь быть не может. Все зашло в тупик. Спасет и перестроит их только наше присутствие таких варваров, как мы. Нужен поход на Европу».

Врач, осматривавший Есенина в Висбадене, сказал, что положение серьезное и нужно прекратить пить по крайней мере на 2–3 месяца, иначе может развиваться психическое заболевание. Есенин согласился. Но через неделю он и Дункан уже были в Дюссельдорфе. Оттуда отправляется письмо Сахарову, написанное явно в сильном подпитии:

«Друг мой, Саша! Привет тебе и тысячу поцелуев. [...] Что сказать мне [...] об этом ужаснейшем царстве мещанства, которое граничит с идиотизмом?

Кроме фокстрота здесь почти ничего нет. Здесь жрут и пьют, и опять фокстрот. Человека я пока еще не встречал и не знаю, где им пахнет. В страшной моде господин доллар, на искусство начхать — самое высшее музик-холл. Я даже книг не захотел издавать здесь, несмотря на дешевизну бумаги и переводов. Никому здесь это не нужно. Ну и ебал я их тоже с высокой лестницы. Если рынок книжный — Европа, а критик Львов-Рогачевский,[86] то глупо же ведь писать стихи им в угоду и по их вкусу. Здесь все выглажено, вылизано и причесано так же почти, как голова Мариенгофа.[87] Птички какают с разрешения и сидят, где им позволено. Ну, куда же нам с такой непристойной поэзией?

Это, знаете ли, невежливо так же, как коммунизм. Порой мне хочется послать все это к ебейнейшей матери и наострить лыжи обратно. Пусть мы нищие, пусть у нас голод, холод и людоедство, зато у нас есть душа, которую здесь за ненадобностью сдали в аренду под смердяковщину. Еб их проеби в распроебу. Конечно, кой-где нас знают, кой-где есть стихи переведенные, мои и Толькины [Мариенгофа], но на кой хуй все это, если их никто не читает.

Сейчас на столе у меня английский журнал со стихами Анатолия, который мне даже и посылать ему не хочется. Очень хорошее издание, а на обложке пометка: в колич. 500 экз. Это здесь самый большой тираж! Взвейтесь, кони! Неси, мой ямицик Матушка! Пожалей своего бедного сына...

А знаете? У алжирского бея под самым носом шишка?[88] [...]

Друг мой, если тебя обо мне кто-нибудь спросит, передай, что я пока утонул в сортире с надписью на стенке «Есть много разных вкусов и вкусигов...»[89]

Твой Сергунь

Гоголевская приписка:[90]

*Ни числа, ни месяца,
Если б был хуй большой,
То лучше б на хую повеситься.*

А между тем в Германии в это время жили и творили прозаик Т. Манн, драматург Г. Гауптман, поэт Р.М. Рильке. Ничего этого Есенин не знал и знать не хотел. Он ведь приехал не для того, чтобы познакомиться с европейской культурой (да и трудно было это сделать без знания языков), а для того, чтобы Европа познакомилась с ним. И оценила не меньше, чем Россия. Но «мещанская» Европа (и Германия, в частности) вовсе не страдала от отсутствия собственных талантов. Самый русский из всех русских поэтов с его загадочной русской душой, чуждой тематикой и большевистским душком был ей и не очень понятен, и не очень нужен. То, что было возможно и естественно для Есенина: любить русского человека даже тогда, когда он становится людоедом

(как в прямом, так и в переносном смысле), западных читателей не могло не отталкивать. (Другое дело, что и Германия через какое-то время станет страной людоедов, но тогда об этом еще почти никто не догадывался.) Только сомнение Есенина помешало ему предвидеть это заранее — можно было бы и не ездить так далеко. Удивляться приходится скорее тому, что ему все-таки удалось выпустить несколько книжечек переводов.

В июле супруги Дункан уже в Бельгии, сначала на курорте Остенд. Оттуда — письмо Мариенгофу. Сначала — опять проклятия по поводу «кошмарной» Европы и «свинных тупых» морд европейцев. Но здесь Есенин проговаривается: «Там, из Москвы нам казалось, что Европа — самый обширнейший рынок распространения наших идей в поэзии...» Ан нет, а коли так — все проклятья на ее голову.

«В Берлине я наделал, конечно, много скандала и переполоха. Мой цилиндр и сшитое берлинским портным манто привели всех в бешенство. Все думают, что я приехал на деньги большевиков, как чекист или как агитатор. Мне все это весело и забавно. [...] Как все это было прекрасно! Боже мой! Я люблю себя сейчас даже пьяного со всеми моими скандалами. [...]

*Толя милый, приветы! Приветы!
Твой Сергун».*

После Остенда — Брюссель. Там Дункан три раза выступает в оперном театре Ла Монне. С успехом, превзошедшим все ожидания. «Разве можно забыть неповторимую грацию ее прекрасных рук, когда она как будто укачивала ребенка, грацию тех несчастных рук, которые так долго оставались пустыми? А вальсы Брамса? В особенности один, где Айседора в образе богини радости усыпает все вокруг цветами. Я могла бы поклясться, что видела на сцене детей... Но здесь не было ничего, кроме ковра... Улыбалась танцующая Айседора, склоняясь в порывах счастья направо и налево... Это было настоящее волшебство...» (из воспоминаний Л. Кинел).

Время, проведенное в Бельгии, а затем во Франции и Италии, было самым счастливым в их поездке. «Скоро месяц, как я уже не пью. Дал зарок, что не буду пить до октября, — сообщает Есенин И. Шнейдеру. — Все далось мне через тяжелый неврит и неврастению». В том же письме: «Милый, милый Илья Ильич! [...] С нетерпением ждем Вашего приезда.

Особенно жду я, потому что Изадора ровно ни черта не понимает в практических делах, а мне оч[ень] больно смотреть на всю эту свору бандитов, которая ее окружает».

Трезвый Есенин с болью смотрит на «свору бандитов», которые окружают не в меру щедрую Дункан, любящую не только выпить, но непременно выпить в компании. Но разве он сам не был таким? Разве вокруг него не вились толпы бездарных прихвостней, жаждущих погулять за его счет? Сходство характеров не всегда идет на пользу совместной жизни.

Следующая остановка — Париж. Попасть туда после берлинских скандалов было непросто. Супругов официально уведомили, что во Францию их впустят, только если они не будут заниматься «красной пропагандой», и что полиция получила предписание держать их под строгим надзором. На что Дункан ответила, что она не имеет никакого отношения к политике и только хочет дать несколько выступлений, чтобы заработать денег для своей школы в Москве.

В Париж чета Есениных прибыла в 20-х числах июля. Там они пробыли около двух месяцев, совершая поездки в Италию и другие места. Всюду в их честь устраивались приемы, на которых Есенин вел себя как ангел. Сопровождавшая их переводчица Л. Кинел вспоминала: Есенин рассказывал о своей жизни. «Голос его был мягок. Глаза — мечтательные. И было во всем его облике что-то такое, отчего душа его представлялась душой ребенка и в то же время душой непостижимо мудрой и необыкновенно чувствительной».

Но и в Париже, и в Италии его больше всех достопримечательностей интересовало, как обстоит дело с переводами и публикацией его стихов.

В Париже Дункан дает интервью, прямо противоположное тому, что она говорила в Берлине. Корреспондент объясняет это тем, что русские переводчики исказили ее слова. «Оказывается, что она поехала в Россию, ибо наскучила жизнью в Европе и надеялась найти там новую правду. Но на поверку оказалось, что у большевиков очень мало оригинальности. А главное — большое неустройство. Она хотела, например, открыть школу пластики для 1000 детей, а вышло, что помещения и постелей не хватило и на 50.

И вообще, бедная босоножка убедилась, что большевики истребили буржуазию только для того, чтобы занять ее место. И теперь большевистствующая бюрократия усиленно копирует быт и манеры прежних владеющих классов. [...]

Как бы там ни было, но Айседора «очень жалеет бедных русских крестьян и рабочих», существующих под властью большевиков, и теперь уже счастлива-пресчастлива, что вырвалась из этого «рая варваров» и нашла во Франции «истинное свое отечество» [...]. Подождем еще немного, пока «крестьянский сын» и «лучший в России поэт» научится французскому языку. Может быть, он тоже тогда заговорит иначе».

«Лучший в России поэт» ни французскому, ни какому-нибудь другому иностранному языку не научился и не учился. Принципиально. Не хотел. Почему-то ему казалось, что это испортит его родной язык. За границей он продолжал создавать шедевры русском поэзии. (Отнюдь не ориентированные на перевод.) Да, он мечтал о том, чтобы на Западе познакомились с его творениями. Но все труды, для этого необходимые, перекладывал на читателей и переводчиков. (Не зная ни одного иностранного языка, он не представлял себе всех трудностей поэтического перевода.) Ни на йоту не изменяя ни своих тем, ни своего словаря, ни своей поэтики.

На Западе создан цикл «Москва кабацкая». Открывающийся стихотворением, о котором исследователи говорят, что оно — ответ Есенина на обвинения эмигрантской прессы в том, что он «советский Распутин», «агент Москвы», чуть ли не чекист.

*Не злодей я и не грабил лесом,
Не расстреливал несчастных по темницам.
Я всего лишь уличный повеса,
Улыбающийся встречным лицам.*

Возможно, исследователи правы. Но, как всякое гениальное произведение, оно живет вне повода, его породившего. Великий современник Есенина О. Мандельштам (как это часто бывает, они взаимно не любили друг друга) в своей «Четвертой прозе» — тексте настолько же исповедальном, как и «Москва кабацкая», — писал: «Есть прекрасный русский стих, которого я не устану

твердить в московские псиние ночи, от которого, как наваждение, рассыпается рогатая нечисть. Угадайте, друзья, этот стих: он полозьями пишет по снегу, он ключом верещит в замке, он морозом стреляет в комнату:

... Не расстреливал несчастных по темницам.

Вот символ веры, вот поэтический канон настоящего писателя — смертельного врага литературы».

«Москва кабацкая» действительно не литература, а протокол «гибели все-ръем». Здесь нет и тени эстетизации порока. Только «русская мука». Только гибнущая душа. А за что и почему гибнущая? Этого не знает и сам автор. То ли потому, что «без возврата покинул родные поля», то ли потому, что «октябрь суровый/Обманул их в своей пурге». (Это «их», понятно, включает и «я»), то ли потому, что «я искал в этой женщине счастья, / А нечаянно гибель нашел».

*Здесь и упоение отчаянием:
А когда ночью светит месяц,
Когда светит... черт знает как!
Я иду, головою свесясь,
Переулком в знакомый кабак.
Шум и гам в этом логове жутком,
Но всю ночь, напролет до зари,
Я читаю стихи проституткам
И с бандитами жарю спирт.*

Компания проституток и бандитов от безысходности или это сознательный выбор?... Как сказать? В жизни вообще, а в жизни Есенина особенно все перепутано. С одной стороны — «Я такой же, как вы, пропащий». С другой — именно здесь, где «течет самогонного спирта река», где «гармонист с провалившимся носом [...] про Волгу поет и Чека», здесь только еще и слышится «непокорное в громких речах».

*И уж удалью точится новой
Крепко спрятанный нож в сапоге.
Нет! Таких не подмять, не рассеять!
Бесшабашность им гнилью дана.
Ты, Рассея моя... Рас...сея...
Азиатская сторона!*

Не от этого ли, несмотря ни на что, уверенность — «Я с собой не покончу». А в другом стихотворении — «Не умру я, мой друг, никогда».

Заканчивается цикл стихотворением нежно-ностальгическим:

*...как глаза закрою,
Вижу только родительский дом.
Вижу сад в голубых накрапах,
Тихо август прилег к плетню.
Держат липы в зеленых лапах
Птичий гомон и щебетню.
Я любил этот дом деревянный.
В бревнах теплилась грозная морщь,[91]
Наша печь как-то дико и странно
Завывала в дождливую ночь.
Но угасла та нежная дрема,
Все истлело в дыму голубом,*

*Мир тебе — полевая солома,
Мир тебе — деревянный дом.*

Когда Есенин писал эти строки, он не знал, что посылает приветствия уже несуществующему дому. Его любимый «низкий дом с голубыми ставнями» сгорел через три месяца после отъезда поэта за границу. Семья осталась без крыши над головой и без помощи того, кто только и мог бы помочь, — сына. (Тут, конечно, есть повод удариться в мистику: дескать, не захотел дом существовать без своего певца, но мы не станем этого делать.)

«Я разлюбил нищую Россию»

1 октября 1922 г. Есенин и Дункан на пароходе «Париж» прибывают в Нью-Йорк (вместе с эмигрантским писателем А. Ветлугиным, который вызвался быть их переводчиком). Уже сам пароход был кусочком Америки и давал представление о ней. Корабельный ресторан площадью больше Большого театра. Библиотеки, комнаты для отдыха, танцевальный зал. Апартаменты Есениных — огромный коридор (там разместились 20 чемоданов), столовая, отдельная комната для каждого (включая Ветлугина), две ванны. «Я [...] сев на софу, громко расхохотался. Мне страшно показался смешным и нелепым тот мир, в котором я жил раньше.

Вспомнил про «дым Отечества», про нашу деревню, где чуть ли не у каждого мужика в избе спит телок на соломе или свинья с поросятами, вспомнил после германских и бельгийских шоссе наши непролазные дороги и стал ругать всех цепляющихся за «Русь» как за грязь и вшивость. С этого момента я разлюбил нищую Россию».

Вот перед глазами Есенина предстал Нью-Йорк. «Мать честная! До чего же бездарны поэмы Маяковского об Америке![92] Разве можно выразить эту железную и гранитную мощь словами?! Это поэма без слов».

Трагедия Есенина усугубляется. «Последний поэт деревни» и так мог жить только на «московских изогнутых улицах». Но ностальгическое чувство сохранялось и питало его поэзию. Теперь он — не сердцем, но умом — понимает: «грязь и вшивость» должны быть уничтожены, с ними, конечно, уйдет и многое другое, но, согласно русской поговорке (Есенин их знал хорошо), чтобы рыбку съесть надо в воду лезть. Даже если вода мутная и дурно пахнущая. Вернувшись, он скажет:

*Я не знаю, что будет со мною...
Может, в новую жизнь не гожусь,
Но и все же хочу я стальнойю
Видеть бедную, нищую Русь.*

Большевики обещают индустриализацию. (Они умудряются сделать так, что и, став «стальнойю», Россия останется нищей — но об этом Есенин, понятно, не догадывался.) Стало быть, надо поддерживать большевиков — все существо против, а разум говорит: «Надо». Это противоречие в конце концов разорвет Есенина.

Но пока он еще хочет жить.

Нью-Йорк не замедлил показать себя и с другой стороны. Чету Есениных не пустили в город — соответствующие американские органы получили информацию, что Дункан и ее муж — большевистские агитаторы. Их отправили на Эллис-Айленд, куда направляются все приезжающие в Америку подозрительные лица. Все обошлось благополучно: после небольшого допроса, где Есенин сказал, что верит в Бога, ни в каких политических делах участвовать не станет и не будет петь «Интернационал» — супругов отпустили с миром. (Дункан, выйдя замуж за русского, потеряла американское гражданство, но друзья помогли ее временному возвращению на родину.)

Сев в автомобиль, Есенин — совершенно искренне — сказал одолевавшим их журналистам: «Mi laik Amerika!»

В Нью-Йорке предполагались концерты Дункан вместе с ученицами ее школы. Но их не выпустили из России. Луначарский посчитал это излишним. Знаменитая танцовщица выступает одна. Концерт за концертом — сначала в Нью-Йорке, а потом — турне по Америке. Всюду аншлаги, пресса захлебывается от восторга. (Правда, американские чиновники иногда видят в ее выступлениях большевистскую пропаганду, но на то они и чиновники). А Есенин? Каково ему? Он один и на улицу-то выйти боится — не зная языка, можно ненароком и заблудиться. Главное же: кто он в Америке? Юный муж знаменитой танцовщицы? Она, правда, уверяет, что он гений. Но кто же ей поверит, всем известно, что она не знает русского языка. И вот однажды — радость: «На углу — газетчик, и на каждой газете моя физиономия! У меня даже сердце екнуло. Вот это слава! Через океан дошло.

Купил я у него добрый десяток газет, мчусь домой, соображаю — надо дать тому, другому послать. И прошу кого-то перевести подпись под портретом. Мне и переводят: «Сергей Есенин, русский мужик, муж знаменитой, несравненной, очаровательной танцовщицы Айседоры Дункан, бессмертный танец которой...» и т. д. и т. д.

Злость меня такая взяла, что я эту газету на мелкие куски изодрал и долго потом успокоиться не мог».

Что после этого сделал Есенин? Правильно: запил. «Пью и плачу. Очень уж мне назад, домой, хочется». На этот раз Есенин, по счастью, пил в ресторане, находившемся в том же отеле, где они остановились. Но случилось и по-другому. Однажды во время гастрелей в Мемфисе Дункан, Есенин и Ветлугин ужинали в загородном ресторане. «Есенин, как водится, стал неуправляем, произошла шумная ссора, и Айседора с Ветлугиным взяли единственное такси и уехали назад в город, оставив поэта в смокинге сидеть под проливным дождем. Он вернулся в Мемфис пешком по колению в грязи и приполз в гостиницу утром очень запачканным» (из воспоминаний импресарио Дункан С. Юорка).

*Milaya Isadora
Ia ne moyu bolhse
Hochy domoi
Sergei.*

Точная дата этой записки неизвестна. Но, очевидно, написана она примерно в то же время, что и письмо Мариенгофу от 12 ноября 1922 г. «Милый мой Толя! Как я рад, что ты не со мной здесь в Америке, не в этом отвратительнейшем Нью-Йорке. Было бы так плохо, что хоть повеситься.

Изадора прекраснейшая женщина, но врет не хуже Ваньки. Все ее банки и замки, о которых она пела нам в России, — вздор. Сидим без копеечки, ждем, когда соберем на дорогу, и обратно в Москву. (По части бросания денег на ветер супруги были равно талантливы. — Л. П.)

Лучше всего, что я видел в этом мире, это все-таки Москва. В чикагские «сто тысяч улиц»[93] можно загонять только свиней. На то там, вероятно, и лучшая бойня в мире.

О себе скажу (хотя ты думаешь, что я говорю для потомства), что я впрямь не знаю, как быть и чем жить теперь.

Раньше подогревало то, [что] при всех российских лишениях, что вот, мол, «заграница», а теперь, как увидел, молю Бога не умереть душой и любовью к моему искусству. Никому оно не нужно [...]. И правда, на кой черт людям нужна эта душа, которую у нас в России на пуды меряют. Совершенно лишняя штука эта душа, всегда в валенках, с грязными волосами [...]. С грустью, с испугом, но я уже начинаю говорить себе: застегни, Есенин, свою душу, это так же неприятно, как расстегнутые брюки.

Милый Толя. Если бы ты знал, как вообще грустно, то не думал бы, что я забыл тебя и не сомневался [...] в моей любви к тебе. Каждый день, каждый час, и ложась спать, и вставая, я говорю: сейчас Мариенгоф в магазине, сейчас пришел домой [...]. В голове у меня одна Москва и Москва.

Даже стыдно, что так по-чеховски.[94]

Сегодня в американской газете видел очень большую статью с фототогр[афией] о Камер[ном] театре, но что там написано не знаю, зане никак не желаю говорить на этом проклятом аглицком языке. Кроме русского никакого другого не признаю и держу себя так, что ежели кому-нибудь любопытно со мной говорить, то пусть учится по-русски.

Конечно, во всех своих движениях столь же смешон для многих, как француз или голландец на нашей территории.

Ты сейчас, вероятно, спишь, когда я пишу это письмо тебе. Потому в России сейчас ночь, а здесь день.

Вижу милую твою остывшую печку, тебя, покрытого шубой, и Мартышан.[95]

Боже мой, лучше было есть глазами дым, плакать от него, но только не здесь. Все равно при этой культуре «железа и электричества» здесь у каждого полтора фунта грязи в носу.

Поклонись всем, кто был мне дорог и кто хоть немного любил меня [...].

Если сестре моей худо живется, то помоги как-нибудь ей. В апреле я обязательно буду на своей земле, тогда сочтемся. [...]

Недели 2–3 назад послал тебе 5 пайков «Ара». Получил ли ты? [...] Ту же цифру послал Ек[атерине] [...].

Ну, прощай, пока. [...]

* * *

В какой бы точке земного шара ни находился Есенин, как бы ни ударялся в загулы, он всегда много и плодотворно работал. («Если я не напишу в день четырех строк хороших стихов, я не могу заснуть».) За 15 месяцев заграничного путешествия, кроме цикла «Москва кабацкая», написаны драматическая поэма «Страна негодяев», начатая, правда, еще в России, но в Америке кардинально переделанная и законченная; и поэма «Черный человек» — ее он завершит на родине.

«Страна негодяев» — единственное в творчестве Есенина не лирическое произведение (пожалуй, кроме отдельных вкраплений). Это поэма о судьбах современного мира и в первую очередь России. Наиболее развернуто излагает свой план ее переустройства комиссар Некандр Рассветов,[96] приехавший из Америки, где он работал на клондайских приисках и при помощи умелых и безнравственных махинаций разбогател. (У этого персонажа, как и у других героев поэмы, — говорящая фамилия — он несет России свет).

Он знает цену американцам — «неуничтожимая моль». А Америка?... Все

почти так же, как в письмах Есенина:

*Из железобетона и стали
Там построены города.
Вместо наших глухих раздолгий
Там, на каждой почти полосе,
Перерезано рельсами поле
С цепью каменных рек — шоссе
И по каменным рекам без пыли,
И по рельсам без стопа шпал
И экспрессы и автомобили
От разбега в бензином мыле
Мчат, секундой считая доллар.*

Словом — «Железный Миргород» (название очерка Есенина об Америке). Но в Миргороде жили мещане — здесь «подлецы всех стран» (что не мешает им оставаться мещанами).

*Если хочешь здесь душу выржать,
То сочтут: или глуп или пьян.
Вот она — Мировая Биржа!
Вот они — подлецы всех стран.*

И тем не менее именно американский тип развития предлагает Рассветов России:

*Здесь одно лишь нужно лекарство —
Сеть шоссе и железных дорог.
Вместо дерева нужен камень,
Черепица, бетон и жесть.
Подождите!
Лишь только клизму
Мы поставим стальную стране,
Вот тогда и конец бандитизму,
Вот тогда и конец резне.*

«Подождите» — любимое слово большевиков. Подождите — и мы из золота будем делать уборные (Ленин). Подождите — и мы построим социализм (Сталин), подождите — и вы будете жить при коммунизме (Хрущев). Не случайно у Есенина разглагольствования Рассветова в вагоне поезда прерываются вторжением действительности: «...окружили в приступ / Около двухсот негодяев. / Машинисту связали руки, / В рот запихали платок». «Негодяи» — американцы на бирже, «негодяи» и российские бандиты. Но ни те ни другие еще не главные негодяи. Главный негодяй — комиссар Чекистов[97], приехавший в Россию «уक्रощать дураков и зверей»:

*Я ругаюсь и буду упорно
Проклинать вас хоть тысячи лет,
Потому что...
Потому что хочу в уборную,
А уборных в России нет.
Странный и смешной вы народ!
Жили весь век свой нищими
И строили храмы божие...
Да я б их давным-давно
Перестроил в места отхожие.*

(Заметим, что этот монолог Чекистова почти дословно повторяет слова самого Есенина из чернового варианта очерка «Железный Миргород»: «Убирайтесь к чертовой матери с Вашим Богом и Вашими церквями. Постройте лучше из них сортиры, чтобы мужик не ходил «до ветру» в чужой огород».)

От отсутствия уборных и «проклятой селедки» Чекистов «зол, как черт». На его жалобы отвечает некто Замарашкин, (тоже говорящая фамилия), «сочувствующий коммунистам»: «Это еще ничего.../Там... За Самарой... Я слышал.../Люди едят друг друга...»

Чекистов продолжает свои рассуждения о русском народе:

*А народ ваш сидит, бездельник,
И не хочет себе же помочь.
Нет бездарней и лицемерней,
Чем ваш русский равнинный мужик!
То ли дело Европа?
Там тебе не вот эти хаты,
Которым, как глупым курам,
Головы нужно давно под топор...*

Примечательно, что Чекистов говорит не «наш», а «ваш» народ. На что Замарашкин отвечает:

*Слушай, Чекистов!..
С каких это пор
Ты стал иностранец?
Я знаю, что ты жид,
Фамилия твоя Лейбман,
И черт с тобой, что ты жил
За границей...
Все равно в Могилеве твой дом.*

Судя по тому, что Чекистов ругается отборным русским матом, Замарашкин прав.

Главный антагонист Чекистова и Рассветова в поэме не Замарашкин, а Номах (читай — Махно). Ему Есенин передал многие свои заветные мысли и даже некоторые черты своей духовной биографии. В свое время он:

*...шел с революцией,
... думал, что братство не мечта и не сон,
Что все во единое море сольются,
Все сонмы народов,
И рас и племен.*

*.....
Но теперь понял:
Пустая забава!
Одни разговоры!
Ну что же?
Ну что же мы взяли взамен?
Пришли те же жулики, те же воры
И вместе с революцией
Всех взяли в плен!*

Наверное, в первую очередь, из-за этих строк Есенин не смог напечатать поэму при жизни. После смерти поэта нашли соломонино решение — убрать их в купюру. Так за все годы советской власти они и не были напечатаны.

(Примечательно, что почти те самые слова сказала Дункан на встрече с советским начальством.)

*Теперь, когда судорога
 Душу скрючила
 И лицо, как потухающий фонарь в тумане,
 Я не строю себе никакого чучела.
 Мне только осталось озорничать и хулиганить.*

(Ср. «Если б не был я поэтом, /То, наверное, был мошенник и вор».) Номахом движет убеждение: «...если преступно здесь быть бандитом, /То не более преступно, /Чем быть королем». Не уважает он и тех, кто «носит овечьи шкуры», — «это твари тленные! /Предмет для навозных куч!» (Не догадывается Номах, что в этом он схож с ненавистным ему Чекистовым.)

*Мне нравятся жулики и воры,
 Мне нравятся груди
 От гнева спертые....*

Автор и сам, как его герой, любит тех, кому «бесшабашность гнилью дана». Именно их «не подмять, не рассеять!», именно там слышится «непокорное в громких речах». «И уж удалью точится новой / Крепко спрятанный нож в сапогах».

Номах мечтает о новом «российском перевороте»:

*Мне хочется вызвать тех,
 Что на Марксе жиреют, как янки,
 Мы посмотрим их храбрость и смех,
 Когда двинутся наши танки.*

И у него есть основания надеяться на успех. Потому что «крестьянство любит Махно». (Наверное, не рифмы ради Есенин решил однажды назвать подлинную фамилию прототипа Номаха. С рифмами Есенин был в ладу — не они вели его, а он находил единственно нужную.)

Еще один резонер поэмы некто Чарин, тоже комиссар, объясняет, почему движение Номаха — Махно получило такой размах:

*И у нас биржевая клоака
 Расстиляет свой едкий дым.
 Никому ведь не станет в новинки,
 Что в кремлевские буфера[98]
 Уцепились когтями с Ильинки[99]
 Маклера, маклера, маклера...
 И в ответ партийной команде
 За налоги на крестьянский труд
 По стране свищет банда на банде,
 Волю власти считая за кнут.
 Потому что мы очень строги,
 А на строгость ту зол народ...
 Их озлобили наши поборы
 И, считая весь мир за бедлам,
 Они думают, что мы воры
 Иль поблажку даем ворах.
 Потому им и любы бандиты,
 Что всосали в себя их гнев,
 Нужно прямо сказать, открыто,*

Что республика наша — blef.

Но и Номах — негодяй. Потому что распоряжается не только своей, но и чужими жизнями, не справляясь о согласии. И еще потому, что пользуется услугами негодяев. «Старый мир» — символом которого является вальс «Невозвратное время», исполняемый кабатчицей Авдотьей Петровной, вальс который так охотно слушают бывшие дворяне, а ныне подпольные торговцы спиртом и кокаином, — старый мир не вызывает никаких симпатий Есенина. Так же как эмигранты, — все равно внутренние или внешние.

Так где же находится страна негодяев? Увы, как по ту, так и по эту сторону Гринвича. Сказать так о своей стране, которую, несмотря ни на что, он обожал, без которой не мог жить, — на это надо много душевного мужества. И уверенности в своем праве законного сына судить. Так же как много мужества понадобилось десятилетия спустя другому законному сыну России — Андрею Синявскому, чтобы написать: «Россия — мать, Россия — сука» — и вызвать огонь на себя.

Итак, оставаться на Западе он не хотел и не мог, а возвращаться в страну негодяев... Оказался наш Иван-царевич на развилке трех дорог: куда ни пойдешь, хорошего не найдешь, а то и голову сложишь.

«Сандро! Сандро! Тоска смертная, невыносимая, чую себя здесь чужим и ненужным, а как вспомню про Россию, вспомню, что там ждет меня, так и возвращаться не хочется. Если б я был один, если бы не было сестер, то плюнул бы на все и уехал бы в Африку или еще куда-нибудь. Тошно мне, законному сыну российскому, в своем государстве пасынком быть. Надоело мне это блядское снисходительное отношение власть имущих, а еще тошней переносить подхалимство своей же братии к ним. Не могу! Ей-Богу не могу! Хоть караул кричи и становись на большую дорогу. (Махно в это время уже был на Западе. — Л. П.).

Теперь, когда от революции остались только хуй да трубка, теперь, когда там жмут руки и лизжут жопы тем, кого раньше расстреливали, теперь стало очевидно, что мы и были и будем той сволочью, на которой можно всех собак вешать.

Слушай, душа моя! Ведь и раньше еще, там в Москве, когда мы к ним приходили, они даже стула не предлагали нам присесть. А теперь — теперь злое уныние находит на меня. Я перестаю понимать, к какой революции я принадлежал. Вижу только одно, что ни к февральской, ни к октябрьской, по-видимому, в нас скрывался и скрывается какой-нибудь ноябрь. Ну да ладно, оставим этот разговор про ТЕТКУ.

[100] [...] Напиши мне что-нибудь хорошее, теплое и веселое, как друг. Сам видишь, как я матерюсь. Значит, больно и тошно. Твой Сергей».

Надо иметь в виду, что это письмо к Кусикову, написанное с парохода, идущего из Америки в Европу, единственное, где Есенин мог высказаться со всей откровенностью. Письма в Россию, конечно же, читались не только адресатами. Есенин ни минуты в этом не сомневался (и упреждал сестру Екатерину).

Был ли Есенин антисемитом?

Во время пребывания в Нью-Йорке Есенин вместе с Дункан посетил дом еврейского поэта М. Л. Брагинского (Мани-Лейба) и читал там начало «Страны негодяев». При большом количестве народа (и немалом вина). Почти все присутствующие на вечере, в отличие от хозяина, переводчика Есенина на идиш, русского языка не знали. Но слово «жид» звучит приблизительно одинаково на всех языках. Было ли бестактностью со стороны Есенина читать стихи с этим словом в еврейском доме? Во всяком случае, Мани-Лейб понимал, что автор не идентичен герою, и не обиделся. Скандал разразился позже и по-другому поводу.

Кто-то начал пошло и неприкрыто ухаживать за Айседорой Дункан. (Точнее, приставать к ней.) Она старалась освободиться от непрошенных мужских рук. Но было поздно. Есенин, уже изрядно выпивший, рассвирепел. Он подбежал к ней, схватил так, что затрещала материя на ее платье, и разразился трехэтажной матерной бранью. А она, тихая и смиренная, стояла перед ним и ласково повторяла те же слова, вряд ли понимая их значение.

Вскоре ее оттерли от него и отвели в соседнюю комнату. Есенин дико кричал: «Где Айседора? Где?» Ему сказали, что она уехала, и он бросился вниз в одном пиджаке. Его втащили обратно, он отбивался и орал, пытался выброситься с пятого этажа. Его схватили, он стал кричать: «Распинайте меня, распинайте!» Пришлось его связать и уложить на диван. Тогда он стал вопить: «Жи́ды, жи́ды, проклятые!» Мани-Лейб пытался уговаривать: «Слушай, Сергей, ты ведь знаешь, что это оскорбительное слово, перестань!». Есенин умолк, а потом, повернувшись к Мани-Лейбу, снова настойчиво сказал: «Жи́д!»

Терпение Мани-Лейба кончалось: «Если ты не перестанешь, я тебе сейчас дам пощечину». Есенин вызывающе повторил: «Жи́д!» Мани-Лейб выполнил свою угрозу. Есенин в ответ плюнул ему в лицо. Мани-Лейб выругал его. Есенин полежал некоторое время связанный, потом успокоился и почти спокойно сказал: «Развяжите меня, я поеду домой».

«Дорогой мой Монилейб! Ради Бога простите меня и не думайте обо мне, что я хотел что-нибудь сделать плохое или оскорбить кого-нибудь [...]. Это у меня та самая болезнь, которая была у Эдгара По, у Мюссе.[101] Эдгар По в припадках разб[ивал] целые дома.

Что я могу сделать, мой милый Монилейб, дорогой мой Монилейб! Душа моя в этом невинна, а пробудившийся сегодня разум повергает меня в горькие слезы, хороший мой Монилейб! Уговорите свою жену, чтобы она не злилась на меня, пусть постарается понять и простить. Я прошу у Вас хоть немного ко мне жалости.

Любящий вас всех

Ваш С. Есенин.

[...] Не думайте, что я такой маленький, чтобы мог кого-нибудь оскорбить. Как получите письмо, передайте всем мою просьбу простить меня».

В искренности этого письма сомневаться не приходится. Трезвый Есенин никогда бы не позволил себе ничего — даже отдаленно — подобного. Но известно: что у трезвого на уме, то у пьяного на языке.

Так все-таки был ли Есенин антисемитом? Он сам всегда отвечал на этот

вопрос возмущенно отрицательно. И обычно добавлял: «У меня дети — евреи». Зинаида Райх еврейкой не была. (Мать — русская, отец — немец, хотя и поговаривали, что с примесью еврейской крови — документально это не доказано.) Но Есенину почему-то было приятно говорить, что он женился на еврейке. Появившийся в 1924 г. его сын Александр (о нем речь впереди) уж точно будет евреем. Его мать библейская красавица Надежда Давыдовна Вольпин — чистокровная галахическая еврейка, читавшая Ветхий Завет в подлиннике. Вообще в своих личных отношениях с людьми, как с мужчинами, так и с женщинами, Есенин никогда не руководствовался их национальностью.

Чтобы разобраться с вопросом, вынесенным в заголовок этой главы, позволим себе географические и временные перескоки. Вот Есенин вместе с уже упоминавшимся Г. Алексеевым идут по берлинским улицам. «Не поеду в Москву... не поеду туда, пока Россией правит Лейба Бронштейн» (таковы настоящие имя и фамилия Льва Троцкого. — Л. П.) — «Да что ты, Сережа? Ты — антисемит?» Есенин остановился. И с какой-то невероятной злобой и яростью закричал на Алексеева: «Я — антисемит?! Дурак ты, вот что! Да я тебя, белого, вместе с каким-нибудь евреем зарезать могу... и зарежу... понимаешь ты это? А Лейба Бронштейн — это совсем другое дело, он правит Россией, а не должен ей править... Дурак, ты ничего этого не понимаешь».

...И тут мы согласны с Сергеем Александровичем. Лейба Бронштейн (так же, как Иосиф Джугашвили) не должен править Россией. Нет, Лев Давыдович Троцкий не был русофобом. И Есенин не считал его таковым. Мечту этого большевистского вождя хорошо сформулировал Маяковский: «Чтобы в мире, / без Россией, / без Латвий, / жить единым человечьим общежитьем». Это не значит, что не было русских, грезивших о том же самом. Были, и в немалом количестве. (Далеко за примером не ходить: Владимир Владимирович Маяковский — чистокровный русский дворянин.) Но Сергей Александрович Есенин к ним не принадлежал:

*Когда на всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть, —
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь».*

Лично к Троцкому Есенин относился с большим уважением. (Даже большим, чем тот заслуживал.) Свидетельств тому немало. «Идеальным, законченным типом человека Есенин считал Троцкого» (В. Наседкин, поэт, муж Екатерины Есениной); «С большим уважением, доходившим до почитания, относился [Есенин] к Троцкому» (С. Борисов, журналист, сотрудник изданий, где печатался Есенин). Сам Есенин в очерке «Железный Миргород», построенном во многом на скрытой полемике с Троцким, писал: «Мне нравится гений этого человека, но видите ли, видите ли?...» Из личного свидания с большевистским лидером (устроенного Я. Блюмкиным) поэт вынес самое лучшее мнение о нем. «Был у Троцкого. Он отнесся ко мне изумительно. Благодаря его помощи мне дают сейчас большие средства на издательство» (из письма к Дункан от 29 августа 1923 г.). Троцкий предложил Есенину стать во главе журнала крестьянских писателей и деньги на его издание. Подумав, Есенин отказался: ссылаясь

на то, что он не силен в финансовых вопросах и не хочет «заработать себе на спину бубнового туза». Этот ответ представляется нам не совсем искренним. Попроси он хорошего бухгалтера — ему бы, безусловно, не отказали. Но издавать журнал — ведь это работа. Если и не ежедневная, то, во всяком случае, регулярная — Есенин же умел только творить. И только, как говорила М. Цветаева, заслышав «дуновение вдохновения». (Это не значит, что он не работал над стихами. Вдохновение — это состояние, когда человек способен работать без усталости, не замечая времени. Некоторые строчки «Пугачева» имеют свыше 30 (!) вариантов.) А может быть, и не совсем поверил в то, что ему будет предоставлена полная свобода печатать все, что он захочет.

Троцкий любил и оберегал Есенина. Есть версия, что существовал неписанный приказ Троцкого: Есенина не трогать. И это очень похоже на правду. Во всяком случае, на 150 000 000 населения Советского Союза только один Сергей Александрович Есенин мог прилюдно кричать: «Бей жидов и коммунистов! Спасай Россию!» — и отделяться лишь приводами в милицию. Для этого надо было иметь очень высокого покровителя. Любого другого бы расстреляли.

После смерти Есенина Троцкий многое сделал, чтобы не дать вычеркнуть его имя из советской литературы.

Да будь у Троцкого еще больше положительных качеств, все равно не следовало ему править Россией. Принадлежит к тому же племени, что и Лев Давыдович, мы считаем своим долгом сказать: правление Лейбы Бронштейна не принесло ничего хорошего не только России, но и народу еврейскому.

Н. Бердяев, не помним уж, в какой работе, передает свой разговор со старым, умным евреем году в 1918—1919-м: «Вы не будете отвечать за то, что Ленин — русский, но я буду отвечать за то, что Троцкий — еврей». Как в воду глядел!

Не будь в Российской империи ни одного еврея, революция все равно бы состоялась. Но история не знает сослагательного наклонения: евреи были и приняли активное участие в революции, и в первом большевистском правительстве их было действительно непропорционально много. Удивительно ли, что в массовом сознании слова «еврей» и «коммунист» стали синонимами, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Одно из стихотворений «Москвы кабацкой» — «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...» (оно цитировалось выше) — имело еще и другой вариант, существенно отличавшийся от печатного. Он дошел до нас в записи подружки Есенина Галины Бениславской:

*Защити меня, влага нежная,
Май мой синий, июнь голубой,
Одолели нас люди заезжие,
А своих не пускают домой*

*Знаю, если не в далях чугунных
Кров чужой и сума на плечах,
Только жаль тех дурашливых юных,
Что сгубили себя сгоряча.*

*Жаль, что кто-то нас смог рассеять
И ничья непонятна вина.
Ты Рассея моя, Рассея,*

Азиатская сторона.

«Люди заезжие» — понятно эфемизм. «Своих не пускают домой», очевидно, намек на «философский пароход».[102] Но Есенин осторожен в выводах. («И ничья не понятна вина»).

Точнее и подробнее других об антисемитизме Есенина рассказала Галина Бениславская:

«Трудно [...] наспех передать это сложное и противоречивое отношение [Есенина] к евреям.

1. Была древняя российская закваска по отношению к «жидам». Это еще из деревни принес он, и в дореволюционный период такое отношение, вероятно, поддерживалось в среде Ломана и пр. ему подобных.

2. В революционных кругах, в эсеровской среде создано новое понятие и прежнее исчезло или, вернее, забылось, — да и стыдно было «культурному» Есенину помнить об этом.

3. Появилась обида на советскую власть за себя, за то, что отменили его, за то, что он в стороне от новой жизни. Что не он ее строит. Обиделся и за то, что даже в своей области, в поэзии, не он хозяин. Кого винить? Советскую власть, которую ждал, которую приветствовал, — невозможно. Но виновник нужен. Искать долго не пришлось — кстати, попал в окружение Клычковых, Ганиных, Орешинных и Наседкиных[103] (много их у нас на Руси). У них все ясно — жида, кругом жида виноваты. Во всем виноваты — не печатают стихов, гонорар не сыпется, как золотые монеты из сказочного ослика, слава и признание не идут навстречу — во всем жида виноваты.

Почва, вероятно, была готова. Но рассудок еще боролся. Клычковы и пр. для [Есенина] не авторитет. Решительную роль сыграл [...] Николай Алексеевич Клюев. [...] хорошо учел [...] мутное состояние Есенина, старое из деревни царской России, воспоминание о «жидах», личная обида и неумение разобраться в том, чья вина («и ничья непонятна вина»), торговая Америка с ее коммерсантами («евреи и там»). Добавил Клюев еще историю о себе: «Жида не дают печататься, посадили в тюрьму»».[104]

Ноябрь 1923 г. Москва. Так называемое «Дело четырех поэтов» — Есенин, Орешин, Ганин и Клычков обвиняются в антисемитизме. Место действия — столовая-пивная. Все действующие лица — в подпитии.

Из протокола допроса Есенина в милиции (с сохранением стилистики, орфографии и пунктуации): «...во время разговоров про литературу вспоминали частично т.т. Троцкого и Каменева, говорили относительно их только с хорошей стороны то что они-то нас и поддерживают. О евреях в разговоре поминали только мы в русской литературе не хозяева и понимают они в таковой в тысячу раз хуже чем в черной бирже, где большой процент евреев обитает и специалистов. Когда милиционер предложил идти, мы расплатились, последовали в отделение милиции неизвестный гражданин назвал нас «мужичье», «русскими хамами» и когда была нарушена интернациональная черта национальность — словами этого гражданина мы некоторые из товарищей назвали его жидовской мордой».

Итак, Есенин не скрывает своего убеждения: евреи мало что понимают в русской литературе («в тысячу раз хуже, чем в черной бирже»). Не беря сторону Есенина, скажем, что так рассуждали не только антисемиты. Еще до революции в либеральной прессе шла большая дискуссия по этому поводу с уча-

стием евреем.[105] Открыла дискуссию статья К. Чуковского «Евреи и русская литература», автора которой никто и никогда, слава богу, антисемитом не считал. (В большевистских изданиях 20-х гг. статья с таким названием появиться не могла — вне зависимости от содержания.) Чуковский с большим уважением говорит о талантливости еврейского народа, в том числе и в литературе, но в литературе еврейской. По его мнению, ни один русский писатель не мог бы рассказать о еврейских погромах с такой художественной силой, как это сделал Бялик, но и ни один еврей не может говорить о чисто русских проблемах так, как русские классики.

Здесь надо сделать оговорку: статья писалась в 1908 г., когда среди звезд русской литературы первой величины еще не было еврейских фамилий. В 1920-е гг. в русской литературе уже появились еврейские гении. Прежде всего Б. Пастернак и О. Мандельштам. Есенин их гениями не считал. (Впрочем, как и большинство критиков того времени.) И наверное, все-таки не из-за анкетных данных, а потому, что их поэзия была ему чужда. (Но не более чем поэзия Маяковского.) Совершенно не обязательно соглашаться по этому вопросу с Есениным, но необходимо помнить, что его точка зрения традиционна для русской интеллигенции, причем для далеко не худшей ее части. (Примерно в таком духе будет высказываться и А. Солженицын, знавший уже о существовании не только Пастернака и Мандельштама, но и Бродского.)

Кроме того, во времена Есенина наличие партбилета сильно облегчало карьеру. И бездарные еврейские литераторы с таковыми в кармане получали преимущество перед бездарными русскими литераторами, в РКП(б) не состоящими.

В наше время изъять из русской культуры еврейские имена — значит обеднить ее, но изъять имена антисемитов — значит оставить от нее рожки да ножки. Чем бы была русская литература без Гоголя, Достоевского, Лескова, Блока, Булгакова? Мы любим и ценим их несмотря на. Отчего же не любить Есенина, который «не был антисемитом в глубоко укорененном «философском» смысле [...]. Он был больным, путаным гением. Сегодня он провозглашал свою большую любовь к евреям и к своим еврейским друзьям, а на завтра тех же самых друзей обзывал «грязными жидами». Но это было не антисемитизмом, а вспышками болезненного настроения», — сообщал хорошо знавший Есенина поэт и переводчик Н. Гребнев английскому исследователю творчества Есенина Г. Маквею.

Защиты от обвинений в антисемитизме Есенин пытается искать не у кого-нибудь, а у Троцкого. И в этом нет ничего удивительного. Один из участников «Дела четырех» — Клычков, в отличие от Есенина, антисемит совершенно оголтелый, — показывает: «Тов. Троцкого и Каменева жидами не называли, а наоборот говорили, что эти люди вышли из своей национальности...» И он совершенно прав. Еврей-большевики были Иванами (если угодно, Абрамами), родства не помнящими. Ни традиций, ни культуры, ни тем паче религии своего народа они не уважали. И именно поэтому считали себя вправе стоять во главе России. Надо ли говорить, что плохой еврей не становится автоматически русским? (По крайней мере в первом поколении.)

«Никаких антисемитских речей я и мои товарищи не вели. — пишет Есенин Троцкому. — Все было иначе. Во время ссоры Орешина с Ганиным я заметил нахально подсевшего к нам типа, выставившего свое ухо, и бросил фразу:

«Дай ему в ухо пивом». Тип обиделся и назвал меня мужицким хамом, а я обозвал его жидовской мордой. Не знаю, кому нужно было и зачем было делать из этого скандала общественный характер. Мир для меня делится исключительно только на глупых и умных, подлых и честных. В быту — перебранки, прозвища существуют так же, как у школьников» (письмо не было отправлено).

В этом письме Есенин, разумеется, ничего не говорит о том, как он понимает роль евреев в русской культуре, зато признается, что слово «жид» было произнесено еще в пивной, а не по дороге в милицию.

«Мир для меня делится исключительно только на глупых и умных, подлых и честных», — в светлые минуты Есенин рассуждал именно так.

«Снова пьют здесь, дерутся и плачут»

А теперь вернемся в Нью-Йорк 1923 г. На пресловутом вечере у Мани-Аейба было много американских журналистов. Естественно, что информация «о погроме, учиненном русским поэтом Есениным своим еврейским товарищам-поэтам» появилась едва ли не во всех нью-йоркских газетах. Причем Есенина называли не только антисемитом, но и большевиком. Хотя никаких большевистских речей он не произносил. Пребывание супругов в Америке стало невозможным. Айседора Дункан была вынуждена прервать свое турне. На деньги, занятые у бывшего мужа Айседоры — Зингера, чета Дункан-Есениных покинула Новый Свет на борту парохода «Джордж Вашингтон». Ветлугин остался в Америке.

Пребывание в Америке (а до того и в Европе) стало тяжелым испытанием для Есенина. «Известный признанный поэт» превратился в молодого мужа прославленной танцовщицы. «Он видел этого «молодого мужа» чуть ли не в каждом взгляде и слышал в каждом слове. А слова-то были английские, французские, немецкие — темные, загадочные, враждебные» (Мариенгоф). Отсюда — и вызывающее поведение, цель которого, обратить на себя внимание. Есенин и сам признавался: «Мне нужно было, чтобы они меня знали, чтобы они меня запомнили. Что, я им стихи читать буду? Американцам стихи? Я стал бы только смешон в их глазах. А вот скатерть со всей посудой стащить со стола, посвистеть в театре, нарушить порядок уличного движения — это им понятно. Если я это делаю, значит, я миллионер, мне, значит, можно. Вот и уважение готово, и слава, и честь! О меня, они теперь лучше помнят, чем Дункан».

Скандалить трезвым Есенин был органически неспособен. Значит, надо было «набраться». В Америке же в это время действовал «сухой закон». Спиртное доставалось из-под полы, и о качестве его думать уже не приходилось. Что самым пагубным образом сказалось на здоровье Есенина. Именно во время зарубежной поездки Дункан и близкие к ней люди впервые заговорили о душевном расстройстве поэта.

В середине февраля супруги прибыли в Париж и поселились в шикарном отеле «Крийон» («Если сомневаешься, где остановиться, всегда иди в лучший отель», — любимый афоризм Дункан). Айседора заказала шикарный обед с легким вином. Есенин потребовал шампанского, но жена твердо отказывалась выполнить это его желание.

Есенин был в самом радужном настроении. Читал стихи, бросался на колени перед Айседорой и, «как усталый ребенок, клал свою кудрявую голову на ее колени. А ее прелестные руки ласкали его, и из глаз струился свет, как у Мадонны» (М. Дести, подруга А. Дункан). Айседора абсолютно счастлива, ей кажется, что все кошмары позади и в Париже они с Сергеем заживут великолепно... Только почему-то через каждые несколько минут муж убегает то за спичками, то за сигаретами, хотя Айседора уверяет его: официант принесет все, что нужно. Но Есенин почему-то не хочет затруднять официанта... и с каждым возвращением становится все бледнее и бледнее. Айседора нервничает все больше. Когда он не появился через довольно долгое время, она вызвала звонком служанку, и та рассказала ей, что Есенин несколько раз заходил к ней в комнату, требовал шампанского, а теперь куда-то ушел.

Но это были еще цветочки. «Ягодки» созрели через два дня. Из воспоминаний М. Дести: «...из холла раздался невероятный шум, будто туда въехал отряд казаков на лошади. Айседора вскочила. Я схватила ее за руку, затащила к себе в комнату и заперла дверь на ключ. А когда Сергей начал колотить в дверь, я потащила Айседору в холл, и мы помчались вниз по лестнице, как злые духи. В дверях Айседора задержалась, чтобы сказать портье, что муж ее болен, и попросила присмотреть за ним, пока мы не привезем доктора. [...]

Айседора позвонила в «Крийон» и услышала от служанки, что в номер вломилась шестеро полицейских и забрали месье в полицию после того, как он пригрозил убить их и переломал в комнате всю мебель, высадил туалетный столик и кушетку в окно. Он пытался выломать дверь между нашими номерами, думая, что Айседора в комнате, избил портье отеля, который пытался его утихомирить».

Дункан решает показать мужа врачу. Во время осмотра Есенин беснуется и требует свой портфель, где якобы хранятся его стихи. Врач заявляет, что Есенин очень болен и очень опасен — и должен находиться в доме для умалишенных. Но Айседора твердо отказывается поместить мужа в сумасшедший дом, даже под страхом быть им убитой. Она принимает решение: отправить Есенина в Берлин, где у него много друзей и где находится представительство советского правительства — с его помощью можно будет возвратиться на родину.

Перед отъездом Есенин дает интервью: «Айседора посылает меня домой. Но она присоединится ко мне в Москве. Я ее знаю. Сейчас она сердится, но это пройдет. (Есенин знал, что говорил. — Л.77.) ... Я нарушал правила приличия... Поломал мебель... Но правила — их ведь и надо нарушать. А мебель — подумаешь!»

В Берлине Есенин пьет, что называется, по-черному. Даже у издателя Гржебина, который печатал Есенина и намеревался делать это и впредь, умудрился учинить скандал — «позволял себе гнусность» по отношению к Горькому «и вообще вел себя так возмутительно, что дело чуть до драки не дошло». Гржебин навсегда порвал с Есениным всякие отношения.

Редко кому удавалось увидеть его трезвым. Даже на выступления (довольно многочисленные) он выходил со стаканом водки. Вдребезги пьяный. Хохочет, ругает публику, говорит несуразности. Его пытаются увести. Он не уходит. Наконец, бросает стакан об пол и начинает читать стихи. В зале постепенно устанавливается спокойствие. Есенин читает «Исповедь хулигана». «Читал он криком, «всей душой», очень искренне, и скоро весь зал этой искренностью был взят. А когда он надрывным криком бросил в зал строки об отце и матери: «Они бы вилами пришли вас заколоть/ За каждый крик ваш, брошенный в меня!» — ему ответил оглушительный взрыв рукоплесканий. Пьяный, несчастный Есенин победил. Публика устроила ему настоящую овацию» (по воспоминаниям Р. Гуля).

Но вот что пишет присутствовавший на этом же вечере (Есенина и Кусикова) Вадим Андреев (сын Леонида Андреева): «Я не знаю, кто из них был пьянее, Кусиков или Есенин. Есенин читал стихи, словно подражая самому себе, напряженно, срываясь, пропуская невспоминавшиеся строчки, сердясь на себя за срывы.

Я не знал, что любовь — зараза,

*Я не знал, что любовь — чума.
Подошла и прищуренным глазом
Хулигана с ума свела.
Пой, Сандро...[106]*

[...] фигура Кусикова, карикатурно подражавшая есенинским жестам, казалась чужеродной и оскорбительной. Мне чудилось, что Есенин бежит в гору, к неведомой, несуществующей вершине, влача за собой неотвязную тень. Уже не хватает дыхания, сердце стучит, отдаваясь нестерпимой болью в висках, на лбу выступает пот, лицо искажается гримасой последнего усилия, но отчаянный и бессмысленный бег на месте продолжается наперекор воле самого бегущего. И с каждой минутой становится яснее, что горы-то нет и бежать-то некуда, и, перебиваемые тяжелым дыханием, еле доносятся слова, захлебнувшиеся болью».

Иногда он отказывался от уже объявленных выступлений, чувствуя, что не сможет читать. Все, кто раньше знал Есенина, отмечают, что он постарел, подурнел, выглядит усталым и больным («Волосы его потускнели, глаза не сверкали, как прежде, задором»). Поведение его было совершенно непредсказуемо. Вот после выступления, за столом, «чрезвычайно обутыленным», Есенин обводит всех сидящих пьяным взглядом. Это зело не понравилось Роману Гулю — «Чего вы уставились?!» Он ожидал в ответ брани, драки, бутылкой по голове. Но Есенин только улыбнулся тихо и жалобно и, протягивая руку, сказал: «Я — ничего. Я — Есенин, давайте знакомиться». «Среди цветов и бутылок, Есенин, облокотившись на стол, стал читать стихи. За столом замолчали, наклонившись к нему. Читал он тихо. Только для сидевших. Он даже не читал, а вполголоса напевал. То вдруг падал головой. То встряхиваясь. Вино качало его и шумело в нем. В «Москве кабацкой» он дважды повторил: «Дорогая, я плачу, прости, прости». И говорил он это очень хорошо. [...] Когда Есенин кончил читать, он полуулыбнулся, взял стакан и выпил залпом, как воду. Этого не расскажешь. Во всем: как взял, как пил и как поставил — было в Есенине обреченное, «предпоследнее». Он казался скакуном, потерявшим бровку и бросившимся вскачь целиной ипподрома. Я заказал оркестру трепака. Трепак начался медленно, «с подмывом». Мы стали просить Есенина. Он прошел несколько шагов, качаясь. Остановился. Улыбнулся в пол. Но темп был хорош. И Есенин заплясал. Плясал он, как пляшут в деревне, на праздник. С коленцем, с вывертом. «Вприсядку, Сережа!» — кричали мы. Смокинг легко и низко опустился. Есенин шел присядкой по залу. Оркестр ускорил темп, доходя до невозможного плясуну. Есенина подхватили под руки. Гром аплодисментов. [...]

За окном черным пятном лежала берлинская ночь».

«Любовь к России все заметнее и заметнее превращалась в заболевание. В болезнь страшную, в болезнь, почти безнадежную. Есенин увидел «Россию зарубежную», Россию без родины. [...] Запил Есенин. Пребывание за границей сделалось для него невыносимым» (А. Кусиков).

Берлинские скандалы Есенина, конечно, доходили до Айседоры Дункан. (И через газеты, и по беспроволочному телеграфу.) Она ведет себя исключительно благородно, продолжает настаивать на том, что Есенин — гений, правда, больной гений. И всячески упирает на то, что плохое качество американского виски усилило его заболевание. Винит себя за то, что увезла его из России

(«Некоторые русские не уживаются в другой стране»). Она — принципиальная противница брака и объясняет, что вышла замуж только для того, чтобы Есенин мог получить гражданский паспорт. Поэтому она отпустила его в Россию — из чего вовсе не следует, что их любовь кончилась, чтобы он там ни говорил.

Родители С. А. Есенина: Александр Никитич и Татьяна Федоровна

Дом-музей С. А. Есенина в с. Константиново

Интерьер Дома-музея С. А. Есенина

Школа, в которой учился С. А. Есенин в с. Константиново

Школа, в которой учился С. А. Есенин в Спас-Клепиках

С. А. Есенин с отцом и дядей в 1912 г.

А.А. Блок

Поэты С. А. Есенин и Н.А. Клюев в Петрограде осенью 1916 г.

Есенин (на переднем плане, отмечен крестиком) среди персонала Полевого Царскосельского военно-санитарного поезда № 143. Черновцы. 7 июня 1916 г.

С. Я. Надсон

Большой Царскосельский дворец

Августа Миклашевская

Зинаида Райх с детьми Есенина Константином и Татьяной

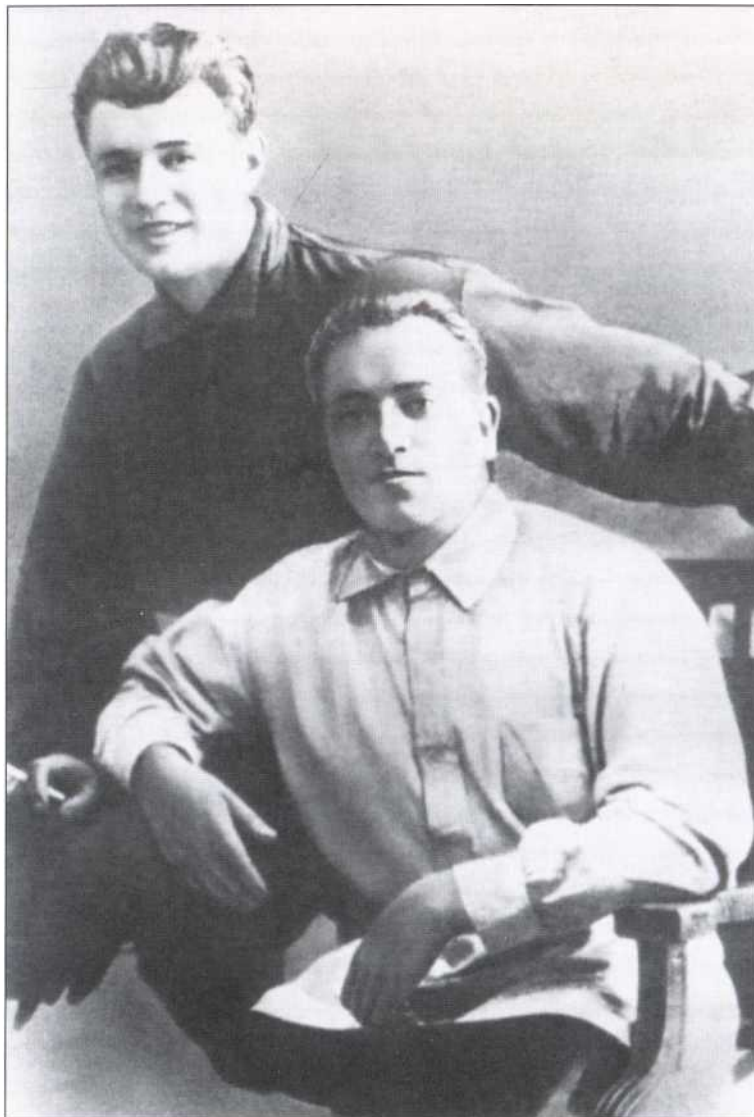

Надежда Вольпин с сыном Александром

Сергей Есенин, Айседора Дункан и ее приемная дочь Ирма

Нью-Йорк в 1921 г.

С. А. Есенин и П. И. Чагин, пригласивший поэта в Баку

Отель «Крийон» в Париже

Шiraz. Современный вид

С. А. Есенин в 1913 г.

С. А. Есенин во время Первой мировой войны

С. А. Есенин в последний год жизни

С. А. Есенин в 1917 г.

Тело С. А. Есенина в гостинице «Англетер»

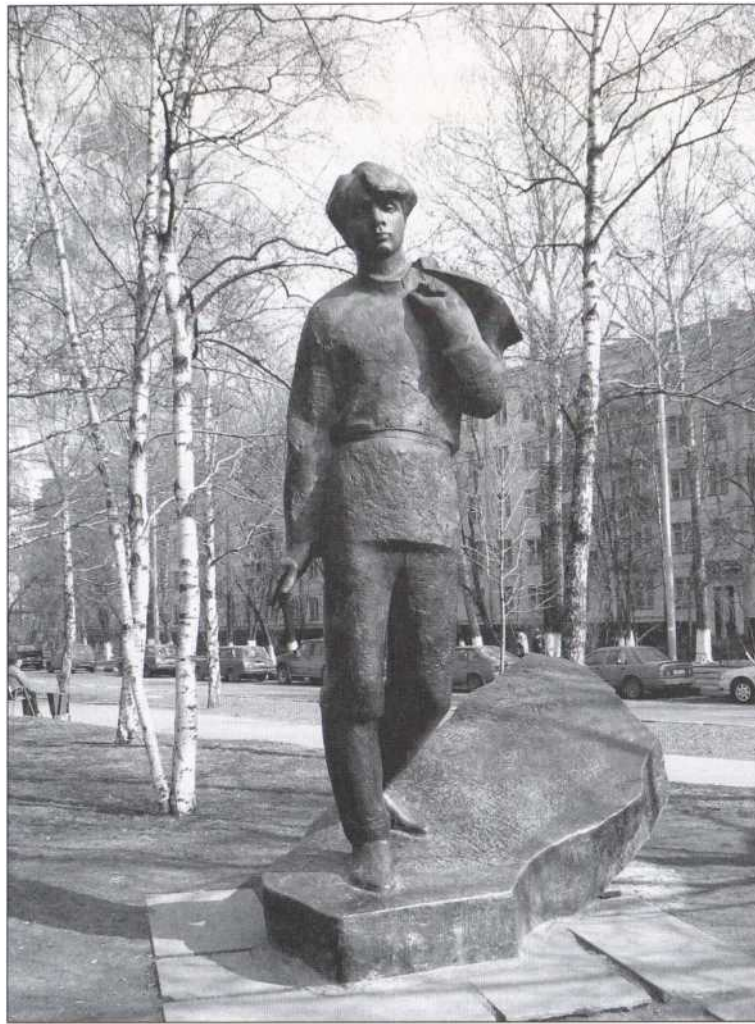

Похороны С. А. Есенина

Памятник на могиле С. А. Есенина на Ваганьковском кладбище в Москве

Памятник С. А. Есенину в с. Константиново

Памятник С. А. Есенину в Москве на Есенинском бульваре

«Сергей любит прах под моими ногами. Когда он буйствует и готов убить меня, тогда он любит меня намного больше. [...] Он самый достойный любви мальчик в мире, но в то же время — жертва судьбы — как все гении, он надломлен — и я потеряла надежду когда-нибудь вылечить его от внезапного буйства».

Есенин, по существу, говорит о том же самом, только не в джентльменских выражениях: два гения в одной семье — это невозможно. Каждый хочет верховодить, а он не может допустить, чтобы им верховодила «баба». «И наши духовные конфликты перешли в физические. Она чуть не выцарапала мне глаз... Я, конечно, тоже не остался в долгу и ударил ее». И в другом интервью — «Если она поедет со мной в Москву, то я убегу в Сибирь! Россия велика, и я сумею разыскать такое место, где этой ужасной женщине не найти меня».

Примерно через две недели после этого заявления из Берлина в Париж полетела телеграмма: *Isadora browning darling Sergei lubich moja darling scurry scurry*. На почте, очевидно, решили, что это какая-то шифровка. Но Дункан сумела прочитать: «Изадора! Браунинг убьет твоего дарлинг Сергея! Если любишь меня, моя дарлинг, приезжай скорее, скорее».

Когда принесли эту телеграмму, Дункан лежала в постели с высокой температурой. Тем не менее она ни минуты не колебалась: надо ехать, и по возможности скорее... Только вот денег не было. Пришлось заложить принадлежав-

шие ей ценные картины французских мастеров. На машине — с приключениями, но довольно быстро — она вместе со своей верной подругой Мэри Дести добралась до Берлина. Как только автомобиль подъехал к отелю, где остановился Есенин, «Сергей одним прыжком влетел в машину через голову шофера (верх машины был опущен) и очутился в объятьях Айседоры. Они стояли обнявшись».

На семейном совете было принято решение возвращаться в Москву вместе. Но до этого Айседоре необходимо было съездить в Париж: продать или сдать в аренду дом, распорядиться мебелью, забрать книги, вещи и т. п.

И вот Дункан и Есенин снова в Париже... И снова — кутежи, пьяные скандалы, драки, угрозы убить Дункан, приводы в полицию и прочие прелести. На этот раз Айседора все-таки решается положить мужа в психиатрическую лечебницу. Очень дорогую, там лечились все парижские знаменитости. Но главный психиатр ставит неожиданный диагноз: здоров.

Через Бельгию, Германию, Латвию супруги приезжают в Россию. Есенин целовал русскую землю...И от радости перебил все стекла в вагоне.

Встречавшие супругов Ирма Дункан (ученица и приемная дочь Айседоры) и И. Шнейдер (ставший ее мужем) были удивлены несметным количеством чемоданов — Дункан всегда брала с собой только самое необходимое.

Есенин через несколько дней сбежал из особняка на Пречистенке — и о нем ничего не было известно более трех суток. Айседора, понятно, волновалась: с ним что-то случилось, попал в аварию, заболел. И каждую ночь после тревожного ожидания она говорила: «Так больше не может продолжаться. Это конец!» Свою миссию она считала выполненной: она привезла Есенина туда, откуда его увезла, — на родину, где его знали и любили. Она решает уехать в Кисловодск, дать там несколько концертов и отдохнуть.

Но тут выяснилось, что ехать не в чем. Все вещи, которые она покупала в Париже, внезапно куда-то исчезали. Сначала она грешила на горничную, но однажды нашла свое новое платье в одном из чемоданов Есенина. «А уж что до моих денег!..» — и Айседора сделала красноречивый жест. На это Ирма Дункан сказала, что надо открыть есенинские чемоданы и забрать оттуда все ему не принадлежащее. Айседора испугалась не на шутку: «Он много раз грозился застрелить меня, если я осмелюсь заглянуть в них. И я знаю, что в одном из них он держит заряженный пистолет». (Скорее всего, одна из есенинских баек.) Когда все-таки вскрыли первый из огромных чемоданов, можно было подумать, что он принадлежит парикмахеру: дорогое мыло в коробках и без оных, флаконы с туалетной водой, всевозможные лосьоны, бриллиантин, тюбики зубной пасты и мыльного крема, духи всех сортов, лезвия для безопасной бритвы... Все это, конечно, предназначалось для того, чтобы поразить родных и друзей.

Мариенгоф вспоминает, что когда Сергей перевез к нему домой свои американские шкафы-чемоданы, с полочками, ящичками и вешалками внутри, он был поражен количеством костюмов, белья, шляп... Это было еще не так страшно само по себе. Страшна была мания: непременно обокрадут. «Несколько раз на дню он проверял чемоданные замки. Когда уходил, непременно предупреждал: «Стереги, Толя [...] Знаю я их — с гвоздем в кармане ходят». На приятелях и знакомых мерещились ему его носки, галстуки». Конечно, Мариенгоф — ради красного словца — может и приврать и сгустить краски. Но если

даже все его рассказы, как говорится, разделить на 48, — картина получается малопривлекательная..

Это не было скупостью — это была болезнь. Есенин поил огромные компании. Почти никогда не требовал, чтобы ему возвращали долги. Он взял на свое полное обеспечение обеих своих сестер. (Платил за их обучение.) Построил родителям новый дом. Стоило Клюеву пожаловаться: голодаю, — привез его в Москву: кормил, поил, одевал... Но справедливо и то, что каждый сходит с ума по-своему.

Не случайно же он в свое время гордо заявил: «Я — большевик». Передел собственности никогда не казался ему несправедливостью... Вспомним письмо 1916 г. (Есенин в то время — само здоровье): «Я имел право просто взять любого из них (петроградских издателей. — Л. П.) за горло, и взять просто сколько мне нужно из их кошельков». Вопросом, мучившим Раскольников: «Кто я? Тварь дрожащая или право имею?», Есенин озабочен не был. С тех пор как он не сомневался в своем гении, он не сомневался и в своем — «право имею». И надо сказать, что многие его друзья (тот же Мариенгоф, тот же Кусиков) всячески поддерживали в нем это убеждение. Увы, поддерживала, на свою шею, и гениальная «босоножка».

Как только в доме Дункан удалось открыть один чемодан — в комнату неожиданно ворвался Есенин. И естественно, учинил скандал: «Кто трогал мои чемоданы?!» (Это тоже похоже на сказку, только уже другую — «Кто ел из моей плошки?!») Его успокоили, сказав, что хотели только вынести чемоданы из комнаты, думая, что он уже не вернется. Он вынул свой главный бумажник с ключами и открыл чемодан с одеждой. Айседора тут же увидела там свое платье и быстро вытащила его. Он попытался вырвать — она не отпускала. В конце концов он отступил. Затем она выхватила из чемодана еще что-то. И снова — игра в перетягивание каната.

При этом Есенин кричал: «Это мое! Это моей сестре. Ты мне его дала в Париже».

Затем он поспешил запереть чемодан — дабы еще чего не вытащили. Как встарь, сделал бумажный сверток с рубашкой и туалетными принадлежностями и направился к выходу. Тогда Айседора, с несвойственной ей строгостью, на ломаном русском языке предупредила, что если он опять уйдет, не сказав ей, куда и как надолго, то это будет конец. И в любом случае она сегодня ночью уезжает из Москвы. Есенин недоверчиво засмеялся.

Однако ж перед самым отправлением поезда он неожиданно появился на платформе. (Хотя Айседора не сказала ему ни куда она едет, ни с какого вокзала.) Он был совершенно трезв. Тронутая его поведением, Дункан попыталась уговорить его ехать с ней. Он отказался, но пообещал приехать через несколько дней. До последнего звонка он оставался на перроне — они прощались друг с другом так нежно, как прощаются влюбленные.

Своего обещания Есенин, разумеется, не выполнил. Дункан телеграфировала: «Дарлинг очень грустно без тебя надеюсь скоро приедешь сюда навеки люблю — Изадора». Есенин ответил: «Дорогая Изадора! Я очень занят книжными делами, приехать не могу. Часто вспоминаю тебя со всей моей благодарностью тебе».

Есенин действительно был очень занят — носился с планами нового издательства. Дункан продолжает почти ежедневно бомбардировать его телеграм-

мами. Есенин не оставляет их без ответа. «Milaia Isadora! Ia ne mog priehat potomychto ocen saniat. Priedu v Ialtu. Liubliu tebia beskonechno tvoi Sergei. Irme privet. Isadora!!!»

Вместо Есенина в Ялту пришла телеграмма «Я люблю другую женат и счастлив. Есенин».

После возвращения Дункан в Москву они еще несколько раз увидятся, и она еще предпримет несколько попыток вернуть мужа. Но уже без прежнего рвения — всякое чувство имеет свой предел прочности.

25 сентября 1924 г. Айседора Дункан навсегда покинула Советский Союз. На прощание Есенин подарил ей свою книгу с надписью «За все, за все тебя благодарю я».[107] Так закончился роман с русским гением и — одновременно — роман с коммунистическим правительством. Необходимых денег на школу получить не удалось.

Узнав о смерти Есенина, она напишет Ирме Дункан: «Я плакала и рыдала о нем так долго, что, кажется, иссякла всякая человеческая возможность и способность страдать. Я сейчас переживаю затянувшийся период такого отчаяния, что испытываю искушение последовать его примеру — только я уйду в море».

Сказки у взрослых бывают всегда с несчастливым концом.

Гадина Бениславская

Последняя телеграмма Есенина Дункан прошла редактуру Галины Бениславской. Первоначальный текст был таков: «Я говорил еще в Париже, что в России я уйду. Ты меня озлобила. Люблю тебя, но жить с тобой не буду. Я женился. Сейчас я женат и счастлив. Тебе желаю того же. Есенин». Но Бениславская — резонно — заметила, что если уж кончать, то лучше не упоминать о любви. Но и этого ей показалось мало. Она послала еще одну телеграмму: «Он со мной к вам не вернется никогда». Вторая часть — сбылась, что же касается первой...

Есенин познакомился с Галиной Бениславской еще в 1920 г. На вечере «Суд над имажинистами» в Большом зале консерватории он обратил внимание на девушку с необычной внешностью и большими зелеными глазами. Она сидела на стуле, поставленном перед первым рядом. Не из желания покрасоваться, а просто потому, что опоздала, и место, занятое для нее подругами, захватили. Зал был переполнен — большинство пришло посмотреть на Брюсова — именно он вел вечер. Галина почувствовала на себе «любопытный, чуть лукавый взгляд» какого-то мальчишки, сидящего на эстраде. В голове пронеслось: «Вот ведь нахал какой». «[...] Вдруг выходит тот самый мальчишка: короткая нареспашку куртка, руки в карманах брюк и совершенно золотые волосы, как живые. Слегка откинув назад голову и стан, начинает читать:

*Плюйся, ветер, охапками листьев, —
Я такой же, как ты, хулиган.*

Он весь стихия, непокорная, безудержная стихия, не только в стихах, и в каждом движении, отражающем движение стиха. Гибкий, буйный, как ветер, с которым он говорит, да нет, что ветер, ветру бы у Есенина призанять удали. [...] это не ураган, безобразно сокрушающий деревья, дома и все, что попадает на пути. Нет. Это именно озорной, непокорной ветер, это стихия не ужасающая, а захватывающая. [...] Что случилось после его чтения, трудно передать. Все вдруг повскакали с мест и бросились к эстраде, к нему. [...] опомнившись, я увидела что я тоже у самой эстрады. Как я там очутилась, не знаю и не помню. Очевидно, этим ветром подхватило и закрутило и меня. [...] И опять же — любопытный, долгий и внимательный взгляд [...] Мое негодование уже забыто».

Через две недели — «Суд над современной поэзией» в Политехническом музее. «Суды» разного рода, дискуссии, выступления поэтов в самых разных аудиториях — во многом — и вполне успешно — заменяли литературные газеты и журналы. Есенин выступал особенно часто — он любил читать и — чего греха таить — любил тот бешеный успех, которым всегда сопровождалось его выступления.

На выступление в Политехническом Бениславская, дабы не повторять своих ошибок, пришла за два часа до начала. Вместе с подругой сидели во втором ряду. Есенин весь вечер, когда не читал, смотрел в сторону девушек. После окончания вечера Галина опять «не знаю как и почему» очутилась за кулисами. Есенин «нагло» подбежал и остановился около нее. Почему-то это ее оскорбило — «Как к девке подлетел». «Пойдем», — намеренно резким тоном сказала она подруге.

«Но уже выйдя из музея — цепь мыслей. Такого [...] могу полюбить. Быть может, уже люблю. И на что угодно для него пойду. [...] Поняла да ведь это же и есть тот «принц», которого ждала. [...] В этот же вечер отчетливо поняла — здесь все могу отдать: и принципы (не выходить замуж), и тело (чего до сих пор не могла даже себе представить), и не только могу, а даже, кажется, хочу этого».

С тех пор Галя Бениславская не пропускала ни одного публичного выступления Есенина. Однажды он подошел к ней (она, как всегда, была с подругой) и пригласил девушек в «Стойло». Галя стала ходить туда каждый вечер — если Есенин не выступал где-нибудь в другом месте, он обычно был в своем кафе (у него там был пай).

Как-то раз получилось, что Галя пришла в кафе одна, без подруг. Есенин подошел к ней. Они проговорили вдвоем весь вечер. Он «был какой-то очень кроткий и ласковый. [...] И с того дня у меня в «Стойле» щеки всегда, как маков цвет. Зима, люди мерзнут, а мне хоть веером обмахивайся. И с этого вечера началась сказка».

Вот и Галя Бениславская произнесла слово «сказка». «С этих пор пошли длинной вереницей бесконечно радостные встречи, то в лавке (где торговал Есенин. — *Л. П.*), то на вечерах, то в «Стойле». Я жила этими встречами — от одной до другой. Стихи его захватывали меня не меньше, чем он сам. Поэтому каждый вечер был двойной радостью: и стихи, и он».

Галя Бениславская вместе со своей подругой Анной Назаровой участвует почти во всех акциях (точнее, проделках) имажинистов. Вот они объявляют «Всеобщую мобилизацию» (это написано крупными буквами) Поэтов, Живописцев, Актеров, Режиссеров и Друзей Действующего Искусства (а это — буквами гораздо более мелкими), так что обыватели, привыкшие ко всяким мобилизациям и, естественно, боявшиеся их, поначалу видели только «всеобщую мобилизацию» и останавливались около афиши (листочки), надолго, внимательно вчитываясь в ее смысл, — цель достигнута.

Галя и Аня первыми справились со своей партией листовок и предложили расклеить еще сотню. (Работали, естественно, ночью, фонари тогда не горели.) Никто не задержал девушек — и они жалели, что обошлось без приключений.

«Март — август 1921-го — какое хорошее время», — запишет в своем дневнике Галя Бениславская.

Март — август 1921 г. — авторская датировка поэмы «Пугачев». Галя помогала — перепечатывала на машинке некоторые главы, у нее хранилась 6-я, не вошедшая в основной текст, глава. Известен экземпляр первого издания с надписью «Милой Гале, виновнице некоторых глав. С. Есенин». Галя выполняла функции не только машинистки, но и Музы? Вероятно. Но — если честно — отношения Есенина и Бениславской — во всех деталях — нам известны не в такой степени, чтобы мы могли говорить о том, что именно имел в виду поэт. С уверенностью можно утверждать только одно: помощь Гали была значительной, и Есенин оценил ее в полной мере.

В апреле — июне Есенин совершил давно задуманную им поездку по пугачевским местам: из Москвы через Самару до Оренбурга и далее в Туркестан. За несколько дней до отъезда наконец-то наступила долгожданная весна. Есенин, Мариенгоф, Галя и ее подруга Яна идут по улицам Москвы. Радуются весне, хохочут. (Ведь все были еще так молоды.) Есенин, глядя в глаза Гали, обра-

щается к Мариенгофу: «Посмотри, Толя, зеленые. Зеленые глаза».

«Но в Туркестан все-таки уехал, — подумала я через день, узнав, что его уже нет в Москве. Правда, где-то в глубине знала, что теперь уже запомнилась ему». Из Туркестана Есенин привез Гале роскошные подарки: восточные шали и оригинальное, изумительной работы кольцо с монограммой на камне С. Е. Это кольцо Бениславская носила всю жизнь.

Август 1921 г. В «Стойле» — костюмированный бал. Любопытны воспоминания об этом вечере соперницы Бениславской — Надежды Вольпин. «Весь вечер праздника Есенин просидел за столиком с Галей Бениславской и с кем-то из ее подруг (из сотрудниц газеты «Беднота»).[108]

На Галине было что-то вроде кокошника. Она казалась необыкновенно похорошевшей. Вся светилась счастьем. Даже глаза — как и у меня зеленые, но в более густых ресницах — точно просветлели, стали совсем изумрудными (призаянли голубизны из глаз Есенина, мелькнуло в моих горьких мыслях) и были неотрывно прикованы к лицу поэта. [...] «Сейчас здесь празднуется, — сказала я себе, — желанная победа. Ею, не им!»

Ко мне подошел журналист-международник Осоргин[109] [...]

«Я не налюбуюсь этой парой! — кивнул он на Есенина и Бениславскую... — да и как не любоваться! Столько преданной чистой любви в глазах этой юной женщины» [...] Нашел с кем делиться своими восторгами!»

Не только Надежда Вольпин, но даже Мариенгоф чувствовал в Бениславской серьезную соперницу, угрожающую его дружбе с Есениным. Он написал по этому поводу стихотворение «Разочарование» — не хочется его цитировать: уж больно плохие стихи. Анатолий Борисович понял: Галя не просто очередное увлечение товарища, здесь и общность интересов, и, главное, дружба.

5 октября 1921 г. Есенин оставляет Бениславской загадочную записку:

Милая Галя!

Я очень и очень бы хотел, чтобы Вы пришли сегодня ко мне на Богословский[110] к 11 часам.

Буду ждать Вас!

За д... Спасибо

Без

С. Есенин

Как правило, эта записка расшифровывается так: за деньги — спасибо. Без них мне было бы плохо (я бы не обошелся и т. д.). Только непонятно, зачем нужна такая тайнопись, которая легко прочитывается каждым, кто бросит взгляд. Гораздо убедительнее другое прочтение: спасибо за девственность. Приходите без подруг — одна.

...При такой расшифровке поведение Есенина благородно... Если забыть, что ночь с 3 на 4 октября — первая ночь Есенина с Дункан.

«Я все себе позволил» — эту фразу Есенина вспоминает не Галина Бениславская, а Надежда Вольпин. С ней Есенин познакомился раньше, чем с Бениславской, еще в 1919 г. Когда в жизни Есенина появилась «милая Галя», отношения с Надей отнюдь не прекратились, встречи не стали более редкими... А еще Рита Лившиц, а еще Катя Эйгес... Все они знали о существовании друг друга. («Стойло»-то одно.) Никто этому не радовался. Но никто и не жалел о том, что судьба свела с Есениным. «Несмотря на все тревоги, столь не посильные моим плечам, несмотря на все раны, на всю боль — все же это была сказка.

Все же было такое, чего можно не встретить не только в такую короткую жизнь, но и в очень длинную и очень удачную жизнь» — это из воспоминаний Галины Бениславской. Примерно то же самое говорили все женщины Есенина.

Надежда Вольпин, Катя Эйгес... — здесь можно тешить себя иллюзией: я для него важнее, меня он любит больше. И можно надеяться выиграть это необъявленное соревнование. Но совсем другое дело — Дункан, перед которой «все пигмеи».

«Хотела бы я знать, какой лгун сказал, что можно быть не ревнивым! Ей-богу, хотела бы посмотреть на этого идиота! Вот ерунда! [...] Нельзя спокойно знать, что он кого-то предпочитает тебе, и не чувствовать боли от этого сознания. [...] и все же буду любить, буду кроткой и преданной, несмотря ни на какие страдания и унижения. [...] Вчера заснула, казалось, что физическая рана мучит, истекая кровью. Физическое ощущение кровотечения там, внутри. [...]

Несмотря на усталость, на выпитое, не могла спать. Как зуб болит мысль [...], что Е [сенин] любит эту старуху и что здесь не на что надеяться. И то, что едет с ней. И сознание [...], что она интересна, может волновать, и что любит его не меньше, чем я. Казалось, что солнце — и то не светит больше, все кончено. [...] Что же делать, если «мир — лишь луч от лика друга, все иное — тень его».[111]

И не прав Лермонтов[112] — ведь я знала, что это на время, и все же хорошо. Когда пройдет и уйдет Д[ункан], тогда, может быть, вернется. А я, если даже и уйду физически, душой всегда буду с ним».

Переживания были столь сильны, что Галина заболела неврастением. Пришлось лечиться в санатории. Но — натура сильная и гордая — она не хочет сдаваться и погибнуть не за понюшку табаку. Чтобы выжить, она попытается вышибить клин клином... Это было тем более просто, что «клин» оказался буквально под рукой. В Галину давно и страстно влюблен сотрудник «Бедноты» Сергей Покровский. Из его писем видно, как обожал он «бесконечно дорогую, любимую, ненаглядную девочку».

Он спас Галину... Но вернулся Есенин...

Прощальное письмо Галины Бениславской Сергею Покровскому:

«Мой Сережа! Мой родной, мой бесконечно дорогой Сережа. Как грустно, как больно, но это так. Твоей я уже больше никогда не буду [...]. Видишь ли, ты не сможешь спокойным быть, когда часть души, хотя бы на время, я буду отдавать и как отдавать, так вот стихийно, как это случилось сейчас. И повториться это всегда может, даже если на время и пройдет совсем, даже если сумеешь заставить забыть все, кроме тебя.

Все равно. Забуду, буду только твоей, и вдруг Есенин подойдет, и что бы то ни было, чем бы это ни грозило, все равно я как загипнотизированная пойду за ним. А ты хоть и апаш, но с этим не помиришься. Значит, я должна, именно должна уйти. Давно, давно я писала о Есенине: «... и все же куда бы я ни пошла, от него мне не уйти... жить всегда готовой по первому его желанию, по первому зову перечеркнуть все прожитое и чаемое впереди, перечеркнуть одним размахом, без колебания, без сожаления». И я тогда была права. Сейчас я это ясно поняла. Когда я говорила, что все прошло, я обманывала только себя. Я искренне верила этому, я даже не подозревала, что это обман. И этот обман может повториться.

Понимаешь, Е[сенин] может меня бросить через день-два (я вообще этого никогда не боялась не только в отношении Е[сенина], в этом смысле во мне нет такой вот женской предусмотрительности и осторожности «Ну что ж, свое я взяла, а вечного нет ничего...») и бросит, конечно. Но все-таки я могу все разрушить, даже ради этих двух дней. [...] Не ругай, не сердись. Я не знала, верней, забыла, что я не такая, когда была с тобой. Я искренне думала, что я твоя, вернее, мне этого очень хотелось, и я поверила себе».

Получив это письмо, Покровский тем не менее целый год не оставлял попыток вернуть свою Галушку. Стоял ночами под ее окнами, писал ей пронзительные письма и записки, умолял о встрече. Галя отвечала все короче и короче. Ей просто было некогда. Есенин взвалил на нее слишком много обязанностей. (По сведениям двух мемуаристов, Покровский в конце концов покончил с собой. Документально это не подтверждается.)

После возвращения из-за границы Есенину было совершенно негде жить. У Мариенгофа к тому времени родился сын — и снова поселиться у него стало невозможно. Но и получить собственное жилье тоже оказалось совершенно невозможно. Не помогло даже письмо из секретариата Троцкого. Официальным предлогом было то, что Есенин женат на Дункан и может жить в ее особняке на Пречистенке. А то и просто отвечали: мало ли в Москве поэтов, что ж, всем квартиры давать?! От отчаяния Есенин поехал даже к М. Калинину — просить его посодействовать в получении жилья. Но, услышав от «всесоюзного старосты» совет переехать в деревню, не решился озвучить свою просьбу.

Галя Бениславская ютилась в одной комнате коммунальной квартиры со своей подругой Аней Назаровой. Тем не менее уже через месяц после приезда Есенин жил у нее. Вскоре к ним присоединилась и Екатерина Есенина. В маленькую комнатку Бениславской Есенин еще и постоянно приводил шумные и галдящие компании, не знал разницы между днем и ночью. (А ведь Гале надо было ходить на службу.)

Галя стала гражданской женой, другом, нянькой, секретарем, хранительницей архива и единственной женщиной в жизни — патологически ревнивого — Есенина, которой он простил измену.

Есенин предлагал ей официально оформить отношения — она отказывалась. (Может быть, потому, что он не был разведен с Дункан, а скорее всего, понимала: это ничего не изменит.) Тем не менее он всем представлял ее как жену. По сути это так и было. «После заграницы Есенин почувствовал в моем отношении к нему нечто такое, чего не было в отношении к нему друзей, что для меня есть ценности выше моего собственного благополучия. Носился он тогда со мной и представлял меня не иначе как: «Вот, познакомьтесь, это большой человек!» или: «Она настоящая» и т. п. Поразило его, что мое личное отношение к нему не мешало быть другом; первое я всегда умела спрятать, подчинить второму. И поверил мне совсем... Это был период, когда Сергей Александрович был на краю гибели, когда он иногда сам говорил, что теперь уже ничего не поможет, и когда он тут же просил помочь выкарабкаться из этого состояния...»

Они жили совместным хозяйством. Галя старалась содержать жилье в чистоте и порядке. Сергей всегда выходил из дома в чистой, хорошо выглаженной одежде (трезвый Есенин был очень аккуратен, любил уют). Он доверяет

Гале все свои материальные дела. Основное средство существования в это время — деньги из «Стойла», которые причитались Есенину как совладельцу кафе. Поскольку любителей выпить и закусить за его счет всегда находилось немало, было условлено, что деньги станут выдавать только Бениславской. Она посылает определенные суммы в Константиново, заботится о Кате (а потом и о младшей сестре — Шуре). Когда Есенина нет в Москве (поскольку работать, не имея своей комнаты, трудно, это случалось довольно часто), он высылает свои новые стихи ей, а она уже связывается с журналами, «выбивает» гонорары. Причем делает это намного успешнее, чем Есенин.

О преданности, бескорыстии, жертвенности Бениславской пишут все без исключения мемуаристы. «Без устали, без упрека, без ропота, забыв о себе, словно выполняя долг, несла она тяжкую ношу забот о Есенине, о всей его жизни — от печатания его стихов, раздобывания денег, забот о здоровье, больницах, охраны его от назойливых кабацких «друзей» до розысков его ночами в милиции. Этого редкого и, нужно сказать, единственного настоящего друга, Есенин недостаточно ценил. Он часто твердил: «Галя мне друг; Галя мне единственный друг». Но еще чаще забывал это», — вспоминает хорошо знавшая Есенина и Бениславскую журналистка Софья Виноградская.[113]

Даже Мариетроф, всегда ревниво относящийся к женщинам Есенина, не мог не признать: «После возвращения из Америки Галя стала для него [Есенина] самым близким человеком [...]. Я, пожалуй, не встречал в жизни большего, чем у Гали, самопожертвования, большей преданности, не-брезгливости и, конечно, любви. Она отдала Есенину всю себя, ничего для себя не требуя. И, уж если говорить правду, не получая».

Есенин не обещал Бениславской верности (да она бы и не поверила). Он знал, что не способен на это как в силу характера, так и в силу обстоятельств. Разве мог он, например, оставить Надежду Вольпин, которая сошлась с ним девятнадцатилетней девушкой и — в отличие от Гали — хранила ему верность во время его долгого отсутствия? Чтобы не чувствовать себя униженной, Галина поставила условие: коли так, то я тоже свободна. И Есенин, по словам Бениславской, «внушил себе взгляд культурного человека — мы, мол, равны, моя свобода дает право на свободу женщине». И единственным условием поставил: только не с моими друзьями. Но взгляды — взглядами, а натура — натурой. Есенин будет дико ревновать Галю — без всякого к тому повода. «...сейчас берегитесь меня обидеть. Если у меня к женщине страсть, то я сумасшедший. Я все равно буду ревновать. Вы не знаете, что это такое. Вы пойдете на службу, а я не поверю. Я вообще не могу тогда отпускать Вас от себя, а если мне покажется, то бить буду. Я сам боюсь этого, не хочу, но знаю, что буду бить. Вас я не хочу бить. Вас нельзя бить». Галя много раз давала себе слово не быть любовницей Есенина, а остаться только его другом, но каждый раз, когда он появлялся, все возвращалось на круги своя. Летом 1925 г. Есенин таки придет «бить ей морду» и будет спущен с лестницы. Эта ссора, ставшая, по существу, разрывом, ускорит и его и ее смерть... Но это будет. Пока же Есенин, уехав весной 1924 г. в Ленинград, пишет нежные письма: «Галя милая! [...] Я очень люблю Вас и очень дорожу Вами. [...] да и сами Вы знаете, что без Вашего участия в моей судьбе было бы очень много плачевного. [...] Если у Вас есть время, то приезжайте...»

В те же дни в Ленинграде он признается своему старому другу В. Черняв-

скому, что до сих пор не оставил еще надежды жениться на хорошей, верной девушке, которую все не удастся встретить. И вспоминает о Райх как о самом сильном в своей жизни чувстве. Бедный Есенин! Не удастся ему встретить хорошую девушку! Галя Бениславская, очевидно, не входит в эту категорию, потому что не была верной. А Надежда Вольпин, вероятно, потому, что перестав быть девушкой, не потребовав от него штампа в паспорт. Может быть, хорошая девушка — та, которой, подобно его родителям, «наплевать на все его стихи»? Которая бы любила его просто как мужчину и человека? И сколько бы он с такой хорошей девушкой прожил? День? Два? Много, если неделю. («Ведь и себя я не сберег/ Для тихой жизни, для улыбок».)

Ну а пока за неимением «хорошей» девушки Есенин во всю пользуется услугами Бениславской. «Пришлите [...] пальто, немного белья и один костюм двубортный», «Возьмите у Приблудного[114] сборник и наберите сами 500 строк для Антологии[115]», «Позвоните Воронскому[116] и сговоритесь, чтоб он сделал распоряжение выдать мне аванс» и т. д. и т. п.

Да, только Галя была его единственным преданным другом. И все-таки нельзя не сказать, Бениславская сыграла в судьбе Есенина и отрицательную роль.

Галина Артуровна была убежденной большевичкой. Совсем юной девушкой она ушла от своих приемных родителей (заменивших ей родных), не сойдясь с ними в политических убеждениях. Из занятого белыми Харькова с риском для жизни перебралась через линию фронта к красным. В момент знакомства с Есениным она работала в ВЧК(!) (в сельскохозяйственном отделе). Нет, Галина Бениславская не была приставлена следить за Есениным. Этот подлый слушок распустили собутыльники Есенина, которым она мешала пить-гулять за его счет. Не старалась она и подбить Есенина на гимны советской власти. Вообще в тематику его творчества никогда не вмешивалась. В оппозиции власть — Есенин все симпатии Бениславской — целиком на стороне Есенина. «... наше правительство [...] не имело права не понимать, какая ценность находится на его попечении [...] не способствовало возможности расти дальше дарованию Е[сенина], даже не сумело сохранить его, пусть даже не сохранить, а хотя бы мало-мальски обеспечить бытовые возможности».

Не понимает Галя Бениславская, что для этого правительства Есенин вовсе не ценность (терпят — и на том спасибо). И зачем обеспечивать какие-то условия ему? Другое дело — Демьян Бедный — вот это «ценность», так его и поселили в Кремле. Есенин же многое понял и про социализм («совсем не тот»), и про «страну негодяев», но ему — болезненно самолюбивому — надо было, чтобы его уважали и ценили те, кого он презирал. Парадокса он не чувствовал. Он хотел быть поэтом своего времени. (Не было рядом с ним Марины Цветаевой, которая никогда не путала заказ поэту от времени с заказом от партии и тему революции с прославлением революции. Но Цветаева могла жить вне России, а Есенин — нет). (И опять же, в отличие от Марины Цветаевой, не хотел признать, что Россия сегодня — это «дом, который срыт», а советская литература совсем не то, что литература русская.) И писать для будущих поколений тоже не мог и не хотел. Слава ему была нужна здесь и сейчас.

«Отдам всю душу октябрю и маю, / Но только лиры милой не отдам» — советская критика тут же поймала Есенина на противоречии. Что же это за лира такая, которая разошлась с душой? И зачем, спрашивается, большевикам

его душа без прославляющей их лиры (они же не девушка)? Так с какой стати глашатаям «октября и мая» уважать такого поэта? Со своей колокольни они были абсолютно правы.

После возвращения в СССР Есенин пишет своему другу художнику Яку лову (точная дата письма неизвестна): «Я подошел к поезду, смотрю, в купе сидят Маяковский, Асеев, Безыменский и прочая, прочая, прочая. Но я ведь тоже не безбилетный, но ушел мой поезд». Комментаторы голову сломали: что за поезд? Куда ехали перечисленные поэты? Когда Есенин встретился с ними? Между тем смысл письма явно аллегорический («прочая, прочая, прочая» — и все в одном купе?). Это поезд советской литературы, где Есенину нет места. И никто не сказал: Сергей Александрович! Не переживать, а гордиться должно, что нет Вам места среди этой братии. Пошлите их так далеко, как только Вы умеете посылать, и спокойно, с чувством собственного достоинства продолжайте работать.

Галина Бениславская «виновата» (мы не решились написать это слово без кавычек) только в одном: она поддерживала в Есенине обиду на то, что власть предержавшие не отводят ему должного места в этом «вагоне». Она внушала Есенину, что большевики должны его любить, уважать, холить и лелеять. Этого, естественно, не происходило — и он все больше и больше пил.

«Я собираю пробки / Душу свою затыкать»

Из-за границы Есенин вернулся совершенно запутавшимся, озлобленным, опустошенным, спившимся и больным. Но не потерявшим своего дара. (Как это может быть? Дух Божий веет, где хочет, — другого ответа мы не знаем. Если знают психологи, что ж, — пусть расскажут.)

«Когда я попытался попросить его во имя разных «хороших вещей» не так пьянствовать и побережь себя, — вспоминает В. Чернявский, — он вдруг пришел в страшное, особенное волнение. «Не могу я, ну как ты не понимаешь, не могу я не пить... Если бы не пил, разве мог бы я пережить бее, что было}..»(Во время суда над четырьмя поэтами, о котором мы уже писали, он говорил, что с помощью скандала и пьянства идет «к обретению в себе человека». — Л. П.)

И заходил, смятенный, размашисто жестикулируя, по комнате, иногда останавливаясь и хватая меня за руку, чем больше он пил, тем чернее и горше говорил о том, что все, во что он верил, идет на убыль, что его «есенинская» революция еще не пришла, что он совсем один. И опять как в юности, но уже болезненно сжимались его кулаки, угрожавшие невидимым врагам и миру, который он облетел в один год и узнал «лучше, чем все». И тут в необузданном вихре, в путанице понятий закружилось только одно ясное повторяющееся слово:

— Россия! Ты понимаешь — Россия!

В этом потоке жалоб и требований был и невероятный национализм, и полная растерянность под гнетом всего пережитого и виденного, и поддержанная вином донкихотская гордость, и мальчишеское желание драться, но уже не стихами, а вот этой рукой... С кем? Едва ли он мог на это ответить, и никто его не спрашивал». Никто и не смел спросить. Ведь все прощалось одному Есенину, одному на всю страну.

О сходных настроениях вспоминает и Галина Бениславская: «...сознание, что [...] он должен стучаться в окошко, чтобы впустили, приводило его в бешенство и отчаяние, вызывало в нем боль и злобу. В такие минуты он всегда начинал твердить одно: «Это им не простится, за это им отомстят. Пусть я буду жертвой за всех, кого не пускают. [...] За меня все обозлятся. Это вам не фунт изюма. К-а-к еще обозлятся. [...] Буду кричать, буду, везде буду. Посадят — пусть сажают — еще хуже будет».

Тогда он не знал еще, на что пойдет — на борьбу или на тот конец, который случился».

Стало быть, не ради красного словца говорил Есенин о своей близости к тем, в среде которых «...удалью точится новой/ Крепко спрятанный нож в сапоге»!

* * *

Первое выступление Есенина после возвращения в Россию состоялось 21 августа в Политехническом музее. В начале вечера Есенин должен был рассказывать о своих зарубежных впечатлениях. Говорил он бессвязно и довольно бессмысленно. Послышались смешки, возгласы, реплики, на которые он вдруг начал отвечать, уже совсем не думая о теме своего «доклада». Ничего почти не сказав о Берлине и Париже, он перешел к Америке и начал приблизительно так: «Пароход был громадный, чемоданов у нас было двадцать пять, у меня и у Дункан. Подъезжаем к Нью-Йорку: репортеры, как мухи, лезут со

всех сторон». Публика стала хохотать.

Есенин всегда говорил намного хуже, чем читал стихи. Но тут, очевидно, дело было не только в недостатке ораторского дара: он не знал, что, собственно, говорить. То, что завтра выйдет в «Известиях» в очерке «Железный Миргород», где он будет прославлять индустриальную мощь Америки и ругать ее за бездуховность? По совести говоря, он питал к Америке «ненавидящую зависть» (слова В. Чернявского). Сравнить с Россией? Но Есенин уже понял: сравнение получится не в пользу родины. Там техника XX в. служит человеку. Человек же думает в основном о долларе. Здесь — нищета... что же до духовности... Его собственным родителям «наплевать» на его стихи. А ведь именно крестьянство тогда составляло большинство населения. И так ли уж широк круг ценителей поэзии? «Ведь и в Росс[ии], кроме еврейских дев, никто нас не читал». Это, конечно, сказано в сердцах. Кому-кому, а уж Есенину грех было жаловаться на отсутствие интереса к его поэзии. Другое дело, что тех, кого рубль интересовал намного кровнее, чем искусство, было (есть и, увы, думается, всегда будет) значительно больше. Только у русских значительно меньше рублей, чем у американцев долларов. А у него, Есенина, значительно меньше, чем у Демьяна Бедного. Узнавая о гонорарах Демьяна, он буквально благим матом орал: «Отдай, отдай мои деньги!» А деньги Есенину были очень нужны — совершенно необходимо было купить квартиру себе и построить новый дом родителям в Константинове — они до приезда сына ютились в наспех сколоченном сарае. (Деревенский дом выстроили лучше прежнего, себе жилья он так никогда и не купил.) Есенину за стихи, как и другим поэтам, платили построчно. (А цену его строчке знал только он!) И он не был намерен играть в благородство с теми, кто ставил его ниже Демьяна Бедного.

*...В собачьем стане
С философией жадных собак,
Защищать себя не станет
Тот, кто навек дурак.*

«Страна негодяев»

И он печатал стихи в изданиях любых направлений — где больше заплатят. Часто посылал в журналы то, что уже было опубликовано в газетах. Это не было беспринципностью по той простой причине, что ни к одной группировке он не принадлежал и ни одну не уважал («Я не разделяю ничьей литературной политики. Она у меня своя собственная — я сам».) Не верил он уже и большевистской идеологии.

*...Старая гнусавая шарманка
Этот мир идейных дел и слов.
Для глупцов хорошая приманка,
Подлецам порядочный улов.*

«Страна негодяев»

Нет, он не желал играть по их правилам. Но это часто приводило к литературным скандалам, которые очень вредили репутации Есенина, и без того подмоченной дебошами. Мысль «не за то боролись» не покидает поэта... И почти каждый вечер в «Стойле» он напивается до положения риз. На почве алкоголизма развивается (вернее, усиливается) душевная болезнь. Она началась

еще до отъезда. С 1919 г. после ареста в Петрограде некоторых его сотоварищей по «скифам» (они отделались легким испугом: Блока выпустили через день, Иванова-Разумника через месяц) Есенин стал панически бояться «кожаных курток». Завидев в кафе «кожаную куртку», немедленно уходил.

Как-то без всякой видимой причины перестал общаться с Кусиковым. Тот совершенно не понимал, в чем дело. Есенин же «открылся» Надежде Вольпин: «Он хочет меня убить». В том же самом заподозрил и Клюева (тот-таки однажды смея ради подsunул ему дозу гашиша, но, конечно, не смертельную). Но тогда такие случаи были еще редки. После возвращения же началась настоящая мания преследования.

Вот идут однажды Есенин с Галей Бениславской и ее подругой Аней Назаровой из «Стойла». К ним подходит милиционер. «Это ваши дамы?» Есенин поспешно отвечает: «Нет, не мои». «Почему вы отказались от нас?» — спросили потом девушки. «Я думал, что за мной, понимаете, следят. Хотели взять. Я за вас испугался. Зачем вам? [...] Я же знаю, что за мной следят. Давно, ну и вы тут ни при чем».

Аня Назарова вспоминает и такой случай: лежит подвыпивший Есенин дома у Гали Бениславской и рассказывает: «У левых эсеров я был, в боевой дружине. Ну, работал. Потом пью. Ну, они и хотят меня взять. Но я не дамся. Нет! Я знаю, что я сделаю... Я спущусь из окна. Как будет звонок, вы дайте веревку, большую веревку, и я из окна спущусь». Бред? Но, может быть, Есенин знал о себе что-то такое, чего мы не знаем? Он был болтлив, но о чем-то не рассказывал никогда (например, о своей службе у Ломана). Архив Иванова-Разумника, в той части, где речь идет о Есенине, погиб. Как уже говорилось, о деятельности Есенина в боевой дружине эсеров нам ничего не известно.

А тут грянуло «Дело четырех». О содержании его мы уже писали (кто забыл, пусть откроет главу «Был ли Есенин антисемитом?»). Одновременно в двух московских газетах публикуются статьи об этом инциденте. Журналист Л. Сосновский в статье «Испорченный праздник» прямо выдвигает политические обвинения и призывает «исключить» Есенина с сотоварищами из рядов советской литературы. «Я думаю, что если поскрести [...] то под советской шкурой обнаружится далеко не советское естество». Есенин хотел ответить Сосновскому статьей под условным названием «Россияне». Она не была закончена, но и сохранившееся начало дает представление не только об отношении Есенина к Сосновскому, но и к советской литературе в целом и даже — более широко — к стране негодяев.

«Не было омерзительнее и паскуднее времени в литературной жизни, чем время, в которое мы живем. (Что бы он сказал, если б дожил до 30-х гг? Не дожил бы. — Л. П.).

Тяжелое за эти годы состояние государства в международной схватке за свою независимость случайными обстоятельствами выдвинуло на арену литературы революционных фельдфебелей, которые имеют заслуги перед пролетариатом, но ничуть не перед искусством. [...] эти типы развили и укрепили в литературе пришибеевские нравы. Пр-а-сходитесь, — мол, — так твою так-то! Где это написано, чтоб собирались по вечерам и песни пели?!

Некоторые типы, находясь в такой блаженной одуре и упоенные тем, что на скотном дворе и хавронья сходит за царицу, дошли до того, что и впрямь стали отстаивать точку зрения скотного двора.

Сие относится к тому типу, который часто подписывается фамилией Сосновский.[117]

Маленький картофельный журналистик, пользуясь поблажками милостивых вождей пролетариата и имеющий столь же близкое отношение к литературе, как звезда небесная к подошве его сапога, трубит все об одном и том же, что русская современная литература контрреволюционна и что личности попутчиков[118] подлежат весьма большому сомнению.

[...] В чем же, собственно, дело? А дело, видимо, в том, что, признанный на скотном дворе талантливым журналистом, он этого признания не может добиться в писательской и поэтической среде, где на него смотрят хуже, чем на Пришибеева. Уже давно стало явным фактом, что как бы ни хвалил Троцкий разных Безыменных, пролетарскому искусству грош цена...»

Товарищеский суд Союза писателей (среди членов которого было много евреев) рассмотрел «Дело четырех» и нашел достаточным вынести им общественное порицание. Но дело лежало в ГПУ и было закрыто только после смерти поэта. Продолжалась и травля в газетах. Печатались отклики «читателей» на решение суда: «Один выход — тачка», «Под народный суд!», «Есенина выделить!», «Мы требуем пересмотра» и т. д. и т. п. М. Кольцов в статье «Не надо богемы» («Правда», 30 декабря 1923 г.) писал: «Надо наглухо забить гвоздями дверь из пивной в литературу». И далее сравнивал мюнхенскую пивную, где было провозглашено фашистское правительство Кара и Людендорфа[119], с московской пивной, где дебоширил Есенин и прямо говорил, что это одно и то же.

«Дело четырех» так подорвало и без того тяжелое состояние здоровья Есенина, что близкие решили положить его в клинику для нервнобольных. «Он поехал, не сопротивляясь» (Е. Есенина).

В клинике Есенин очаровал всех, и больных, и персонал. Мягкий, скромный, застенчивый, он для каждого находил доброе слово. Никто не хотел верить, что этот человек способен хамить, оскорблять, скандалить. Попросили почитать стихи — пожалуйста. Надо ли говорить, что каждое стихотворение сопровождалось громом аплодисментов.

Здесь Есенин написал заключительное стихотворение из цикла «Любовь хулигана», посвященного актрисе Августе Миклашевской. («Вечер черные брови насопил...»).

Побольше бы таких хулиганов — хочется сказать, читая эти слова «самых нежных и кротких песен». Кажется, Августа Миклашевская, уже не очень молодая, имевшая подростка-сына женщина («Пускай ты выпита другим»), сыграла роль той самой «хорошей девушки», о которой Есенин мечтал и с которой надеялся изменить свою жизнь. Придуманное, совершенно лишнее чувство. Есенин как будто бы пытается ради этой «любви» изменить свою жизнь. В действительности, конечно, не получилось. (Не очень-то и старался.) Зато стихи о спасеньи «беспокойного повесы» навсегда вошли в золотой фонд русской любовной лирики. В них Есенин такой, каким он задуман Богом, судит того, каким он стал. И готов отречься от всего наносного, если бы... если бы любовь была глубокой и взаимной. Но — «знаю чувство мое перезрело, / А твое не сумеет расцвести». Частица «бы» («б») — самое частое слово в этом цикле. И выполняет она не служебную (как положено частицам), а главную смысловую функцию.

*Я б навеки забыл кабаки
И стихи бы писать забросил,
Только б тонко касаться руки
И волос твоих цветом в осень.*

Ну, это уж Вы, Сергей Александрович, неправду говорить изволите. Этого Вам не дано «ни при какой погоде», и Вы это знаете. Флобер писал о себе: «Я человек-перо». Есенин называл себя «Божьей дудкой». Капризная стала дудка. (В молодости такой не была, но ведь он «молодость пропил».) Ей подавай страсть, ненависть, запой, скандал. Уже «разонравилось пить и плясать/И терять свою жизнь без оглядки» — а «дудка», знай, требует свое. Ей наплевать на то, что музыкант «душой стал, как желтый скелет». А что дала она ему, никогда ей — единственной — не изменившему? Богатство?

*Да, богат я, богат с излишком.
Был цилиндр, а теперь его нет.
Лишь осталась одна манишка
С модной парой избитых штиблет.*

Славу?

*От Москвы по Парижскую рвань
Мое имя наводит ужас,
Как заборная, громкая брань.*

Сбывшиеся как будто бы мечты юности обернулись злой иронией. А потому: «Я хотел бы опять в ту местность», где можно «под шум молодой лебеды» мечтать «о другом, о новом». О чем же? Неверующий Есенин не говорит ни о небесах, ни о чем-то божественном. Он находит поэтические эвфемизмы: «Что не выразить сердцу словом/ И не знает назвать человек». (Впрочем, быть может, он сам не считал это эвфемизмами.)

* * *

23 января Есенин вместе с некоторыми другими больными самовольно ушел из клиники — встретить траурную процессию с телом Ленина. Когда он вернулся, в фойе его уже поджидала группа друзей, которые принесли ему пропуск в Дом Союзов. Несколько часов больной Есенин простоял в Колонном зале у тела вождя. Он задумывает большую поэму «Гуляй-поле», где главным действующим лицом (одним из главных?) должен стать Ленин. По некоторым свидетельствам, поэма была написана. Но до нас не дошла. (Остался ли ей недоволен сам Есенин? Его внутренний редактор? Или этот замысел был вытеснен другими? Ничего мы не знаем.) Был опубликован только отрывок «Ленин».

Ленин здесь настолько же симпатичный, насколько несоответствующий своему действительному облику:

*Сплеча голов он не рубил,
Не обращал в побег пехоту.
Одно в убийстве он любил —
Перепелиную охоту.*

А дальше уж совсем сусально: «с сопливой детворой / Зимой катался на салазках»; «... скромней из самых скромных, / Застенчивый, простой и милый». Это пишет тот самый Есенин, который уже в 1919 г. бросил большевикам: «Веслами отрубленных рук/ Вы гребете в страну грядущего». Как же просто об-

винять Есенина в лицемерии! И как сложно понять этого путаного, но всегда честного гения! Попробуем.

Для русского сознания типично: не царь виноват, а его министры, не Сталин, а его приближенные. Легенда о «добреньком» Ильиче родилась еще при его жизни. Так, например, ходили упорные слухи, что Ленин просил не расстреливать Гумилева, но телеграмма запоздала. (Вариант: специально задержали злые люди.) Во всяком случае, Есенин никогда не причислял Ленина к «негодьям». Кроме того, зима 1923–1924 гг. — время расцвета введенного Лениным НЭПа. (Испугался Антоновщины, но тогда мало кто связывал эти события, во всяком случае не Есенин.) Не самое плохое время для русского крестьянства. Экономические свободы (хотя бы относительные) были, а свободы политические их не интересовали. Они привыкли, что Россией правит царь, а зовут ли его Николай или Владимир — им было все равно. Собственный отец Есенина изменил свое отношение к советской власти — от ругани перешел к приятию.

Целиком Ленину посвящено еще только одно произведение Есенина — стихотворение «Капитан Земли», написанное к годовщине смерти вождя. Друг Есенина Л. Повицкий вспоминает, как оно создавалось: поэт жил тогда в Батуми. «Как-то раз у Есенина наступила пора безденежья, между тем ему срочно понадобилась сумма в сто рублей. Это была для того времени порядочная сумма. Мы думали-гадали, где добыть деньги, как вдруг Есенин воскликнул: «Я протелеграфирую Чагину[120]». И он мне прочел тут же составленную телеграмму: «Вышлите срочно сто высылаю стихотворение «Ленин». Через два дня деньги были получены. Есенин написал стихотворение за вечер». Напечатан «Капитан» не был. Хотя вряд ли это — прямо скажем, халтурное — стихотворение было хуже того потока макулатуры, который в эти дни лился со страниц советских газет. Но от Есенина хотели не просто дифирамбов, а дифирамбов талантливых...И не дождалось. Образ Ильича, «скромного мальчишка из Симбирска», который стал «рулевым своей страны» в «Капитане Земли», примерно тот же, что и в отрывке из «Гуляй-поле»: «Он никого не ставил /К стенке /Все делал / Лишь людской закон». Но и даже от такого Ленина (даже и в откровенно халтурном тексте) автор дистанцируется: «... поэт /Другой судьбы [...] Спойет вам песни / В честь борьбы/Другими,/ Новыми словами».

...А что делать поэту Сергею Александровичу Есенину? Который «новыми словами» не умеет? В клинике надоело. И он начинает то и дело убегать отсюда в «Стойло». А там опять скандал за скандалом, антисемитские выкрики (чем больше Есенина обвиняли в антисемитизме, тем большим антисемитом он становился), приводы в милицию, новые уголовные дела. Однажды, возвращаясь оттуда пьяным на извозчике, упал, врезался в стекло какой-то витрины, глубоко порезал руку. И снова больница. На этот раз Шереметьевская.

Это происшествие почти с документальной точностью описано Есениным в стихотворении «Годы молодые с забубенной славой...»:

*...Темь и жуть, грустно и обидно.
В поле, что ли? В кабаке? Ничего не видно.*

*Руки вытяну и вот — слушаю на ощупь:
Едем... кони... сани... снег... проезжаем рошу.*

*«Эй, ямщик, неси вовсю! Чай, рожден не слабым!
Душу вытрясти не жаль по таким ухабам».*

*А ямщик в ответ одно: «По такой метели
Очень страшно, чтоб в пути лошади вспотели».*

*«Ты ямщик, я вижу, трус. Это не с руки нам!»
Взял я кнут и ну стегать по лошажьим спинам.*

*Бью, а кони, как метель, снег разносят в хлопья.
Вдруг толчок... и из саней прямо на сугроб я.*

*Встал и вижу: что за черт — вместо бойкой тройки...
Забинтованный лежу на больничной койке.*

*И заместо лошадей по дороге тряской
Бью я жесткую кровать мокрою повязкой.*

*На лице часов в усы закрутились стрелки,
Наклонились надо мной сонные сиделки.*

*Наклонились и хрипят: «Эх, ты златоглавый,
Отравил ты сам себя горькою отравой».[121]*

С. Виноградская, навестившая его в больнице, вспоминала о чтении Есениным этого стихотворения: «Он не читал его, он хрипел, рвался изо всех сил с больничной койки, к которой он был словно пригвожден, и бил жесткую кровать забинтованной рукой. Перед нами был не поэт, читающий стихи, а человек, который рассказывал жуткую правду своей жизни, который кричал о своих муках».

В больницу являются представители уголовного розыска арестовать Есенина. Но профессор Гернштейн заявил, что Есенину грозит заражение крови и он должен находиться в больничных условиях. (На самом деле такая угроза уже миновала.) Милиционеры ушли, взяв с врача обязательство предупредить их, когда Есенина будут выписывать, и подписку о сохранении доверенной ему тайны. Однако врач рассказал Бениславской о готовящемся аресте Есенина, и она (очевидно, используя свои старые связи) добилась перевода его в Кремлевскую больницу, куда милиция прийти не могла.

В Кремлевской больнице Есенин пробыл около трех недель. После чего еще долго ходил с перевязанной рукой, остряки говорили, что одна рука у него белая, другая — красная.

После выхода «на свободу» жить ему было совершенно негде: соседи Гали Бениславской по коммунальной квартире категорически потребовали, чтобы Есенина там не было. Временно он поселяется у Вардина.[122]

4 апреля на квартире Вардина состоялась вечеринка (благо жена его куда-то уехала). Приглашая на эту вечеринку А. Берзинь,[123] И. Приблудный писал ей: «Будем петь, а Вы будете смеяться над заявлением Сергея о выезде за пределы СССР».

Никаких официальных прошений разрешить выезд из СССР от Есенина в это время не поступало. Но желание, стало быть, имелось. Страна негодяев, очевидно, стала ему поперек горла. Можно себе представить, как он говорил

об этом и сколько было при этом выпито. Кончился вечер, скорее всего, плачевно. Есенин, надо думать, опять допился до состояния, угрожающего его здоровью, а может быть, и жизни. Во всяком случае, думается, поводом к письму Бениславской, написанному через два дня (6 апреля 1924 г.), послужил именно этот инцидент.

«Сергей Александрович, милый, хороший, родной.

Прочтите все это внимательно и вдумчиво, постарайтесь, чтобы все, что я пишу, не осталось для Вас словами, фразами, а дошло до Вас по-настоящему.

Вы ведь теперь глухими стали, никого по-настоящему не видите, не чувствуете. Не доходит до Вас. Поэтому говорить с Вами очень трудно. (Не случайно Галина Артуровна решила объясниться с ним письменно. — Л. П.). [...] Вы все слушаете неслышащими ушами: слушаете, а я вижу, чувствую, что Вам хочется скорее кончить разговор. Знаете, похоже, что Вы отделены от мира стеклом. [...] Вы совершенно один, сам с собою, по ту сторону стекла. [...] Для Вас ничего не существует, кроме Вашего самосознания, Вашего мироощущения. Вы до жуткого одиноки, несмотря на то, что Вы говорите: «Да, Галя друг», «Да, такой-то изумительно ко мне относится». Ведь этого мало, чтобы мы чувствовали Вас, надо, чтобы Вы нас почувствовали, как-то хоть немного, но почувствовали. Вы сейчас какой-то «не настоящий». Вы все время отсутствуете. И не думайте, что это так должно быть. Вы весь ушли в себя, все время переворачиваете свою душу, свои переживания, свои ощущения. Других людей Вы видите постольку, поскольку находите в них ответ вот этому копанию в себе. Посмотрите, каким Вы стали нетерпимым ко всему несопадающему с Вашими взглядами, понятиями. У Вас это не простая раздражительность, это именно нетерпимость. Вы разучились вникать в мысли, Вашим мыслям несозвучные. Поэтому Вы каждого непонимающего или несогласного с Вами считаете глупым. [...] У Вас это болезненное, — это, безусловно, связано с Вашим общим состоянием. Что-то сейчас в Вас атрофировалось, и Вы оторвались от живого мира. [...] Вы по жизни идете рассеянно, никого и ничего не видя. С этим Вы не выберетесь из того состояния, в котором Вы сейчас. И если хотите выбраться, поработайте немного над собой. [...] за Вас этого никто не может сделать. [...]

Вы ко мне хорошо относитесь, мне верите. Но хоть одним глазом Вы попробовали взглянуть на меня? А я сейчас на краю. Еще немного, и не выдержу этой борьбы с Вами и за Вас... Вы сами знаете, что Вам нельзя [пить]. Я это знаю не меньше Вас. Я на стену лезу, чтобы помочь Вам выбраться, а Вы? Захотелось пойти встряхнуться, ну и наплевать на все, на всех. «Мне этого хочется...» (это не в упрек, просто я хочу, чтобы Вы поняли положение). А о том, что Вы в один день разрушаете добытое борьбой, что от этого руки опускаются, что этим Вы заставляете опять сначала делать, обо всем этом Вы ни на минуту не задумываетесь. Я совершенно прямо говорю, что такую преданность, как во мне, именно бескорыстную преданность Вы вряд ли найдете. Зачем же Вы швыряетесь этим? Зачем не хотите сохранить меня? [...] я держусь 7 месяцев, продержусь еще 1–2 месяца, а дальше просто сдохну. А я еще могла бы пригодиться Вам, именно как друг. [...] А сейчас я уже почти дошла. Хожу через силу. Не плюйте же в колодезь, еще пригодится. Покуда Вы не будете разрушать то, что с таким трудом удается налаживать, я выдержу. Я нарочно это пишу, и пишу, отбрасывая всякую скромность, о своем отношении к Вам. Поймите, постарайтесь понять и помогите мне, а не толкайте меня на худшее.

Только это вовсе не значит просто уйти от меня, от этого мне лучше не будет, только хуже. Это значит, что Вы должны попробовать считаться с нами (Г. Бениславская имеет в виду себя и сестру Есенина Катю. — А. П.) [...] с душой других людей, тех, кем Вы, по крайней мере, дорожите. Вы вовсе не такой слабый, каким Вы себя делаете. Не прячьтесь за безнадежность положения. Это ерунда! Не ленитесь и поработайте немного над собой: иначе потом это будет труднее...»

Бениславская хлопочет об отправке Есенина в Крым — на лечение... Но он внезапно исчезает. Ни с кем не попрощавшись. И оказывается не в Крыму, а в Ленинграде. И только оттуда сообщает Гале о своем месте пребывания (при этом всячески расшаркиваясь: извините, очень люблю, очень дорожу и пр. и пр.).

Есенин не хочет лечиться — он хочет работать. И надеется, что в Ленинграде это можно будет делать успешнее, чем в Москве. В Ленинграде — друг Сахаров, у которого просторная квартира с прекрасной библиотекой, а главное, там нет «Стойла».

Странно было бы предположить, что Есенин, переменив обстановку, так сразу и перестал быть самим собой. Перед выступлением в зале Лассаля его еле-еле удалось отыскать в ближайшей пивной. К началу он, конечно, опоздал. Вышел на сцену нетрезвым. Поначалу нескакую-то околесицу. Но как только начал читать... каждое стихотворение встречалось громом аплодисментов. После окончания вечера толпа поклонниц вынесла его на руках (чуть не задушив его же галстукон).

В целом время пребывания в Ленинграде (до начала мая), кажется все-таки прошло относительно благополучно.

«Товарищ Галя! Сережа чувствует себя превосходно. Совершенно спокоен — ни дебошей, ни галлюцинаций. Хороший сон, хороший аппетит» (из письма А. Сахарова Г. Бениславской от 2 мая 1924 г.)

«Милый Сергей Александрович.

До чего я обрадовалась, когда вчера мне позвонил Шнеерзон[124] (кажется, так его фамилия), сказал, что Вы здоровы, почти не пьете, что через три дня выходит «Москва кабацкая». [...] «Стойло», к моей неопишуемой радости, закрыто» (Г. Бениславская — С. Есенину, 28 апреля 1924 г.).

Но Есенин, в отличие от Гали, не обрадовался закрытию «Стойла» — ведь это был источник дохода. И со свойственной ему в это время подозрительностью, решил, что Мариенгоф непременно обманет его с деньгами. Поэтому пришлось отказаться от планов работы в Ленинграде и срочно выехать в Москву. Он вернулся в столицу 9(10) мая... А 12 мая в Ленинграде у Есенина родился сын.

«Я все себе позволил». Если это отрефлектировано, это тоже не способствует душевному здоровью.

Моя встреча с Есениным (вставная новелла)

Как-то в самом начале 1960-х гг. мы с моим приятелем, шатаясь по Крыму, вдруг услышали истошный вопль: «Я вам не товарищ!» Вопль доносился из ближайшего шалмана. «Алик!» — уверенно сказал мой спутник и потащил меня в этот шалман. За столиком сидел и скандалил... Есенин. Только немного постаревший, и волосы лежали по-другому. Но черты лица абсолютно те же, те же глаза с сумасшедшинкой. (Я знала все опубликованные к тому времени фотографии Есенина). И необузданный темперамент, и явное равнодушие к спиртному, и презрение к бонтону — все напоминало об отце. Представлять мне этого человека не было надобности — я сразу поняла, кто передо мной.

Когда много лет спустя, уже в другой жизни, я прочитала воспоминания Галины Бениславской о ее первой встрече с Есениным, я поразилась сходству наших впечатлений. «Ветер», «стихия» — вот первые слова, пришедшее в голову и ей, и мне...Итак, я, с четырнадцати лет бредившая стихами Есенина, с Есениным встретила. Ну, разве не сказка?

Познакомившись потом с матерью Александра Сергеевича, я еще раз поразила: ни одной общей черты. Как будто Сергей Александрович произвел сына на свет самостоятельно, не прибегая ни к чьей помощи. На самом деле все было, как теперь принято говорить, «с точностью до наоборот».

Надежда Давыдовна Вольпин любила Есенина страстно, глубоко... какие еще есть эпитеты? Добавляйте сами — не ошибетесь... И хорошо понимала: то, что испытывает к ней Сергей, — в лучшем случае «чувственная дрожь». (Хотя Есенин уверял, что любит, но «по-своему». Он действительно добивался ее довольно долго... одновременно с другими.) Чтобы избавиться от этой мучительной любви, она решила сделать ход конем — перенести свое чувство к Есенину на его ребенка. И уехать с ним в Ленинград.

Есенин категорически возражал. (Его, конечно, тоже можно понять: четвертый ребенок был ему совершенно ни к чему.) Надя уверяла, что она все берет на себя и никогда ничего у него не попросит. Физиономия Есенина продолжала оставаться кислой. Тогда Надежда Давыдовна благородно добавила: если ты не хочешь ребенка ни на каких условиях, то ребенка не будет. Тут Есенин сменил пластинку: да я, мол, что, мне тебя жалко, ты загубишь свою молодую жизнь. Но этого она уже не слушала.

Человечество много обязано решимости и мужеству Надежды Давыдовны Вольпин. Ее сын Александр Сергеевич Есенин-Вольпин — один из самых крупных математиков XX в., специалист по математической логике (существует теорема Есенина-Вольпина), философ-скептицист, отрицающий все принимаемые на веру абстрактные понятия. Инициатор и организатор правозащитного движения в СССР. О нем, так же как в свое время о его отце, ходили легенды. Вот одна из них, услышанная в московской пивной после организованной им первой в СССР нелегальной правозащитной демонстрации 5 декабря 1965 г. на площади Пушкина: «У Есенина есть сын. Он организовал демонстрацию. Тысячи человек шли за ним по улице Горького, и каждый нес плакат. (Понятно, что ничто такое в 1965 г. было невозможно. — Л. П.) Потом он вошел в КГБ, бросил на стол список и сказал: «Здесь имена всех участников, но брать не смейте. За все отвечаю я». Никого, бля, не боится».

Он действительно никого и ничего не боялся, и потому более 6 лет провел в советских лагерях, тюремных «психушках» и ссылках. (И при Сталине, и при Хрущеве.) Он вел себя — в тоталитарной стране и, в отличие от своего отца, не имея высоких покровителей — как совершенно свободный человек. Как-то в Одессе на международном симпозиуме по математической логике к нему подошел иностранный корреспондент и спросил: «Как Вы относитесь к советской власти?» — «У советской власти единственный недостаток, — ответил Александр Сергеевич, — ее не существует». Он хорошо понимал, чем может обернуться для него эта острота.

И он единственный из детей Есенина унаследовал его поэтический дар. Не лирический и песенный. Затрагивающий совсем иные струны, но тоже пронзительный и трагический. (А какие-то мотивы — с поправкой на время — и совпадают: «... Подрастая я был убежден/, Что вся правда откроется мне —/ Я прославлюсь годам к тридцати/ И, наверно, умру на Луне!// — Как я много ждал! А теперь/Я не знаю, зачем я живу, / И чего я хочу от людей, / Населяющих злую Москву».[125])

Советский «самиздат» не представим без стихов Вольпина. (Под стихами он никогда не ставил фамилию Есенин, только Вольпин).

*О сограждане, коровы и быки!
До чего вас довели большевики!
...Но еще начнется страшная война,
И другие постучатся времена...
Если вынесу войну и голодок,
Может быть, я подожду еще годок,
Посмотрю на те невзрачные места,
Где я рос и где боялся так хлыста,
Побеседую с остатками друзей
Из ухтинских и устьвымских лагерей, —
А когда пойдут свободно поезда,
Я уеду из России навсегда!
...Но окажется, что Запад стар и груб,
А противящийся вере просто глуп,
И окажется, что долгая зима
Выжгла ярость безнадежного ума.
И окажется — вдали от русских мест
Беспредметен и бездушен мой протест!..
...Что ж я сделаю? Конечно, не вернусь!
Но отчаянно напьюсь и застрелюсь,
Чтоб не видеть беспощадной простоты
Повсеместной безотрадной суеты,
Чтоб озлобленностью мрачной и святой
Не испортить чьей-то жизни молодой,
И вдобавок чтоб от праха моего
Хоть России не осталось ничего!*

Караганда — Москва, апрель 1952 — октябрь 1953.

«Пойдут свободно поезда». Никто из нас не надеялся дожить до этого. Но Александр Сергеевич, будучи ученым, знал: только неправдоподобные теории оказываются верными.

В отличие от своего отца, он не питал никаких сентиментальных чувств к стране негодяев. И дело не только (не столько) в разнице детских воспомина-

ний («Никогда я не брал сохи...»). Сергей Александрович провел в советских тюрьмах в общей сложности две, от силы три недели. Александр Сергеевич — годы. Сергей Александрович задыхался от недостатка свободы. Но он еще мог кричать об этом в стихах и требовать ее от властей. Александр Сергеевич, для которого тоже «...одна только цель ясна,/Неразумная цель свобода», «кричал», но уже не в печати, и за каждый такой «крик» расплачивался так, как его отцу и в самых страшных снах не снилось.

*...И когда «мечту всех времен»,
Не нуждающуюся в защите,
Мне суют как святой закон
Да еще говорят: любите, —
То хотя для меня тюрьма —
Это гибель, не просто кара,
Я кричу: «Не хочу дерьма!»
...Словно, я не боюсь удара...*

1946 г.

Когда поезда за рубеж пошли еще не совсем свободно, но все-таки пошли, Александр Сергеевич уехал одним из первых. И хотя Запад «стар и груб», он там не застрелился и не спился. Ведь у него всегда был (и есть) мощный якорь — наука. В отличие от поэзии, она не нуждается в родной почве. Многие годы преподавал в Бостонском университете в США. Ныне — на пенсии.[126]

«В своей стране я словно иностранец...»

Закончив, очевидно, дела со «Стойлом», Есенин впервые после возвращения из-за границы едет в Константиново. По свидетельству Мариенгофа, он собирался пробыть там недели полторы — две, но пробыл только три дня. Почему? Всегда трудно сказать, почему человек поступает так, а не иначе. Чужая душа — потемки. А уж запутанная, запутавшаяся, больная душа Есенина и по-давно. Это у бездаря Мариенгофа все просто: не любил он на самом деле деревню, в стихах — все вранье. (Попробовал бы сам так соврать!) После фешенебельных отелей Европы и Америки не комфортно ему стало в деревенской избе? Но этим же летом он еще раз приедет в Константиново на более долгий срок. Не было там условий для работы? А где они у него были? «Охота к перемене мест» как следствие постоянного внутреннего беспокойства, невозможности нигде найти себя? Вот это уже, кажется, ближе к истине. Но главное, наверное, все-таки в другом. Это была попытка — еще раз воспользуемся словами М. Цветаевой — «вернуться в дом, который скрыт». И разумеется, попытка эта провалилась. «Той России нету, как и той меня» (это опять-таки Марина Цветаева). А вот — Есенин: «Как много изменилось там [...] На стенке календарный Ленин/ Здесь жизнь сестер, / Сестер, а не моя [...] Ах, милый край! / Не тот ты стал, / Не тот / Да уж и я, конечно, стал не прежний».

Летом того же 1924 г. Есенин, кроме «Возвращения на родину», которое мы процитировали, напишет еще одну маленькую поэму — «Русь советская»... Ох, Сергей Александрович, но ведь это же оксюморон, все равно что твердая жидкость. Если Русь — то не советская. А если советская, то не Русь — СССР, РСФСР, Страна Советов — как угодно, но только не Русь... Или Вы это специально? В. А. Мануйлов,^[127] слышавший, как поэт читает эту поэму, говорит о лукавой иронии, слегка пренебрежительной насмешке, чуть вызывающей интонации, слышавшихся в модуляциях голоса Есенина.

*Я вновь вернулся в край осиротелый.
В котором не был восемь лет.[128]*

*Я никому здесь не знаком,
А те, что помнили, давно забыли.
И там, где был когда-то отчий дом,
Теперь лежит зола да слой дорожной пыли.*

*А жизнь кипит.
Вокруг меня снуют
И старые и молодые лица.
Но некому мне шляпой поклониться,
Ни в чьих глазах не нахожу приют.*

*Но голос мысли сердцу говорит:
«Опомнись! Чем же ты обижен?
Ведь это только новый свет горит
Другого поколения у хижин».*

*Уже ты стал немного оцветать,
Другие юноши поют другие песни.
Они, пожалуй, будут интересней —*

Уж не село, а вся земля им мать.

*Ах, родина, какой я стал смешной!
На щеки впалые летит сухой румянец,
Язык сограждан стал мне как чужой,
В свой стране я словно иностранец.*

*С горы идет крестьянский комсомол,
И под гармонику, наяривая рьяно,
Поют агитки Бедного Демьяна,
Веселым криком оглашая дол.*

(Рассказывают, что, когда Есенин читал эти строчки, он «Бедный» произносили не как фамилию, а как эпитет.)

*Вот так страна!
Какого ж я рожна
Орал в стихах, что я с народом дружен?
Моя поэзия здесь больше не нужна,
Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен.*

*Цветите, юные, и здоровейте телом!
У вас иная жизнь, у вас другой напев.
А я пойду один к неведомым пределам,
Душой бунтующей навеки присмирив.*

«Свежий советский ветер опажнул большую творческую душу Есенина, изболевшую, искалеченную кабацким надрывом», — писали благожелательно настроенные к поэту советские критики. Что-то мы не заметили этого «свежего ветер», опажнувшего душу Есенина. Кажется, даже тот ветер, про который он говорил: «Ты такой же, как я хулиган», был ему милее и созвучнее. З. Гиппиус, ставшая недругом Есенина, пишущая о нем со злой иронией, но критик умный и проницательный, на наш взгляд, ближе к истине: «...Есенин, в похмельи, еще бормочет насчет «октября», но уже без прежнего «вздыба». И в другой статье: «В стихах с родины [...] он вдруг говорит об ощущении своей «ненужности». Вероятно, это было ощущение более страшное: своего... уже «несуществования»».

«Один к неведомым пределам» — это можно заявить, но жить-то с этим как? Неудивительно, что Есенин все чаще и чаще (и в действительности, и в стихах) задумывается о смерти. А лирика его становится все грустнее и грустнее. Стихотворение «Отговорила роща золотая...» тоже навеяно этим кратким приездом в Константиново. (Через полтора года М. Осоргин сделает эту строчку заголовком своего некролога Есенину.)

*Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова.
И если время, ветром разметая,
Сгребет их все в один ненужный ком...
Скажите так... что роща золотая
Отговорила милым языком.*

На стихи не проживешь. А кроме того — чего греха таить, — Есенина не покидает желание занять подобающее место в советской литературе. И в 1924 г. он пишет две историко-революционные поэмы «Песнь о великом походе» и

«Поэму о 36». Большинство критиков похлопывали поэта по плечу: шаг вперед по сравнению с кабацкими стихами, «правда, он еще не смотрит на современность по-пролетарски», но уже можно надеяться...». Были ли эти поэмы сделкой с совестью? Отнюдь. Ничего похожего на «хорошо-с!» (так с легкой руки Ю. Тынянова современники называли поэму Маяковского «Хорошо!») там нет. «Песнь о великом походе» состоит из двух частей: первая — эпоха Петра; вторая — революция и Гражданская война. Обе — «вздыбили» Россию. Обе действовали одинаковыми методами. «Я из Петра большевика сделаю», — говорил сам Есенин. В конце поэмы тень Петра бродит над Невой. В окончательном тексте, где Есенин был вынужден учесть «пожелания» редактора, она «грозно хмурится», глядя на «кумачовый цвет/В наших улицах». У Есенина первоначально было — «любуется». В любом варианте появление тени Петра в Петрограде говорит о том, что Петр смотрит на дело рук своих. Иначе: корни революции — в петровской эпохе.

Точнее всех понял поэму Н. Асеев (хотя в ситуации 1924 г. мог бы и промолчать): «Есенин [...] написал... поэтическую иллюстрацию к сменовеховской теории проф.[ессора] Устрялова. [...] запоздалое приравнение коммунизма к петровской дубинке».

Хорошо, если читатель знает, кто такой Устрялов и что такое сменовеховство. А если — нет? Мировоззрение Есенина в это время — сознательно или бессознательно (скорее второе) — действительно в какой-то степени близко к сменовеховскому. Так что это за фрукт такой? Конечно, проще всего было бы сказать: не наше это дело заниматься ликбезом и отослать к соответствующей литературе. Да знаем мы своего читателя, не полезет он ни в какие справочники и энциклопедии, а тем паче монографии. Что ж, не желаете слушать специалистов, послушайте дилетанта.

Сменовеховство родилось в среде русской эмиграции в начале 20-х гг. Название полемично по отношению к известному дореволюционному философскому сборнику «Вехи», авторы которого выступили с критикой революционно-социалистической идеологии русской интеллигенции. Надо «сменить вехи», то есть от борьбы с большевиками перейти к их поддержке. Корни русской революции — в истории России. Большевики только воспользовались тектоническими процессами. Воспользовались дурно (разрушили храмы, поиздевались над крестьянством). Но теперь (имеется в виду НЭП) встали на путь исправления. И теперь наша задача не бороться с ними, а всячески помогать им совершенствоваться. Потому что только они способны создать сильную державу. А только в сильной державе может процветать искусство. (Ой ли?) Надо не сидеть в эмиграции, а ехать в Россию, чтобы помочь усилить национальную струю в идеологии. (Не «Интернационал» должен быть гимном России.) Себя сменовеховцы называли национал-большевиками. (Наши современные национал-большевики ведут свою родословную именно от них.) Главным идеологом сменовеховства был Устрялов Николай Васильевич (1890–1937). Троцкий и Луначарский всячески поддерживали сменовеховство [129].

Есенин работает над поэмой серьезно, с полной отдачей. Каждый день до двенадцати, не выходя из комнаты. «И пить не хочется», — передает его слова ленинградский поэт-имажинист, друг Есенина В. Эрлих, «...живу скучно, только работаю. Иногда выпиваем, но не всегда. Я очень сейчас занят. Работаю во-

всю, как будто тороплюсь, чтобы поспеть» (С. Есенин — Г. Бениславской из Ленинграда в Москву).

Но вот поэма почти закончена. И тут уж Есенин, как сказали бы сейчас, «отрывается по полной программе». «Дорогой Иван Михайлович, выручай! Не выпускают. Пришли 100 рублей. Сергей» — эту записку И. М. Майскому (сотруднику журнала «Звезда») вручил какой-то неизвестный ему, подозрительный с виду человек, сначала не желавший говорить, где именно находится Есенин. Но Майский побоялся отправить деньги с ним (в те времена это была довольно крупная сумма), «подверг посланца тщательному допросу» и, выяснив, где Есенин, поехал к нему сам. «...из угла ко мне бросился Есенин. Но в каком виде! На нем была какая-то пестрая рубашка, белые кальсоны и тапочки на босу ногу. Волосы взъерошены, лицо бледное и испитое. «Ну, слава Богу, вы приехали! — воскликнул Есенин. — Я не смел просить Вас об этом». [...] Несколько минут спустя Есенин ехал со мной на извозчике. На нем был затрепаный костюм с чужого плеча — узкий и короткий, который соблаговолила дать ему «хозяйка». Мне очень хотелось сказать Есенину то, что он заслуживал, но я взглянул на него и не решился... Горячая волна захлестнула мою душу: я чувствовал к нему и тревожную любовь, и острую боль. Мне был бесконечно дорог этот бледный, осунувшийся юноша, в котором так ярко горел большой, искромётный талант».

«Большой искромётный талант» — все критики, даже недоброжелатели Есенина, отмечали огромное мастерства автора «Песни». Тот же Асеев писал: «...достоинству «Песни» много. Великолепно использованы революционные частушки, очень хорошо ведётся основная линия размера, вещь нигде не рывается, она действительно полна мелодийно-повествовательного пафоса». Но точнее всех, по нашему мнению, отозвался о «Песне» В. Вольпин[130] в личном письме к Есенину. «Она [«Песня о великом походе»] меня очень порадовала несколькими своими местами, почти предельной музыкальной напевностью и общей своей постройкой. Хотя в целом, надо сказать, она не «есенинская». Вы понимаете, что я хочу этим сказать?»

Понять-то Есенин понял, (он был сметлив), а вот согласился ли? Не захотел согласиться. Иначе вслед за «Песней» не написал бы «Поэму о 36» — о победе участников революции 1905 г. из Шлиссельбургской крепости. В основу этой вещи положены воспоминания Ионова.[131] И собственные (конечно, не о победе, а о революции 1905 г.). Одного из учителей Константиновской школы (у Есенина были с ним близкие отношения) взяли под стражу прямо во время урока. В 1913 г. он писал Грише Панфилову: «Куда ни взгляни, взор всюду встречает мертвую почву холодных камней, и только и видишь серые здания да пеструю мостовую, которая вся облита кровью жертв 1905 г.». Позже, в Петрограде, Есенин познакомился с народовольцем-шлиссельбуржцем Германом Александровичем Лопатиным.

И этой поэмой сам Есенин остался доволен. Она тоже написана пером большого мастера...Но в еще большей степени не «есенинская».

«Никогда я не был на Босфоре...»

«Охота к перемене мест» прочно завладела поэтом. 3 сентября 1924 г. он, воспользовавшись давним приглашением П. И. Чагина, выехал в Баку. Чагин обещал, кроме Азербайджана, показать поэту Персию. Есенину почему-то казалось, что, побывав в Персии, он лучше поймет восточную поэзию и философию. (Как он надеялся это сделать без знания языка?) А почему бы и не поехать? Ничто не привязывало Есенина к Москве, ведь у него там не было ни дома, ни семьи. Правда, перед отъездом у Есенина появилась новая пассия — Анна Абрамовна Берзинь, [132] но такие «мелочи» никогда его не останавливали.

«Милая, любимая Абрамовна!

Прости, прости.

Уезжаю — года на два. Не ищи. Только помоги.

Так нужно. [...] Люблю тебя, люблю.

Прощай.

Сергей».

«Еду с радостью в надеждах хорошо отдохнуть», — сообщал Есенин своему приятелю В. П. Яблонскому. Отдохнуть от чего? От работы? Но Есенин знает: где бы он ни находился, он не расстанется с «лирой милой». От московских кабаков? Да, в какой-то степени он надеялся на Кавказе «забыть ненужную тоску/ И не дружить вовек с богемой». Но от себя не уедешь — в глубине души он не мог этого не понимать.

В последнее время все громче и громче раздаются голоса: от преследований. Есенину действительно казалось, что за ним все время следят. Было ли это только порождением больной фантазия поэта? «...Лучше об этом не думать, ибо кто знает, что скрывалось у Есенина за этой манией преследования и что это была за болезнь», — писал А. К. Воронский. [133] Сказать больше в 1926 г. было невозможно.

А вот документ, опубликованный уже в наши дни: [134] «Начальнику СО ОГПУ тов. Дерibasу. Агентурно-осведомительная сводка по 7 отделению СО ОГПУ за 2 января 1926 г. [sic!].

В Москве функционирует клуб литераторов «Дом Герцена» (Тверской бульвар, 25), где сейчас главным образом собирается литературная богема и где откровенно проявляют себя Есенин, Большаков, Буданцев [135] (махровые антисемиты) [далее называются еще некоторые фамилии. — Л. П.] и прочая накипь литературы. Там имеется буфет, после знакомства с коим и выявляются их антибольшевистские инстинкты [...]» (На сводке — резолюция: «Покойников можно оставить в покое».)

Более ранние агентурные донесения нам неизвестны, но можно не сомневаться: они были... А за кем из писателей тогда не следили? Есенин, как очень крупная фигура, наверное, пользовался особым вниманием Большого брата. Но — будем объективны — и прощалось ему больше, чем другим.

В первых числах сентября — Есенин в Баку. Там он неожиданно сталкивается с Блюмкиным, ставшим к тому времени членом коллегии Закавказского ГПУ. Блюмкин бешено приревновал поэта к своей жене. (Были ли к тому основания — неизвестно.) Дошло до того, что он поднял на Есенина пистолет. Зная повадки этого человека, Есенин перепугался не на шутку и срочно выехал в

Тифлис.

Сторонники версии о насильственной смерти Есенина утверждают, что история с женой — выдумка, ее вообще в то время якобы не было в Баку. (Возможно, то была не жена, а какая-то другая дама, на которую Блюмкин положил глаз, — какая разница.) На самом деле, мол, Блюмкин получил задание, если не убить Есенина, то, во всяком случае, сильно напугать его. Между тем опубликованная справка Центрального архива ФСБ гласит: документами «о преследовании С. Есенина Я. Блюмкиным по заданию ГПУ архив не располагает». (Есть и еще одна версия: Блюмкин был лично зол на Есенина за строчку «Не расстреливал несчастных по темницах», в которой он усмотрел намек на себя.)

Вернулся Есенин в Баку через 10 дней. С пистолетом. И по некоторым сведениям, Чагин приставил к нему охрану. (Вернуться было совершенно необходимо: Есенин впопыхах оставил в Баку все свои вещи.) Почти каждый день «Бакинский рабочий» печатает его стихи. Почти каждый вечер — выступления. И в больших аудиториях, и в редакции газеты. Об одном из таких выступлений (в редакции) вспоминает вышеупомянутый В. Мануйлов: «Народу было много. Сидели на стульях, столах, подоконниках, стояли в дверях. А Есенин, ни на кого не глядя, облокотившись на редакционный стол, совсем тихо, вполголоса читал свои недавно написанные стихи. Раньше я никогда не слышал, чтобы он читал так, замкнувшись в себе, как бы только для себя. [...] ни озорства, ни улыбки уже не было.

*Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благодать.
Может быть, и скоро мне в дорогу
Бренные пожитки собирать.*

*Милые, березовые чащи!
Ты, земля! И вы, равнин пески!
Перед этим сонмом уходящих
Я не в силах скрыть своей тоски.*

Или:

*Этой грусти теперь не рассыпать
Звонким смехом далеких лет.
Отцвела моя белая липа,
Отзвенел соловьиный рассвет.*

В комнате стояла настороженная тишина. Никто бы не решился прервать Есенина каким-нибудь вопросом. Конечно, никто по окончании чтения не аплодировал. Мы не понимали причины глубокой депрессии Есенина, но чувствовали, как ему трудно, в каком он состоянии».

Остаться в одном городе с Блюмкиным Есенину не хотелось, и вскоре он снова выезжает в Тифлис.

В Тифлисе Есенин начинает работать над циклом «Персидские мотивы». Он закончит его только через год — в следующий приезд на Кавказ. Поговорим пока о том, что написано в 1924 г. А что, собственно, говорить? Эти стихи прекрасны. Как музыка Моцарта. Как лучшие строчки Пушкина. Как восход солнца на Ай-Петри. Цитировать? Но кто же не помнит наизусть:

*Я спросил сегодня у менялы,
Что дает за полтумана по рублю,
Как сказать мне для прекрасной Лалы
По-персидски нежное «люблю»?*

Или:

*И на дверь ты взглядывай не очень,
Все равно калитка есть в саду...
Нездаром мне мигнули очи,
Приоткинув черную чадру.*

«Этот, это написал?» — удивлялась Цветаева стихам еще совсем юного Есенина. Этот усталый и измученный и немножко сумасшедший и больной человек написал эти стихи, из которых словно исходит сияние? «Чтобы так писать, надо так чувствовать» (М. Цветаева). Пока еще Есенин не перестал любить «все, что душу облекает в плоть».

Похоже, что «перемена мест» все-таки в какой-то мере пошла Есенину на пользу («Улеглась моя бывшая рана,/Пьяный бред не гложет сердце мне»). Он скучает по России, по близким (особенно по младшей сестренке Шуре — он любил ее больше всех своих детей, она напоминала ему собственную «утраченную юность», но совершенно не рвется в Москву. Почти во всех письмах с Кавказа — «вернусь не скоро», «...делать мне в Москве нечего. По кабакам ходить надоело».

*Я из Москвы надолго убежал:
С милицией я ладить
Не в сноровке.
За всякий мой пивной скандал
Они меня держали
В тигулевке.[136]*

В письме Рите Лившиц: «Живу скучно. Сейчас не пью из-за грудной жабы. [137] Пока не пройдет, и не буду. В общем, у меня к этому делу охладел интерес. По-видимому, в самом деле я перебесился. Теперь жену, балалайку, сесть на дрова и петь [...] «Прошли золотые денечки». Ну, да это успеем сделать по приезде в Русь».

Ну а пока на Кавказе, когда приступы отступали, пивные (скорее, «винные») скандалы случались. (Мемуаристы говорят об этом очень глухо, сам Есенин в письмах тоже особенно не распространяется.) Были и «тигулевки». Но на Кавказе Есенин — гость. А кавказское гостеприимство известно. О нем заботились, оберегали. Если он пропадал — тут же начинали искать и вовремя вытаскивали из погребков и «тигулевок».

Из Тифлиса Есенин собирается в Персию. («Зачем черт несет, не знаю») И зовет с собой Анну Берзинь. (Как он надеялся достать для нее визу?) Галина Бениславская нужна в Москве, и не только для того, чтобы заниматься его издательскими делами, но и присматривать за сестрами. (С осени 1924 г. в Москву — по инициативе Есенина — перебралась и тринадцатилетняя Шура.) Письма к Бениславской этой поры поражают своей сухостью. «Милая Галя!», а дальше: сделайте то-то и то-то... и длинный список поручений. Ни одного ласкового слова. Только совет: «Не баловаться». А Анне Берзинь полные нежности весточки отправляются регулярно. Когда нет времени на письмо или уже

больше нечего сказать, тогда телеграмма: «Привет любовь и прочее Есенин». Впрочем, она тоже не остается в долгу («Сережа! Солнышко! Люблю Вас так же, а может быть, даже больше, не знаю»).

С Персией ничего не выгорело... Ну, тогда, на худой конец, пусть будет Турция. Один из членов Закавказского правительства, большой поклонник Есенина, дал ему письмо к начальнику Батумского порта с просьбой посадить поэта на какой-нибудь торговый пароход, курсирующий по маршруту Батум — Константинополь — Батум. Матросом.

Еще в Тифлисе, во время поездки в горы и посещения духана, Есенин в легком пальто («а в горах зверский холод») «развеселился» и сел на автомобиль верхом около передних колес. Так проехали 18 верст. Все это время Сергей Александрович играл на гитаре и пел песни. «И напел»... В Батуме, в гостинице, где он остановился вместе с Вержбицким,[138] Есенин сразу же слег. И тут же стал уверять Вержбицкого, что у него чахотка и он скоро умрет. Хотя врач диагностировал всего лишь ангину.

То ли сам Есенин испугался «чахотки», то ли по каким-то другим причинам, но поездка в Константинополь, к счастью, тоже не состоялась. Мы говорим, к счастью потому, что почти трехмесячное пребывание в Батуми стало для Есенина его «болдинской осенью». «Работается и пишется мне дьявольски хорошо», «Я чувствую себя просветленным, не надо мне этой глупой шумливой славы, не надо построчного успеха. Я понял, что такое поэзия. Не говорите мне необдуманных слов, что я перестал отделять стихи. Вовсе нет. Наоборот, я сейчас к форме стал еще более требователен. Только я пришел к простоте [...]. Путь мой, конечно, сейчас очень извилист. Но это прорыв. [...] Я один. Вот и пишу и пишу. Вечерами с Левой[139] ходим в театр или ресторан. Он меня приучил пить чай. И мы вдвоем с ним выпиваем только две бутылки вина в день. За обедом и за ужином. Жизнь тихая, келейная. [...] Так много и легко пишется в жизни очень редко. [...] Назло всем не буду пить, как раньше. Буду молчалив и корректен. Вообще хочу привести всех в недоумение. Уж очень мне не нравится, как все обо мне думают. Пусть выкусят. Весной, когда приеду, я уже не буду никого подпускать к себе. Боже мой, какой я был дурак. Я только теперь очухался. Все это было прощание с молодостью. Теперь будет не так».

Увы, хронический алкоголизм — болезнь практически неизлечимая. Ни в XX, ни в XXI в. (Не верьте, девушки, ни обещаниям «завязать», ни рекламе, гарантирующей исцеление.) Но при благоприятных обстоятельствах она может на время... хотелось написать: отступить... да наткнулись мы на письмо Есенина из Батуми: «Я здесь еще один раз познакомился со 2-м отделением милиции». Ну, значит, не совсем отступить, но хотя бы перестать требовать постоянной дани. Повицкий установил такой режим: до 3 часов дня он запирает Есенина в своей квартире. Он не может выйти из дома, и никто не может к нему войти. В три часа они вместе идут обедать. После обеда Сергей Александрович волен делать что угодно.

Этих дневных часов Есенину хватило, чтобы дополнить несколькими шедеврами цикл «Персидские мотивы», написать стихотворения «Цветы», «Льву Повицкому», «Батум», маленькие поэмы: «Письмо деду», «Мой путь» и др. Начать и вчерне окончить «Анну Онегину». Сам Есенин считал эту вещь лучшим из всего созданного к тому времени.

Если бы нам довелось объяснять школьникам, что такое лиро-эпическое произведение, мы бы сделали это на примере «Анны Онегиной». «Евгений Онегин» и «Мертвые души» относятся к этому жанру из-за наличия в них лирических отступлений. У Есенина лирическое начало и сюжет (эпос) неразделимы. Время действия — 1917–1918 гг., а потом 1924 г. Ретроспективно говорится и о Первой мировой войне, и о войне Русско-японской, и о дореволюционной деревне (эти места поэмы заставляют вспомнить о ранней есенинской повести «Яр»). Точнее, не «говорится», а говорит лирический герой по имени Сергей. Поэма написана по автобиографическим мотивам. (За что автор и получил нагоняй от восходящей звезды нашего литературоведения: зачем не сообщил ему подлинных фактов своей жизни?) Совершенно невозможно провести границы: вот здесь рассказывается о событиях в деревне, а здесь о жизни и внутреннем мире Сергея. И это лучшее доказательство того, что автор — подлинный «крестьянский сын» не в анкетном, а в сущностном понимании этих слов. Еще в 1919 г. И. Эренбург писал: «Деревня, захватившая все и безмерно нищая, с пианино и без портков, взявшая в крепкий кулак свободу и не ведущая, что с ней, собственно, делать, деревня революции — откроется потомкам не по статьям газет, не по хронике летописца, а по лохматым книгам Есенина». В 1924–1925 гг., в зените своего таланта, обогащенный опытом послереволюционных лет, Есенин в «Анне Снегиной» создал подлинную энциклопедию деревенской жизни (самые разные типы крестьян) и — одновременно — поэму-исповедь. (Не хронику!) Трагическая по материалу, это, по общему впечатлению, самая светлая из поэм Есенина. Ибо построена на самом светлом, что было в жизни поэта, — воспоминаниях юности. И хотя Анна Онегина говорит: «Сергей!/ Вы такой нехороший,/ Мне жалко / Обидно мне, / Что пьяные Ваши дебоши / Известны по всей стране", в действительности в 1917–1918 гг. никто не мог сказать этого Есенину — ни пьянства, ни дебошей еще и в помине не было. Кажется, что «Снегина» написана не автором «Москвы кабацкой», а автором «Радуницы», поднявшимся на новую ступень мастерства. Чистые воспоминания, ничем не замутненные, — это всегда источник живительных сил, света.

«Читая ее [«Анну Снегину»], испытываешь чувство, словно сидишь летом, в жаркий, палящий полдень в прохладном саду под тенью ветвистого, душистого дерева. Безоблачная синева неба. Движутся солнечные узоры. Пенье, гимн природе раздаётся кругом. Так ясно, так покойно, светло...» — писал малоизвестный провинциальный критик В. Галицкий. Критики более именитые в основном поэму не приняли. Обвинения были стандартными для того времени: не понял, не сумел отобразить, неуместный романтизм и т. д. и т. п. А как же иначе, ведь поэма написана с позиций не классовой, а общечеловеческой морали, не тем Есениным, который в 1918 г. кричал: «Я — большевик», а тем, кто давно понял: «Идет совсем не тот социализм». К сожалению, поэму не оценила не только советская, но и эмигрантская критика. Зато оценили читатели. Такова вообще судьба Есенина. Ни один критик не выразился о Есенине так точно и четко, как обычная читательница: «Мне кажется, что Вы владеете тайной простых, нужных слов и создаете из них подлинно прекрасное».

Софья Андреевна Толстая. Персия в Баку. Ссора с Галиной Бениславской

Почти сразу после приезда в Москву в марте 1925 г. Есенин познакомился с Софьей Андреевной Толстой. На дне рождения у Галины Бениславской. Пошел ее провожать, а вернувшись, сказал: «Надо бы поволочиться. Пильняк за ней ухаживает, а я отобью».

После этого он звонит ей ежедневно. И приглашает на квартиру Бениславской, где состоится вечеринка по поводу его отъезда в «Персию».

Софья Андреевна, как и следовало ожидать, влюбилась сразу. Вот как она вспоминает об этом вечере: «Сижу на диване и на коленях у меня пьяная, золотая, милая голова. Руки целует, и такие слова — нежные и трогательные. А потом вскочит и начинает плясать. [...] когда он останавливался и вскидывал голову [...] был почти прекрасен».

В Москве Есенин не пробыл и месяца («Сергей уехал в Баку неожиданно», — сообщила Г. Бениславская В. Эрлиху). Отчего такая спешка? Тем более появилась новая женщина и мысли о женитьбе. «Грузия меня очаровала», — пишет он Т. Табидзе. Да и где жить в Москве? В комнатухе Гали Бениславской? И все-таки, несомненно, была еще одна, более серьезная, причина, заставляющая Есенина бежать из столицы. В ноябре 1924 г. арестовали его друга Алексея Ганина. По очень серьезному делу. Его обвиняли в организации «Ордена русских фашистов». Достоверно известно только то, что он написал «Тезисы», где обличал существующую власть и призывал к ее свержению. Удалось ему и передать их за границу. (Никаких реальных возможностей исполнить задуманное у него, разумеется, не было). Своими планами он поделился с Есениным и даже предложил ему пост министра просвещения в новом правительстве. От этой почетной должности Есенин отказался.

Сам Есенин перед смертью рассказал художнику Мануйлову, что его по делу Ганина вызывали в ЧК. Когда это могло быть? Только во время пребывания в Москве в марте 1925 г. (Напоминаем: с сентября 1924-го по 1 марта 1925 г. Есенин жил на Кавказе.) Ганин на допросе сказал, что он поэт и товарищ Есенина. (Впрочем, в ЧК это знали и без его показаний.) Следователь спросил Есенина, хороший ли поэт Ганин. Есенин, не подумав, ответил: «Товарищ ничего, но поэт говеный». До конца жизни Сергей Александрович не мог простить себе этой фразы. (Хотя, наверное, Ганин все равно был обречен.) Есенин не знал, что еще скажет о нем Алексей на допросах, (по-видимому, Ганин не выдал друга), и счел за лучшее ретироваться.

«Накануне отъезда, совершенно трезвый, он долго плакал. В последний день грустная улыбка, вызывающая в близких жалость и боль, не сходила с его лица. Он действительно походил тогда на теснимого и гонимого» (В. Наседкин).

Приехал Есенин, разумеется, не в Персию, а в Баку. Поселился у Чагина. «Внимание ко мне здесь очень большое. Чагин меня встретил, как брата. Живу у него. Отношение изумительное [...] Я хочу проехать даже в Шираз и, думаю, проеду обязательно. Там ведь родились все лучшие персидские лирики». Не выпустили. (Под предлогом заботы о его же безопасности и здоровье.) «Персидские мотивы» он заканчивает здесь, в Баку.

Неизвестно, что стало бы с его здоровьем в Персии, но в Баку он болеет беспрерывно. 8 апреля сообщает, что у него украли пальто, он простудился и в результате — воспаление надкостницы, «горло с жабой». Через несколько дней больница — подозрение на воспаление легких. Чагин в «Бакинском рабочем» не обижает Есенина публикациями, но в Москву постоянно летят телеграммы: денег, денег, денег. Бениславская в это время в Константинове, и поэтому не сразу откликается на его просьбы. Письма Есенина к ней становятся все более нервными и грубыми («Если сгруппите, выгоню»), достается и сестре Кате.

После выхода из больницы, 1 мая, он читает стихи на приеме, в честь С. М. Кирова. Даже лишенная всякой сентиментальности, заскорузлая душа большевика («Гвозди бы делать из этих людей») дрогнула: от «Персидских мотивов» Киров пришел в неопишуемый восторг. И, как бы искупая вину за то, что автора не пустили в Персию, дает указание Чагину устроить поэту «Персию» в Баку.

«И вот уже на следующий день я такую иллюзия создал, — отчитывается Чагин если не перед Кировым, то перед современниками и потомками. Поселил его на одной из лучших бывших ханских дач с огромным садом, фонтанами и всяческими восточными затейливостями — ни дать ни взять Персия!» Жена Чагина дополняет описание этой восточной обители: «Дача была колоссальная: стройная тополевая аллея, несколько бассейнов. Один бассейн был очень красив, прямо сказочен. Он был огорожен круглой высокой каменной стеной, с чугунной витой решеткой наверху. Есенин часто в нем купался. И учил плавать маленькую дочку Чагина.

Но не в коня корм. Очень скоро Есенин снова в больнице.

С. Есенин — Г. Бениславской 11–12 мая из Баку в Москву:

«Лежу в больнице. Верней, отдыхаю. Не так страшен черт, как его малютки. Только катар правого легкого. Через 5 дней выйду здоровым. Это результат батумской простуды, а потом я по дурости искупался в середине апреля в море при сильном ветре. Вот и получилось. Доктора пели на разный лад. Вплоть до скоротечной чахотки. С чего Вы это, Галя, взяли, что я пьянствую? (А купание в апреле «по дурости», не по пьянке? — Л. П.) Я только кутнул раза три с досады за свое здоровье. Вот и все. Хорошее дело, чтобы у меня была чахотка. Кого хошь грусть возьмет».

Из больницы Есенин вышел действительно скоро. Но не здоровым. И тут же запил напропалую. Потом, в России, друзьям рассказывал о своей болезни в гораздо более пессимистических тонах. Один из таких рассказов записал В. Чернявский: «Его вид, его страшная уже не только похмельная осиплость заставили меня привязаться к нему с разговором о здоровье. Он стал рассказывать о тяжелой простуде, схваченной на Кавказе [...] «Нехорошо было, Володя. Лежал долго (на самом деле — недолго. — Л. П.), харкал кровью. Думал, что уже больше не встану, совсем умирать собрался. И стихи писал предсмертные, вот прочту тебе, слушай [...].

Оглянись спокойным взором, Посмотри: во мгле сырой Месяц, словно желтый ворон, Кружит, вьется над землей.

*Ну, целуй же! Так хочу я.
Песню тлен пропел и мне.
Видно, смерть мою почувал*

Тот, кто вьется в вышине.

*Увядающая сила!
Умирать, так умирать!
До кончины губы милой
Я хотел бы целовать.*

*Чтоб все время в синих дремах,
Не стыдясь и не тая,
В нежном шелесте черемух
Раздавалось: «Я твоя».*

*И чтоб свет над полной кружкой
Легкой пеной не погас —
Пей и пой, моя подружка:
На земле живут лишь раз».*

Но потом Есенин успокоился, стал говорить, что острый процесс позади, что доктора хвалят его организм, что он скоро женится, заработает денег, купит наконец-то квартиру и бросит пить. «Его [Есенина] тоскливость совсем пропала, муть в глазах прояснилась, ресницы по-старинному, уже «по-«Сергунькиному» смеялись».

Суждены нам благие порывы.

* * *

Вернувшись в Москву, Есенин почти сразу же выезжает в Константиново — на свадьбу своего двоюродного брата. Там он напивается, что называется, до белого каления. Извел и измучил всех. Совершенно распоясался, самодурствовал то так, то эдак. В невменяемом состоянии то пускался в пляс, то плакал и приговаривал: «Умру, скоро умру, от чахотки умру». Даже Галина Бениславская, видевшая его во всех видах, вспоминает об этих днях как о сплошном кошмаре: «У меня уже оборвались силы. Я уходила в старую избу, хоть немного полежать, но за мной сейчас же прибежали: то С. А. зовет, то с ним сладу нет». То решил выкупаться в Оке, то ложился на землю (а было очень холодно, земля совершенно сырая). При его состоянии здоровья это могло кончиться летальным исходом. Спасала опять-таки Галя Бениславская.

Когда Есенин уезжал из Константинова, Галина не поехала вместе с ним: просто не было сил. На прощание он поцеловал ее и отбыл вместе с Наседкиным и Сахаровым. Когда через четыре дня Бениславская вернулась домой, Сергея там не оказалось. Выяснилось, что «друзья» рассказали ему, будто бы Галя, пока он отсутствовал, изменяла ему со всеми его приятелями. А еще через два дня явился Есенин — «бить морду». И это при том, что он постоянно говорил ей (и даже писал): «Как женщину я Вас не люблю». Это был уже «перебор». И Галя, терпению которой, казалось, никогда не будет предела, не вынесла.

«Я Вас не люблю» — обычно говорится один раз. А беспрерывно повторять... Зачем? Чтобы дать ей полную свободу? Вот уж нет. Чтобы ничего не требовала? Она и так ничего не требовала. Чтобы не строила никаких иллюзий? Она никогда не переоценивала их отношений... Уж не себя ли он хотел в этом убедить?

Страсти действительно не было. Так он уже и не был способен на «полово-

дье чувств». («Кто сторел, того не подожжешь».) А привязанность была, и очень сильная. Есенин не хотел себе в этом признаться — и заплатил за свою... гордость, свободу... уж не знаем, что еще, — очень дорого.

Письмо Галины Бениславской Екатерине Есениной 15–16 июня 1925 г.

«...явился пьяный Сергей [...] для расправы со мной. Из его слов я поняла, что изменяла ему направо и налево с его же друзьями [...]. Но, главное, что изменяя, я называла себя тем, с кем изменяла, женою Есенина — трепала фамилию. [...] Я сказала, что нам не о чем больше разговаривать.

Да, он собирается жениться на Толстой и вместе с этим говорит [...], что лучше застрелиться, чем на ней жениться и т. д. Все это сплошной бред. Теперь совсем откровенно говорю: я ни в его дела, ни во что вмешиваться не намерена. [...] У врачей он был, надо делать рентгеновские снимки, а он не хочет. (Стало быть, не совсем «нет дела». — Л. П.) [...]

Ты знаешь, я не из тех женщин, которые с блаженной улыбкой позволяют собой швыряться. Во всех экспериментах Сергея я защищалась, как могла, стараясь при этом по мере возможности не делать ему больно. Ты знаешь, что только при такой любви, как к нему, я могла так кротко относиться ко всему. Но себя как женщину я считала свободной до его первого приезда с Кавказа. Я всегда считала, что надо быть жалким существом, душой, чтобы блюсти ненужную ему (по его же словам) верность и ждать как подачи его ласки.

Душой я всегда была его. В остальном я тоже могла быть только его, даже в том случае, если бы он изменял мне, но не унижал меня, не швырялся мной.

Но Сергей пришел «бить мне морду» [...] за какие-то немислимые сплетни, не выяснив сначала по-человечески, в чем же дело. Так оскорблять нельзя. Вообще этим бегством он порвал во мне веру во все: и в то, что он когда-нибудь действительно по-человечески относился ко мне, ну и вообще. Это теперь все равно.

Факт тот, что я сейчас уже не могу быть по-прежнему беззаветно преданной ему и отдавать все, что ему нужно, так как это раньше было — не задумываясь, оценит ли он это когда-либо. Просто делать только потому, что для него это нужно. [...] Право же, я заслужила более человеческого отношения к себе. [...] Ну и черт с ним, если он такой дурак».

В дневнике Галина Бениславская отзывается о своей (увы, не только бывшей) любви еще более резко: «Сергей — хам.

При всем его богатстве — хам. Под внешней вылощенной манерностью, под внешним благородством живет хам. [...] Если бы он ушел просто, без этого хамства, то не была бы разбита во мне вера в него. А теперь — чем он для меня отличается от Приблудного? — такое же ничтожество, так же атрофировано элементарное чувство порядочности: вообще он это искусно скрывает, но тут в гневе у него прорвалось. И что бы мне Катя ни говорила, что он болен, что это нарочно — все это ерунда. Я даже нарочно такой не смогу быть. Обозлился на то, что я изменяла? Но разве не он всегда говорил, что это его не касается? Ах, это было все испытание?! Занятно! Выбросить с шестого этажа и испытывать, разобьюсь ли?! Перемудрил! Конечно, разбилась! [...] Меня подчинить нельзя. Не таковская! Или равной буду, или голову себе сломаю, но не подчинюсь. Сергей понимал себя и только. Не посмотрел, а как же я должна реаги-

ровать — истории с Ритой,[140] когда он приводил ее сюда и при мне все это происходило, потом, когда я чинила после них кровать. [...] И после всего этого я должна быть верной ему? Зачем? Чего ради беречь себя? Так, чтобы это льстило ему. Я очень рада встрече с А.[141] [...] Пускай бы Сергей обозлился, за это я согласна платить. Мог уйти. Но уйти так, считая столы и стулья — «это тоже мое, но пусть пока остается» — нельзя такие вещи делать. [...] А А. не имел никаких причин верить мне, было все, за что он мог только плохо ко мне относиться (Галина Бениславская не скрывала, что любит Есенина. — Л. П.), и он все же ничем не оскорбил меня. [...] «Спасибо, спасибо», — хотелось сказать ему тогда, в последнюю встречу».

С. Виноградская вспоминала: «Когда между ним и Бениславской произошел разрыв, Есенин понял, что потерял ценнейшую опору в жизни — он вышел из ее комнаты и в коридоре сказал себе вслух: «Ну, теперь меня никто не любит, раз Галя не любит»».

Есенин предпринимает еще одну попытку получить квартиру для себя и сестер — снова отказ. И он (вместе с сестрами) переезжает к С. А. Толстой.

Мысль жениться на Софье Андреевне появилась у Есенина почти сразу после знакомства с ней. Однако он долго колебался. С одной стороны, такой «династический» брак: великий русский поэт Сергей Есенин женится на внучке великого русского писателя Льва Толстого — льстил его самолюбию. Но... было только одно маленькое «но»: как женщина она его совершенно не привлекала. Скорее даже наоборот. «Я поднял ей подол, а у нее ноги волосатые», — жаловался он А. Берзинь... И тут же стал говорить о том, как он будет справлять свадьбу, кого позовет и т. д. Если с Дункан была гремучая смесь тщеславия и подлинного чувства, то тут — только тщеславие и... решение жилищной проблемы.

Запись в дневнике Галины Бениславской: «Он [Есенин] такая же б..., как француженки, отдающиеся молочнику, дворникам и пр. Спать с женщиной противной ему физически, из-за фамилии и квартиры — это не фунт изюму. Я на это никогда не смогла бы пойти. Я не знаю, быть может, это вино вытравило в нем всякий намек на чувство порядочности. Хотя, судя по Кате [Есениной] эта расчетливость в нем органична».

Жених то и дело распевал свою недавно написанную «Песню»:

*Есть одна хорошая песня у соловушки —
Песня панихидная по моей головушке.*

*Цвела — забубенная, росла — ножевая,
А теперь вдруг свесилась, словно неживая:*

*Думы мои думы! Боль в висках и темени.
Промотал я молодость без поры, без времени.*

*Лейся песня звонкая, вылей трель унылую.
В темноте мне кажется — обнимаю милую.*

*За окном гармоника и сиянье месяца,
Только знаю — милая никогда не встретится.*

*Я оцвел, не знаю где. В пьянстве, что ли? В славе ли?
В молодости нравился, а теперь оставили.*

*Потому хорошая песня у соловушки
Песня панихидная по моей головушке.*

А Софья Андреевна была полна самых радужных надежд. Однажды на вечеринке у Гали Бениславской (когда Есенин приходил, у нее не хватало духа выгнать его, пьяного, — даже после ссоры) на вопрос Анны Абрамовны Берзинь: «Вы действительно собираетесь за него замуж?» — ответила: «Да, у нас вопрос решен». Анна Абрамовна заметила, что Есенин очень болен и ему нужно лечиться, а не жениться. На что Толстая уверенно заявила, что непременно вылечит его от пьянства. (Святая простота! Она надеялась излечить алкоголизм любовью!) Словно в подтверждение своих слов, Софья Андреевна подошла к жениху и нежно провела рукой по его лбу. Он отстранил ее руку, зло посмотрел, неожиданно выпалил: «Б...» и добавил нечто уж совсем «трехэтажное». (Есенин очень гордился, что посоревноваться с ним в матерщине может только один человек — Алексей Толстой.) Невеста отнеслась к этому совершенно спокойно: «Он очень пьян и не знает, что делает». На что Берзинь резонно заметила, что Есенин последнее время почти не бывает трезвым. Но Толстая стояла на своем: «Он перестанет пить».

Вскоре, однако, она в тревоге позвонила Берзинь: Сергей пьет, скандалит, ушел из дома. Разыскала его Анна Абрамовна (Толстая не знала значных мест). В ресторане «Ампир». Он лежал на полу, среди битой посуды, весь в блевотине и, казалось, без сознания. Но Анна Абрамовна знала его не первый день. Она подошла и строго сказала: «Сережа! Если ты сейчас же не встанешь, я уйду, а тебя заберет милиция». Он приподнялся, открыл глаза и позволил себя увести.

Она отвезла его к жене. Хорошо, если в это время дома была только Софья Андреевна, а что если к ней зашла мать — известная «толстовка» Ольга Константиновна Толстая, пребывавшая в неописуемом шоке от такого зятя? Уже после смерти Есенина М. Волошин попытается объяснить ей: «Лирика ведь это непосредственность и искренность. И ум, и строгая моральная требовательность к себе, необходимые человеку, часто вредят лирической непосредственности. В меньшей степени — все это было в жизни Блока. Я помню его в периоды его пьянства и уличных шатаний. У Блока это было меньше. А у Бальмонта едва ли не больше, едва ли не безобразнее».

Через какое-то время снова звонок: «Есенин громит квартиру». Пришлось приехать. Она увидела, что в квартире все перебито, вплоть до люстр. Все стекла на фотографиях Льва Николаевича превращены в осколки. Оказывается, Есенин норовил чем-нибудь тяжелым угодить в портрет и кричал при этом: «Надоела мне борода, уберите бороду!» Софья Андреевна хотела подойти к Есенину и, хотя Берзинь уговаривала ее этого не делать, настояла на своем. Вдруг раздался крик. Анна Абрамовна побежала туда, откуда он доносился, и застала такую картину: Есенин лежит на кушетке, а Софья Андреевна стоит, закрыв лицо руками, из-под которых течет кровь. Он перешиб ей переносицу. Пришлось вызывать врача.

Нелегкая жизнь выпала на долю этой внучки Льва Николаевича. Мать, не желая смириться с постоянными изменами мужа, ушла от него, когда дети были еще совсем маленькими, и уехала в Англию. Так что Соня в детстве практически не знала отца. Ее первого мужа С. М. Сухотина (между прочим, участника убийства Г. Распутина) [142] в еще совсем молодом возрасте разбил пара-

лич. Потом был Борис Пильняк, известный не только как писатель, но и как первый московский ловелас. Потом полгода тяжкой, но счастливой жизни с Есениным. («...мне очень хорошо жить на свете, потому что я очень люблю своего мужа и потому что он замечательный человек. И оттого, что я люблю, и оттого, что он такой, — у меня очень хорошо на душе, и я знаю, что становлюсь лучше и мягче душой» (письмо к А. Кони.) И вдовство в 25 лет. Потом — глубокая депрессия, а все последующие годы — служение его памяти. Она собирала, датировала и комментировала его стихи (как напечатанные, так и оставшиеся в рукописях); «пробивала» их в печать (что было делом нелегким). Она создала его музей.

Уже после смерти Есенина М. Волошин писал С. А. Толстой-Есениной: «Весть о гибели Есенина [...] глубоко потрясла меня — и быть может, не столько судьбою запутавшегося и растерявшего себя «слишком русского» человека, даже не извечным трагическим концом русского поэта, которого «угораздило родиться в России с умом и талантом», сколько роком, тяготеющим над твоей жизнью, над выбором твоего сердца, дорогая, бедная Соня».

«Бежать? Куда?»

Москва, июль 1925 г. С. Есенин — Н. Вержбицкому.

«Милый друг мой, Коля! Все, на что я надеялся, о чем мечтал, идет прахом. Видно, в Москве мне не остепениться. Семейная жизнь не клеится, хочу бежать. Куда? На Кавказ! [...] С новой семьей вряд ли что получится, слишком все здесь заполнено «великим старцем», его так много везде, и на столах, и в столах, и на стенах, кажется, даже на потолках, что для живых людей места не остается. И это душит меня...»

Своего дома не получилось. И Есенин по-прежнему мечется, нигде не находя себе места. Зачем-то снова уезжает в Константиново, через три дня возвращается...И привозит оттуда два стихотворения («Спит ковыль. Равнина дорогая...» и «Каждый труд благослови удача...»). Этот вконец опустившийся человек, которого уже почти все считают нужным отправить в сумасшедший дом, продолжает создавать шедевры. Полные поэтической грусти, но не безнадежности. Есенин абсолютно честен:

*Только я забыл, что я крестьянин,
И теперь рассказываю сам,
Соглядатай праздный, я ль не странен
Дорогим мне пашням и лесам.*

Еще в предыдущий приезд Есенина в Константиново Галина Бениславская заметила, как отвык он от деревни, даже коня не может запрячь, и как отвыкли от него односельчане — не признают за своего. Теперь здесь «чужая юность брызжет новью/ На мои поляны и луга». Но «поляны и луга» все-таки «мои». И этого последнего прибежища никто не может отнять у поэта. Как никто не может отнять воспоминаний.

*Хорошо лежать в траве зеленой
И, впиваясь в призрачную гладь,
Чей-то взгляд, ревнивый и влюбленный,
На себе, уставшем, вспоминать.*

В оценке своих стихов Есенин в это время бросается из крайности в крайность. То — «у меня нет соперников», то — «я утратил свой дар». Понятно, что за признаниями вроде последнего немедленно следовал стакан водки. За ним другой... И мысль о самоубийстве. Вольф Эрлих вспоминает: «Его тянуло к балконам, к окнам. Он стоял у открытого окна и смотрел вниз. Я подошел и тронул его за плечо. «Сергей, не смотри так долго вниз, это нехорошо!». Он повернул ко мне свое мертвенно бледное лицо. «Ах, кацо, как все надоело!»» Ему не спалось ночами. И однажды, разбудив в три часа того же Эрлиха, гостившего у него в Москве, повел его гулять по городу. «Слушай... я обреченный человек...Я очень болен... И самое главное — труслив. Я очень несчастлив. У меня нет никого в жизни. Все меня предали. Понимаешь? Все! [...] Если ты когда-нибудь захочешь написать обо мне, то напиши: «Он жил только ради своего искусства и только с ним прошел по жизни.»

Кто эти все, что «предали»? Событыльники? Этот «чужой и хохочущий сброд»? Есенин всегда знал им цену. Мариенгоф? Но после серьезной ссоры в 1923 г. они помирились. Сдается, он прежде всего имеет в виду Галю Бенислав-

скую. Он был так в ней уверен... что перегнул палку. А Софья Андреевна? Как — будто бы в его жизни и не было этой любящей и терпеливой женщины. Он ее не любит? Галю Бениславскую как женщину он тоже не любил. Но Галя была своя. Не чуждая богемы. Способная жить в одной комнате не только с ним, но и с его сестрами и «друзьями». Не питавшая иллюзий по поводу его излечения. Когда было нужно, она сама могла налить ему стакан водки. Ее комнатка в коммунальной квартире была каким-никаким, но его домом, где все отвечало его вкусам. Роскошную же квартиру Толстой он ощущал как квартиру Льва Николаевича, и уж никак не свою. Те, кто не любил Есенина (хотя бы на словах), никогда не осмелились бы переступить порог Галиной комнаты. К Толстой же вечно приходили ее родственники, не скрывавшие своей антипатии к беспутному поэту и отнюдь не восторгавшиеся его стихами.

Ржавый желоб и кастальская вода

25 июля 1925 г. Есенин вместе с Софьей Андреевной выезжает в Баку. По дороге он пишет Эрлиху: «Милый Вова! /Здорово./У меня не плохая /«жись»,/Но если ты не женился,/То не женись». Молодожены поселяются на той же роскошной ханской даче, на которой жил Есенин в прошлом году.

С. А. Толстая — матери О.К. Толстой. 13 августа 1925 г.: «Мама моя, дорогая, милая... Ты скажешь, что я влюбленная дура, но я говорю, положи руку на сердце, что не встречала я в жизни такой мягкости, кроткости и доброты. Мне иногда плакать хочется, когда я смотрю на него [...]. Мардакяны — это оазис среди степи. Какие-то персидские вельможи когда-то искусственно его устроили. [...] Старинная, прекрасная мечеть и всюду изумительная персидская архитектура. Песок, постройки из серого и желтого камня. Все в палевых, аква-рельных тонах — тонах Коктебеля. Узкие, как лабиринты, кривые улочки, решетки в домах, арки. Мы часами бродим, так, куда глаза глядят. Солнце ослепительное, высокие, высокие стены садов, а оттуда — тополя и кипарисы. Женщины в огромных чадрах закрывают все тело с головой, только глаза остаются... Персы и турки. И все это настоящий прекрасный Восток — я такого еще не видала. А самое удивительное — сады. И особенно наш — самый лучший. [...] А еще в крокет играем. Книжки читаем, в карты играем. Сергей много и хорошо пишет.[143] Иногда ездим на пляж. [...] Изредка в кино ходим. [...] Когда хотим вести светский образ жизни — идем на вокзал, покупаем газеты и журналы и пьем пиво. [...] У моего Сергея две прекрасные черты — любовь к детям и к животным». Вечерами Софья Андреевна музицирует, а все остальные обитатели дачи поют, танцуют.

Не хочет Софья Андреевна огорчать мать. В письме В. Наседкину она более откровенна: «Изредка, даже очень редко (sic!) Сергей брал хвост в зубы и скакал в Баку, где день или два ходил на голове, а потом возвращался в Мардакяны зализывать раны. А я в эти дни, конечно, лезла на все стены нашей дачи, и даже на очень высокие».

В конце августа — Есенин снова в «тигулевке». И обошлись с ним там не лучше (а может, и хуже) чем в Москве. Другое дело, что за Есенина вступаются. «Либо сам сяду, либо Сергея выпустят», — успокаивает Софью Андреевну один из сотрудников «Бакинского рабочего». Выпустили... На следующий день он оказался там же. На этот раз в дело вмешивается сам Чагин. Он «рапортует» Толстой «последнюю сводку с боевого есенинского фронта»: «Вечером вчера [...] я застал его [...] уже тепленьким и порывающимся снова с места, несмотря на все уговоры лечь спать. Я начал его устыжать, на что он прежде всего заподозрил... Вас в неверности... со мной (поразительный выверт пьяной логики!), а потом направился к выходу, заявив, что решил твердо уехать в Москву, под высокое покровительство Анны Абрамовны, которая защитит-де ото всех чагинских дел и напастей. Во дворе при выходе он, походя, забрал какую-то собачонку, объявив ее владелице, что пойдет с этой собачонкой гулять, хозяйка подняла визг, сбежалась парапетская публика, милиция, и Сергей снова и снова — в 5-ом районе. Телефонными звонками сейчас же милицее-ское начальство мной было предупреждено с выговором за первые побои о недопустимости повторения чего-либо в том же роде. Я предложил держать его до полнейшего вытрезвления, в случае буйства связать, но не трогать. Так

оно, видимо, и было сделано. Для наблюдения за этим делом послал специально человека».

Рвется Есенин из этой декоративной Персии. То собирается в Тифлис, то... на Байкал. Не надо ему было мардакянского рая. (В раю вообще скучно, особенно когда рая нет в душе.) Тут, по счастью, пришло письмо из Госиздата, в котором говорилось, что необходимо разработать четкий состав планируемого «Собрания стихотворений» и что по его оригиналам совершенно невозможно набирать.

Уезжал Есенин без всякого сожаления. «Перед отъездом Есенина в Москву, — вспоминает Чагин, — я увидел его грустно склонившим свою золотую голову над желобом, через который текла в водоем, сверкая на южном солнце, чистая, прозрачная вода.

«Смотри, до чего же ржавый желоб! — воскликнул он. И, приблизившись вплотную ко мне, добавил: — Вот такой же проржавевший желоб и я. А ведь через меня течет вода почище этой родниковой. Как бы сказал Пушкин — казальская! Да, да, и все-таки мы с этим желобом ржавые».

В поезде «Баку — Москва» тоже не обошлось без инцидента. Напившись, Есенин пытался вломиться в купе дипломатического курьера Адольфа Роги. Тот попросил (а может, и потребовал) Есенина перестать. В ответ, как писал в своей докладной записке Рога, Есенин «обрушил на него поток самой грязной ругани и угрожал набить ему морду». В вагоне ехал врач, понимая, чем это грозит Есенину, он хотел подойти к нему, чтобы засвидетельствовать невменяемое состояние поэта. Но Есенин обозвал его «жидовской мордой» и не подпустил к себе. По докладной Роги было возбуждено уголовное дело. Есенину в очередной раз грозил суд.

Есенин обращается за помощью к Луначарскому. Что возмутило Галю Беннславскую: «Трусливое ходатайство о заступничестве к Луначарскому (а два года назад Сергей ему не подал руки)».[144]

Луначарский написал судье письмо, в котором объяснял, что Есенин — человек больной и в пьяном виде не отвечает за свои поступки. К письму Луначарского присоединился Бардин, который заверил судью, что в ближайшее время Есенина положат в клинику.

Но Есенин категорически отказывался лечиться, пил... и много писал. («Я сам удивляюсь, прет, черт знает как. Не могу остановиться. Как заведенная машина!») Только очень грустные стихи.

*Снежная равнина, белая луна,
Саваном покрыта наша сторона.
И березы в белом плачут по лесам.
Кто погиб здесь? Умер? Уж не я ли сам?*

В этих — последних — стихах Есенин как бы подводит итог своей жизни:

*Сочинитель бедный, это ты ли
Сочиняешь песни о луне?
Уж давно глаза мои остыли
На любви, на картах, на вине.
Ах, луна влезает через раму,
Свет такой, хоть выколи глаза...
Ставил я на пиковую даму,
А сыграл бубнового туза.*

Написанное в эти месяцы напоминает пушкинское «Вновь я посетил...» и по тематике, и по «немыслимой простоте», и по мудро-спокойному приятию смерти как неизбежного конца всего живого («Все успокоились, все там будем»), и необходимости уступить место новым поколениям («Как же мне не прослезиться, / Если с венкой[145] в стынь и звень / Будет рядом веселиться/Юность русских деревень»). И переоценка ценностей: («Наплевать мне на известность / И на то, что я поэт»).

Ни одной строчки, не будучи абсолютно трезвым, Есенин написать не мог. Как же он создавал свои шедевры последнего года, когда почти все мемуаристы уверяют: пил беспробудно. Ответ Мариенгофа: «В последние месяцы своего ужасного существования Есенин был личностью не более одного часа в день, а иногда и того меньше. Его сознание начинало меркнуть после первого стакана утром. [...] Он писал свои замечательные стихи 1925 г. именно в тот час, когда сохранял человеческий облик. Он писал их, ничего не черкая и тем не менее они безукоризненны по форме». А откуда Мариенгоф знает? Ведь в это время они уже не жили вместе, да и встречались не очень часто. Скорее можно поверить свидетельству В. Наседкина: неделя у Есенина делилась на две половины — трезвую и пьяную. «В «трезвые» дни Есенин никого не принимал. Его никуда не тянуло. Не припоминаю ни одного случая, чтобы ему захотелось повидаться с кем-либо из своих друзей. Их как будто никогда у него не было. Встречи с ними происходили на 99 % в запойные дни». Часа в день все-таки мало для создания стольких шедевров (а ведь еще шла работа над «Черным человеком»), даже при огромном таланте Есенина. Полнедели — это уже больше похоже на истину.

Мы уже и так перегрузили читателя описанием дебошей Есенина. Каким же был трезвый Есенин в эти последние — предсмертные — месяцы 1925 г.? Он «с первого взгляда мало походил на больного. Только всматриваясь в него пристальней, я замечал, что он очень устал. Часто нервничал из-за пустяков, руки его дрожали, веки были сильно воспалены. Хотя бывали и такие дни, когда эти признаки переутомления и внутреннего недуга ослабевали. [...] Говорил немного и как-то обрывками фраз. Подолгу бывал задумчив. Случайно сказанное кем-нибудь из родных неискреннее слово его раздражало. К простоте отношений с людьми, к простоте речи, одежды, так же, как и в творчестве он тяготел весь 1925 год...» (В. Наседкин).

18 сентября Есенин оформил свой брак с Толстой. Хотя в глубине души уже знал: не будет он с ней жить. Но просто так «поматросить и бросить» внучку Толстого не решался. Он даже собрался купить ей обручальное кольцо... но тут подвернулась хорошая материя на мужские рубашки. Поэту И. Садофьеву Есенин признался: «Я живу с человеком, которого ненавижу». Но уже через несколько минут добавил: «Я давным-давно был бы трупом, но человек, с которым я живу, удерживает меня от смерти».

На следующий день после свадьбы — 19 сентября — создается стихотворение «Эх вы, сани! А кони, кони!» — как будто бы никакой свадьбы и в помине не было:

*Пой ямщик, вперекор этой ночи,
Хочешь сам я тебе подпою
Про лукавые девичьи очи,
Про веселую юность мою.*

*Эх, бывало, заломил шапку,
Да заложил в оглобли коня,
Да приляжешь на сена охапку, —
Вспоминай лишь, как звали меня.*

*И откуда бралась осанка,
А в полночную тишину
Разговорчивая тальянка
Уговаривала не одну.*

*Все прошло. Поредел мой волос.
Конь издох, опустел наш двор.
Потеряла тальянка голос,
Разучившись вести разговор.*

Но не только нескладывающаяся личная жизнь отягощала душевное состояние Есенина. Он тяжело переживал расстрел Ганина (когда точно Есенин узнал об этом — неизвестно, но в конце концов, конечно же, узнал). А 31 октября 1925 г. на операционном столе по приказу партии и правительства зарезали М. В. Фрунзе. (Газеты сообщили просто о неудачной операции.)

«На второй день смерти наркомвоенмора М. В. Фрунзе разыгралась такая сцена. Есенин пришел [в Госиздат] пьяный до последней степени: он шатался и даже придерживался за стены. Возбужденный, дрожащим, захлебывающимся голосом, таща и дергая полу своего пальто, Есенин кричал на весь коридор: «Это он, Фрунзе, дал мне пальто! [146] Мне жалко, жалко его! Я плачу» (И. Евдокимов).

Есенин познакомился с Фрунзе в Баку, и они прониклись взаимной симпатией друг к другу. Поэт мог узнать об очередном злодействе властей от Б. Пильняка, впоследствии написавшим об этом событии «Повесть непогашенной луны» (разумеется, не называя имени Фрунзе). Возможно, Пильняк рассказал поэту о замысле повести, а возможно, Есенин и успел прочитать ее в рукописи. [147] Ну, как тут не «заткнуть душу»?! От таких новостей и не алкоголь запьет!

В конце октября — начале ноября состоялось последнее публичное выступление Есенина — в «Доме печати». «Меня просили пригласить на вечер Есенина, — вспоминает И. Грузинов, [148] — Я пригласил и потом жалел, что сделал это. Я убедился, что читать ему было чрезвычайно трудно. [...] Голос у него был хриплый. Читал он с большим напряжением. Градом с него лил пот. Начал читать — «Синий туман. Снеговое раздолье...». Вдруг остановился — никак не мог прочесть заключительные восемь строк этого вещего стихотворения:

*Все успокоились, все там будем,
Как в этой жизни радей не радей, —
Вот почему так тянусь я к людям,
Вот почему так люблю людей.*

*Вот от чего я чуть-чуть не заплакал
И, улыбаясь, душой погас, —
Эту избу на крыльце с собакой
Словно я вижу в последний раз.*

(Эти есенинские строчки введены в текст И. Грузинова нами. — Л. П.). Его охватило волнение. Он не мог произнести ни слова. Его душили слезы. Прервал чтение. Через несколько мгновений овладел собой. С трудом дочитал до конца последние строки».

«Ты губишь себя», — постоянно слышит Есенин со всех сторон. По большей части это его злит, но иногда смешит (как любому человеку смешно слышать изо дня в день одни и те же наставления). В письме к Берзинь он делает *post scriptum*: «Не употребляйте спирт[ных] напитков. Страшный вред здоровью и благополучию. Я всегда это знал, поэтому и проповедую».

Но дела его действительно плохи. Ну, не может он жить в чинном интеллигентном доме, где на всех стенах — «борода». И мечется, и не находит себе места. То опять собрался в Константиново. Ничего не сообщив об этом жене лично, а только оставив записку: «Дорогая Соня, я должен уехать к своим. Привет Вам, любовь и целование. С.». Но что будет у «своих»? Те же — слезные — разговоры о вреде спиртных напитков? Не едет он к Константиново, едет в Ленинград.

И просит Галю Бениславскую проводить его («Мне нужно многое сказать Вам»). Она отказывается.

Но слишком знаем мы друг друга, чтобы друг друга позабыть.

16. XI. 1925 г. Дневник Галины Бениславской: «Никак не могу разобраться, может быть, на бумаге легче будет. В чем дело? Отчего такая дикая тоска и такая безысходная апатия ко всему? Потому ли, что я безумно устала? Или что нет со мной Сергея? Или потому, что потеряла того прежнего Сергея, которого любила и в которого верила, для которого ничего было не жаль? [...] Ведь с главным капиталом — с моей беззаветностью, с моим бескорыстием, я оказалась банкротом. [...] Трезвый он не заходит, забывает. Напьется — сейчас же [5] 58–36, с ночевкой. В чем дело? Или у пьяного прорывается, и ему хочется видеть меня, а трезвому не хватает смелости? Или оттого, что Толстая противна, у пьяного нет сил ехать к ней, а ночевать где-нибудь надо? Верней всего, даже не задумывается над этим. Не хочется к Толстой, ну а сюда так просто, как домой; привык, что я не ругаю его пьяного и т. д. Была бы комната, поехал бы туда. А о том, чтобы считаться со мной, — он просто не задумывается. А я сейчас никак не могу переварить такие штуки. Ведь, в конце концов, я не хуже его. [...] То, что было, было не потому, что он известный поэт, талант и т. п. Главное было в нем как в личности — я думала, что он хороший (в моем понимании этого слова). Но жизнь показала, что ни одного «за» нет и, наоборот, тысячи «против» этого».

19 ноября Галина Бениславская ложится на лечение в санаторий с диагнозом «общее депрессивное состояние». После окончания курса лечения врачи советуют ей провести несколько недель в сельской местности, и она последовала этим рекомендациям... Телеграмма о смерти Есенина придет туда слишком поздно, и она не успеет на похороны.

В Ленинграде Есенин останавливается у Сахарова (тоже выпить не дурак). Однажды ночью Сахаров проснулся, чувствуя, что его душат. «Есенин дрожал, как в лихорадке и все время спрашивал, словно самого себя: «Кто ты? Кто?» На следующее утро он разбил зеркало, при этом заливаясь слезами».

Так и хочется сказать: жаль, что не задушил. Зная, в каком состоянии

«друг», как можно было идти с ним пьянствовать?! Не зря Галина Бениславская предупреждала: «Сахаров — Сальери нашего времени [...]. Он может придумать тебе конец хуже моцартовского. Он умнее того Сальери и сумеет рассчитать так, чтобы не только уничтожить тебя физически (это ему может не понадобиться), но испортить то, что останется во времени после тебя [...]. Он хорош, пока ты силен и совсем здоров. Имей силу уйти от него. [...] Ты же не виноват, что ему дано очень много, но не все, чтобы быть равным тебе. А зло против тебя у него в глубине большое».

Таких сахаровых-сальери вокруг Есенина крутилось великое множество. Как, наверное, и вокруг любого крупного поэта. Я помню свою юность и бесконечное: «Ленечка, выпей, выпей!» И — подливание в стакан уже почти отключившегося Губанова.[149] (А ведь тоже был поэт с задатками гениальности — спои́ли).

«Прозревшие вежды закрывает одна лишь смерть»

14 ноября Есенин ставит последнюю точку в поэме «Черный человек». Он написал ее еще в Америке. И по приезде в Россию читал, и в «Стойле», и на квартирах. Многие слушатели оставили свои воспоминания... Из которых абсолютно ничего невозможно понять. Насколько этот первый вариант отличался от известного нам? Была ли поэма длиннее, короче? Лучше, хуже? Мнения расходятся кардинально. Достоверно одно: Есенин все эти годы продолжал ее дорабатывать. «Эта жуткая лирическая исповедь требовала от него колоссального напряжения и самонаблюдения. Я дважды заставлял его пьяным в цилиндре и с тростью перед большим зеркалом с непередаваемой нечеловеческой усмешкой, разговаривающим со своим двойником — отражением в зеркале или молча наблюдавшим за собою и как бы прислушивающимся к самому себе», — вспоминал В. Наседкин.

Многие замечательные произведения русской и мировой литературы посвящены теме двойничества. Да и сам Есенин обращается к ней не впервые («Оторвал я тень свою от тела...»; «Себя усопшего/В гробу я вижу...»). И конечно, в есенинской поэме не обошлось без влияний предшественников. Литературоведы посвятили немало трудов доказательствам, что Есенин был хорошо знаком с произведениями такого-то и такого-то автора и это тем или иным образом нашло отражение в его поэме. Указывается и на библейские мотивы, и на восточную философию. И на диалог с масонством. И с имажинизмом. И... Ни с чем не спорим. Но оставим все это для «докторских их диссертаций». «Черный человек» важен для нас как исповедь, как последний предсмертный крик того «желтоволосого, с голубыми глазами» мальчика, который жил в «простой крестьянской семье», а теперь «стал он взрослым, к тому же поэт». И «очень и очень болен».

*...откуда взялась эта боль?
То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,
То ль как рошу в сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь.*

Ночами к поэту приходит «черный человек». Кто это? Что это? Галлюцинация? Внутренний голос? Мировое зло? Дьявол? Не стоит стремиться к однозначному ответу. Главное, «черный человек» знает про «скандального поэта» то, о чем он сам, может быть, не хочет думать и вспоминать. И про множество «прекраснейших мыслей и планов». То есть о юности, которая кончилась, когда он написал Марии Бальзамовой: «Я [...] продал свою душу черту — и все за талант». И про то, что тот, кому он «спать не дает всю ночь», «проживал в стране / Самых отвратительных/Громил и шарлатанов». И что «был он авантюрист,/Но самой высокой /И лучшей марки».

Герой решительно не желает узнавать себя в том, что говорит «черный человек», «нагоняя на душу тоску и страх».

*Черный человек
Глядит на меня в упор.
И глаза покрываются*

Голубой блевотой, —
 Словно хочет сказать мне,
 Что я жулик и вор,
 Так бесстыдно и нагло
 Обокравший кого-то.

Но он же говорит и другое:

Я не видел, чтоб кто-нибудь
 Из подлецов
 Так ненужно и глупо
 Страдал бессонницей.

В конце концов присутствие «черного человека» становится нестерпимым — «И летит моя трость/Прямо к морде его, / В переносицу».

Я в цилиндре стою.
 Никого со мной нет.
 Я один...
 И — разбитое зеркало...

И тут кончается искусство, и дышат почва и судьба.

Убить двойника — значит убить себя. После «Черного человека» Есенин еще напишет несколько стихотворений, но можно сказать, что его творческий путь окончен. Он, как Моцарт (недаром их часто сравнивали), сам создал себе реквием.

Поэма была напечатана посмертно. И, конечно, воспринималась современниками Есенина на фоне этого трагического события. И именно они, а не нынешние «веды», для которых Есенин — история литературы, писали о самом главном. «Не всегда поэзия — лишь прекрасная художественная условность; слишком часто сквозь черную стройность букв проступает кровь, видны расширенные от ужаса глаза, и в ритме стиха слышится предсмертный крик» (А. Воронский). А В. Левин, знавший поэму в первом варианте, сравнивает ее со «светлой вестью», которая оказалась частицей жизни вовсе не «какого-то прохвоста и забулдыги», а нашей собственной [...] Снова в наши дни на наших глазах поэт «взял на себя наши немощи и понес наши болезни». Это — покаяние перед всем миром, и эта ноша истязующая, возложенная им на свои плечи добровольно».

26 ноября Есенин все-таки ложится в клинику. Не в Германии, где хотели его лечить родные и куда он ехать категорически отказывался («Они не понимают, что мне там станет хуже»), а в Москве. И по-видимому, опять-таки прячась от правосудия. (Несмотря на хлопоты Луначарского, дело об оскорблении дипкурьера не было прекращено, а «психов» не судят.)

Среди множества диагнозов, поставленных Есенину, — белая горячка.

Врагу не пожелаем оказаться в советской психиатрической больнице: «...фельдфебель на фельдфебеле. Их теория в том, что стены лечат лучше всего без всяких лекарств. (Современных психотропных средств тогда еще не существовало. — Л. П.) [...] Не понимаю, почему Павлу Первому не пришло в голову заняться врачебным делом. Он бы смог. Он бы вылечил. Ведь его теория очень схожа с проблемами совр[еменных] психиатров[150].» (из письма Есенина П. Чагину от 27 ноября 1925 г.).

Тем не менее он лечится «вовсю». («Потому что чувствую, что лечиться на-

до».) И вроде бы идет на поправку. Известному поэту отвели отдельную палату. Навестивший Есенина в клинике писатель Олег Леонидов был поражен его желанием работать. Действительно, за 25 дней пребывания в больнице написано 7 стихотворений. Но тот же Леонидов замечает: «С навязчивостью говорил о смерти, об окружающих его больных, которые одержимы идеей самоубийства, о девушках, пытающихся повеситься на собственных косах, о тех, кто крадет лезвия «Жиллетт», чтобы вскрыть себе вены... И он сказал, что скоро умрет».

Софье Андреевне он запретил приходить в больницу — окончательно решил покончить с этим неудавшимся браком. Она подчинилась безропотно. («Сергей! Ты можешь быть совершенно спокоен. Моя надежда исчезла. Я не приду к тебе. Мне без тебя очень плохо, но тебе без меня лучше».) Он решает начать новую жизнь. Уехать в Ленинград, там издавать журнал, жениться на простой и чистой девушке... Или махнуть за границу к Горькому... Или снова позвать Дункан?... Верил ли он сам во все это? Вряд ли.

Курс лечения был рассчитан на два месяца. Через 25 дней Есенин сбежал. И тут же запил — в глухую. Но планов своих не оставил. Напротив, делает все для их осуществления. Аннулирует все свои доверенности на получение денег и пытается получить их сам — где елико возможно. Увы, ничего из этого не получается — кассы, как назло, пусты. Договаривается о высылке денег и корректур в Ленинград.

«Видела его незадолго до смерти, — вспоминает Анна Изряднова. — Сказал, что пришел проститься. На мой вопрос: «Что? Почему?» — говорит: «Смываюсь, уезжаю, чувствую себя плохо, наверное, умру». Просил не баловать, беречь сына».

В день смерти Есенина Вс. Рождественский напишет В. Мануйлову (это письмо несколько отличается от мемуаров, опубликованных позднее, и потому представляется нам более достоверным): «Есенина я видел пять недель назад в Москве. Уже тогда можно было думать, что он добром не кончит. Он уже ходил обреченным. Остановившиеся мутно-голубые глаза, неестественная бледность припухшего, плохо бритого лица и уже выцветающий лен удивительных, космами висевших из-под широкополой шляпы волос. Но я не думал, что так скоро».

За несколько часов до отъезда Есенин почему-то исповедывается перед А. Тарасовым-Родионовым, писателем, с которым никогда не был близок. Вино развязало язычок? Или чувствует, что никогда больше с ним не увидится? (Так иногда рассказывают о своей жизни случайному попутчику в вагоне.) Все рассказал: и про то, как он любил Дункан и не любил Толстую. И какие сволочи писатели (только о Вс. Иванове отозвался хорошо), и издатели (по его словам получается, что фактически он, а не А. Воронский издавал «Красную новь»), и редакторы (даже А. Берзинь назвал представительницей древнейшей профессии). И какие плохие у него родители и сестра Катя («Я для них дойная коровенка»). И про то, что у него нет друзей. И как уважает он Ленина и Троцкого... И что он опоздал родиться.

Но сквозь эти пьяные изливания пробивается истина: «Искусство для меня дороже всяких друзей, и жен, и любовниц. Но разве женщины это понимают, разве могут они это понять? [...] искусство-то я ни на что и ни на кого не променяю... Вся моя жизнь — это борьба за искусство. И в этой борьбе я швыря-

юсь всем, что обычно другие [...] считают самым ценным в жизни. Но никто этого не понимает. Все хотят, чтобы мы были прилизанными, причесанными паиньками».

И он едет в Ленинград. Зачем? Конечно, не за тем, чтобы повеситься. Для этого стодила бы любая подмосковная осина. «Не-ет! — прокричал он с какой-то вымученной злобой. — Не-ет. Я работаю и буду работать, и у меня еще хватит сил показать себя. Я много пишу и еще много надо писать. Я не выдохся. Я еще постою». В Ленинград он собирается «совсем, навсегда». И первым делом закончить поэму «Пармен Крямин» (ни одной строчки до нас не дошло) и начать писать прозу.

Пьяному море по колено.

* * *

Уезжая, он случайно на вокзале встретил Сахарова. Испугался и сделал вид, что не заметил. Очевидно, подумал, что Сахаров специально следил за ним. А он явно не хотел, чтобы знали, куда он едет. Кто не должен был знать? Толстая или кто-то другой?

24 декабря Есенин — в Ленинграде. Не застав дома В. Эрлиха, он оставляет у него вещи и отправляется в гостиницу «Англетер». Убедившись, что там проживает его старый приятель Устинов, снимает номер. Он трезв и охотно делится с друзьями своими планами (пришли и жена Устинова, и Эрлих, и ленинградский журналист Ушаков, проживавший тут же в «Англетере»). В Ленинград он переехал насовсем (предлагает Устиновым вместе снимать квартиру). Он будет, как Некрасов, издавать журнал, много работать, пить перестанет. Днем вместе с женой Устинова они едут по магазинам — закупать продукты к праздничному столу (купили гуся). Спиртное не продавалось. Вечером снова собираются в номере Есенина. Привезли сюда его вещи. Идет обычный литераторский треп: о письмах Пушкина, Анатоле Франсе, Ходасевиче... Эрлих остался у него ночевать. Легли поздно, но проснулся Есенин в шесть утра (бессонница). Часов до девяти валялись и смотрели рассвет. Есенин напевал строчки из своей «Исповеди хулигана» («Синий свет, свет такой синий! / В эту синь даже умереть не жаль.»)

Есенин захотел поехать к Клюеву. Точного адреса приятели не знали, но тем не менее разыскали. Есенин, видимо, не в плохом настроении, во всяком случае, у него хватает душевных сил на озорство: «не со зла» подшучивает он над бывшим учителем. Зная его истовую религиозность, просит разрешения закурить от лампадки. («Что ты, Сереженька! Как можно!») А когда Клюев выходит из комнаты, гасит лампадку. («Молчи! Он не заметит.») Клюев действительно не заметил. Сказал ему об этом Есенин уже в гостинице и попросил прощения. Вечером Есенин читал стихи и спросил Клюева, нравится ли они ему. Тот ответил: «Я думаю, Сереженька, что, если бы эти стихи собрать в одну книжечку, они стали бы настольным чтением для всех девушек и нежных юношей, живущих в России». Есенин помрачнел.

Когда почти все ушли и Есенин остался наедине с Эрлихом, его опять потянуло на исповедь: «Ты понимаешь? Если бы я был белогвардеец, мне было бы легче! То, что я здесь, — это не случайно. Я здесь — потому что я должен быть здесь. Судьбу мою решаю не я, а моя кровь. Поэтому я не ропщу. Но если бы я был белогвардейцем, я бы все понимал. Да там и понимать-то, в сущности, нечего! Подлость — вещь простая. А вот здесь... Я ничего не понимаю, что де-

лается в этом мире! Я лишен понимания». («С того и мучаюсь, что не пойму, / Куда несет нас рок событий».)

26 декабря настроение Есенина меняется. Явно к худшему. Он показывает Эрлиху свою руку, поврежденную, еще когда он упал с лошади, старается пошевелить пальцами: получается плохо. («Еле-еле ходят. [...] Говорят — лет пять-шесть прослужит рука, а потом... пропала моя белая рученька... А, впрочем, шут с ней! Снявши голову... как люди говорят-то».)

27 декабря — последний день Есенина на этой земле — начался со скандала. Есенин решил, что его хотели взорвать: растопили колонку, а воды в ней не было. И как Устинова ни объясняла ему, что колонка могла только распаяться, но никак не взорваться, — Есенин настаивал на своем.

Воду наконец пустили. Пока она грелась, Есенин поднял руку и показал свежий надрез: оказывается, он ночью написал кровью стихотворение — чернил в номере не оказалось. (Маяковский по этому поводу съерничает: «Может, / окажись / чернила в «Англетере» / вены / резать / не было б причины»). Поступок тяжелобольного психически человека. Он что, боялся забыть к утру восемь только что созданных строк? Есенин знал наизусть все свои и тысячи чужих стихов. Память у него была совершенно уникальная.

Это стихотворение, написанное кровью, теперь широко известно — «До свиданья, друг мой, до свиданья...» (Тех, кто утверждает: именно он тот друг, о котором вспомнил Есенин в свои последние часы, — что сыновей лейтенанта Шмидта. Мы же полагаем, что этот самый «друг» появляется и в первой строке «Черного человека» — «Друг мой, я очень и очень болен...» То есть просто стилистический прием.) В последнем своем стихотворении Есенин прощается с жизнью... Коли решение принято, чего же бояться взрыва в ванной? Листок бумаги с этим восьмистишьем Есенин передает Эрлиху и наказывает прочитать завтра.

«Весь этот последний день, — вспоминает Устинов, — был для меня мучительно тяжел. Наедине с ним было нестерпимо оставаться». Днем Есенин сел к Устинову на колени, «как мальчик, и долго сидел так, обняв меня одной рукой за шею, жаловался на неудачно складывающуюся жизнь». Он был совершенно трезв.

Вечером снова пришли люди. Есенин читал стихи, в том числе «Черного человека». «Тяжесть не проходила, а как-то усиливалась, усиливалась до того, что уже трудно было ее выносить. Что-то невыразимо мрачное охватило душу, хотелось что-то немедленно сделать, но что?» Под каким-то предлогом Устинов ушел к себе. Есенин просил его вечером непременно зайти, и поскорее. Тот обещал. И не зашел — к нему явился какой-то приятель, проговорили допоздна... А может быть, не захотелось идти, именно потому, что в этот последний день жизни поэта «наедине с ним было нестерпимо оставаться».

Позднее к нему еще раз зашел Эрлих — он забыл портфель. «Есенин сидел у стола спокойный, без пиджака, накинув шубу, и просматривая старые стихи.

Было ли это спокойствием самоубийцы, «подбивавшего бабки»? Для психически больных людей (каким в это время, несомненно, являлся Есенин) характерны быстрая, немотивированная смена настроений и столь же быстрая смена решений... Может быть, он надеялся, что Эрлих проигнорирует его указание? Но Эрлих то ли послушался, то ли просто на время позабыл о данном ему листке. Если бы он прочитал, то, конечно, Есенина бы на эту ночь не оставили

одного, — так, во всяком случае, уверяет Г. Устинов. А то, что человек пишет кровью, не повод для того, чтобы забить во все колокола? Но нельзя и не согласиться с Устиновым, когда он говорит: ну, хорошо, на эту ночь кто-нибудь с ним бы остался, а дальше что? Вызвать врача? Что может сделать врач, если больной отказывается лечиться? Приставить к нему круглосуточный караул и не пускать одного даже в сортир? Он бы этого не позволил. (Ему и так казалось, что за ним установлена слежка.)

Но то, что случилось, случилось именно в эту ночь? Когда Эрлих вернулся за портфелем, ничего не сказав про стихотворение, Есенин мог подумать, что он прочитал и не обратил никакого внимания, предоставив ему полную свободу делать, что угодно. Вывод: «значит, меня никто не любит, значит я никому не нужен». При его состоянии это могло стать последней каплей, переполнившей чашу. «Сел, подытожил, что ждет в будущем [...] И в этот момент инстинкт жизни уступил место воле к избавлению, к покою», — так представляла себе происшедшее утром 28 декабря в «Англетере» Галина Бениславская. — И вместе с тем — пройди эта ночь [...] не останься он один, он мог бы еще прожить и выбраться из омота. [...] Несомненно, мысли о конце у него не раз бывали. Взять хотя бы стихотворение:

*Ну целуй меня, целуй
Не в ладу с холодной волей
Кипяток сердечных струй.[151]
Но было и другое:
Но обреченный на гоненье
Еще я долго буду петь.*

Что такие моменты бывали, видно по стихам, но в них же видны и другие:

*Мне пока умирать еще рано[152]
Ну, а если есть грусть — не беда.*

Нельзя все оценивать, подгоняя к случившемуся концу. Как и у всех — настроения чередовались, отчаяние и безразличие сменялись радостью. И знаю еще: уже оттолкнув тумбу, он опомнился, осознал, хотел вернуться [...] Было поздно».

Догадка любящей женщины удивительным образом перекликается с догадкой Поэта — Бориса Пастернака: «Есенин повесился, толком не вдумавшись в последствия и в глубине души полагая — как знать, может быть, это еще не конец, и не ровен час, бабушка еще надвое гадала».

Да и Г. Устинов говорит: «Есенин играл и заигрался».

Портье гостиницы показал, что 27 декабря, часов в 10 вечера, Есенин спустился к нему и попросил никого не пускать к нему в номер. Хотел, чтобы никто не помешал ему выполнить свое намерение? Известно также, что веревка вокруг шеи Есенина не была завязана узлом, а просто обмотана, как шарф, из нее можно было бы выскочить. Но он схватился рукой за трубу отопления. Потому что не захотел выскочить или уже не смог? Порезы на руках говорят о том, что перед тем, как повеситься, он, очевидно, пытался вскрыть себе вены.

Все эти факты как бы противоречат друг другу. Но мы никогда и не возьмем на себя смелость сказать: нам известно, что творилось в больном мозгу Есенина в ту роковую ночь с 27 на 28 декабря 1925 г. А если скажет кто-нибудь другой — не поверим. (Тяжелая депрессия и галлюцинации у алкоголиков ча-

сто наступают после запоя.) Нам известно только одно:

*Я пришел на эту землю,
Чтоб скорей ее покинуть.*

Долго бы он в любом случае не прожил. В «год великого перелома» этого «кулацкого подголоска», как стала называть уже мертвого Есенина советская пресса, действительно — так или иначе — убрали бы. Но он предпочел уйти сам. «Смерть Есенина и последние его часы перед этим — самая удивительная, самая горькая из всех его строф», — писал поэт Вс. Рождественский. Добавить вроде бы нечего... А все-таки добавим: самой смертью своей он преподнес большевикам последнюю «подлянку». В эти дни шел XIV съезд партии. Но когда страна узнала о смерти Есенина, тысячи, если не миллионы людей восприняли это как личное горе, и всем стало глубоко наплевать, какая-токая мышьяная возня идет там, на их съезде. После смерти Ленина «по большевикам прошло рыданье». Смерть народного поэта заставила плакать людей самых разных политических убеждений, всех возрастов и сословий.

«Прощай, Сережа! Прощай, русская песня!» — этим словам Вс. Рождественского вторила вся Россия.

Ровно через год на его могиле застрелилась Галина Бениславская.

Когда Есенин умер, никто из видевших его в гробу не заметил на лице мертвого поэта никаких признаков насильственной смерти. Тело Есенина привезли в Москву, гроб стоял в Доме печати — прощание длилось всю ночь, люди шли беспрерывно. Ничего подобного не увидели и те немногие, кто еще застал труп Есенина в «Англетере», в том числе и художник К. Соколов, сделавший посмертную фотографию Есенина. (Официальным фотографом был М. Напшельбаум, но сторонники насильственной смерти Есенина ему не верят — не та фамилия.)

Все разговоры о том, что Есенина убили, начались в 1980-х гг. на основе старых фотографий. Что происходит с фотографиями с течением времени, известно: они желтеют, теряется четкость контуров. Тем более что техника фотографирования в 1920-е гг. была намного менее совершенна, чем современная. Негативы же не сохранились.

Не будучи криминалистами, мы не считаем себя вправе вникать в чисто криминалистические споры. Как выглядит полоса на шее у человека, который повесился сам и чем она отличается от полосы на шее у того, кого повесили насильно, мы не знаем... Неизвестно нам и как можно открыть запертую изнутри дверь: нужны ли какие-то специально заранее заготовленные для этой цели инструменты, или можно обойтись тем, что оказалось под рукой, — не пробовали. Но у нас нет никаких оснований не доверять выводам «Комиссии Есенинского комитета по выяснению обстоятельств смерти С. А. Есенина», опубликованным в 1992 г. Члены комиссии обращались и в НИИ судебной медицины, и ко многим судебно-медицинским экспертам (все они работали независимо друг от друга), были рассмотрены все доводы сторонников версии убийства Есенина и все опровергнуты[153].

Можно говорить, что Есенина довели до самоубийства. Выдающемуся поэту так и не дали даже плохонькой квартирki, даже комнаты в «коммуналке». За ним действительно была установлена слежка. «Казненный дегенераторами», — назвал статью о смерти Есенина Б. Лавренев — «Усилия [...] искренне

любящих поэта людей разбивались о сплоченность организованной сволочи, дегенератского сброда, продолжавшего многолетнюю казнь поэта». Другие называли убийцей Есенина его собственный алкоголизм. И это тоже было правдой. Но сказать всю правду в подцензурной печати было невозможно. Это сделал Иванов-Разумник в 1942 г., находясь на территории Германии: «Гибель Есенина в 1925 г. тесно связана не только с его болезнью (смотрите его предсмертную поэму «Черный человек»), ведь и сама болезнь была следствием невозможности писать и дышать в гнетущей атмосфере советского рая. Знаю об этом из разговоров с Есениным за год до его смерти, когда он приехал ко мне летом 1924 г. в Царское Село».

* * *

Какие же доводы, кроме криминалистических (успешно опровергнутых), есть у тех, кто с пеной у рта кричит: убили, убили...

Священник Константиновской церкви отпел Есенина, а так как самоубийц не отпевают, стало быть, ему было известно, что он совершает обряд над убитым. Этот довод представляется нам, мягко выражаясь, несерьезным. Ну, допустим на минуточку, что Есенина действительно убили. Как бы узнал об этом сельский священник? Что, убийцы приходили к нему на исповедь? Скорее всего, мать Есенина упросила (а может быть, и обманула) священнослужителя. В этой связи стоит сказать: Клюев в «Плаче о Сергее Есенине» пишет: «Помяни, чертушко, Есенина» (курсив наш. — Л. П.), то есть не сомневается в его самоубийстве.

Еще один довод: в разговоре с Тарасовым-Родионовым перед отъездом в Ленинград Есенин открыл ему страшный секрет — у него якобы имеется телеграмма, посланная в 1917 г. Каменевым Великому Князю Михаилу, где он благодарит его за добровольное отречение от престола. Пьяный Есенин, скорее всего, мистифицирует собеседника: телеграммы как таковой у него, скорее всего, не было. Удивительно уже и то, что он о ней знал, — она никогда и нигде не была напечатана. (Не все, не все нам известно о Есенине!) Но как-то узнал. Допустим, что Тарасов-Родионов поверил Есенину и «стукнул». (Хотя и нехорошо обвинять человека в стукачестве, не имея на то ровно никаких оснований.) Но допустим. Так вот: такая телеграмма действительно существовала и действительно была подписана только Каменевым. Возможно, он и составил текст. Но решение об отправке ее Михаилу было принято на собрании политических ссыльных г. Ачинска. В то время там отбывал ссылку и Сталин. Так что Сталин и другие старые большевики об этой телеграмме знали. То, что Есенин считал секретом и компроматом, на самом деле было секретом Полишинеля. Каменев не мог испугаться есенинских «разоблачений», и незачем ему было его убирать.

Но все это, как говорят сторонники убийства Есенина, «вторично». А что же «первично»? Жидовское правительство просто в силу своей сатанинской сущности не могло не уничтожить великого русского поэта. Это было бы смешно-когда бы не телевизионный сериал «Сергей Есенин» режиссера И. Зайцева с обаятельным Сергеем Безруковым в заглавной роли, — сериал, который смотрела почти вся страна и которому многие поверили. Непосредственным убийцей Есенина там выведен Блюмкин, а инициатором убийства Троцкий. Но Блюмкина в это время вообще не было в СССР. А Троцкий? Вспомним: «Мне нравится гений этого человека...» Да, Лев Давыдович доказал, что гений и зло-

действие совместимы. Но крупное злодейство. И во имя «светлого будущего». Это был жестокий фанатик ложной идеи. Но мелкая мстительность и дьявольское лицемерие, так характерные для Иосифа Джугашвили, ему не были свойственны. (Поэтому он и проиграл Сталину, хотя был намного умнее его.) Мстить Есенину за то, что он отказался от предложения издавать журнал? Ей богу, у Троцкого были заботы поважнее. Тем более в 1925 г., когда земля уже горела у него под ногами: его уже сместили с должности председателя Реввоенсовета, уже обвинили в «мелкобуржуазном уклоне». А кроме того, — быть может, парадоксально, но факт — он любил поэзию Есенина. И самые проникновенные, самые точные слова о Есенине после его смерти были сказаны не писателем, не критиком, а Львом Давыдовичем Троцким (во всяком случае, в России).[154]

У читателей, наверное, сложилось впечатление, что автор этой книги и слышать не хочет о том, что Есенин погиб насильственной смертью. Так бы оно и было. Если бы не мнение Александра Сергеевича Есенина-Вольпина. Нет, он вовсе не утверждает, что его отца убили. Но и не говорит: этого не могло быть, потому что этого не могло быть никогда. Он рассуждает как истинный ученый: если по какому-то вопросу не удастся прийти к общему мнению, значит, изучение его надо продолжить. И он был единственным из родных и близких Есенина (включая и Надежду Давыдовну Вольпин), кто не возражал категорически против эксгумации.[155]

Итак: на сегодня у нас нет никаких оснований отрицать самоубийство Есенина. Но если вдруг в будущем откроются какие-то новые факты, этот вывод, возможно, придется пересмотреть.

Приложение Венок Сергею Есенину

Лев Троцкий Памяти Сергея Есенина

Мы потеряли Есенина — такого прекрасного поэта, такого свежего, такого настоящего. И как трагически потеряли! Он ушел сам, кровью попрощавшись с необозначенным другом, — может быть, со всеми нами. Поразительны по нежности и мягкости эти его последние строки! Он ушел из жизни без крикливой обиды, без ноты протеста, — не хлопнув дверью, а тихо прикрыв ее рукою, из которой сочилась кровь. В этом месте поэтический и человеческий образ Есенина вспыхнул незабываемым прощальным светом.

Есенин слагал острые песни «хулигана» и придавал свою неповторимую, есенинскую напевность озорным звукам кабацкой Москвы. Он нередко кичился резким жестом, грубым словом. Но подо всем этим трепетала совсем особая нежность неогражденной, незащищенной души. Полунапускной грубостью Есенин прикрывался от сурового времени, в какое родился, — прикрывался, но не прикрылся. Больше не могу, сказал 27 декабря побежденный жизнью поэт, сказал без вызова и упрека... О полунапускной грубости говорить приходится потому, что Есенин не просто выбирал свою форму, а впитывал ее в себя из условий нашего совсем не мягкого, совсем не нежного времени. Прикрываясь маской озорства и отдавая этой маске внутреннюю, значит, не случайную дань, Есенин всегда, видимо, чувствовал себя не от мира сего. Это не в похвалу, ибо по причине именно этой неотмирности мы лишились Есенина. Но и не в укор, — мыслимо ли бросать укор вдогонку лиричнейшему поэту, которого мы не сумели сохранить для себя?

Наше время — суровое время, может быть, одно из суровейших в истории так называемого цивилизованного человечества. Революционер, рожденный для этих десятилетий, одержим неистовым патриотизмом своей эпохи, — своего отечества, своего времени. Есенин не был революционером. Автор «Пугачева» и «Баллады о двадцати шести» был интимнейшим лириком. Эпоха же наша — не лирическая. В этом главная причина того, почему самовольно и так рано ушел от нас и от своей эпохи Сергей Есенин.

Корни у Есенина глубоко народные, и, как все в нем, народность его неподдельная. Об этом бесспорнее всего свидетельствует не поэма о народном бунте, а опять-таки лирика его:

*Тихо в чаще можжевеля по обрыву
Осень, рыжая кобыла, чешет гриву.*

Этот образ осени и многие другие образы его поражали сперва, как немотивированная дерзость. Но поэт заставил нас почувствовать крестьянские корни своего образа и глубоко принять его в себя. Фет так не сказал бы, а Тютчев еще менее. Крестьянская подоплека, творческим даром преломленная и утонченная, у Есенина крепка. Но в этой крепости крестьянской подоплеки причина личной некрепости Есенина: из старого его вырвало с корнем, а в новом корень не принял. Город не укрепил, а расшатал и изранил его. Поездка по чу-

жим странам, по Европе и за океан не выровняла его. Тегеран он воспринял несравненно глубже, чем Нью-Йорк. В Персии лирическая интимность на рязанских корнях нашла для себя больше сродного, чем в культурных центрах Европы и Америки.

Есенин не враждебен революции и никак уж не чужд ей; наоборот, он порывался к ней всегда — на один лад в 1918 г.:

*Мать моя — родина, я большевик.
На другой — в последние годы:
Теперь в советской стороне
Я самый яростный попутчик.*

Революция вломила и в структуры его стиха, и в образ, сперва нагроможденный, а затем очищенный. В крушении старого Есенин ничего не терял и ни о чем не жалел. Нет, поэт не был чужд революции, — он был несроден ей. Есенин интимен, нежен, лиричен, — революция публична, эпична, катастрофична. Оттого-то короткая жизнь поэта оборвалась катастрофой.

Кем-то сказано, что каждый носит в себе пружину своей судьбы, а жизнь разворачивает эту пружину до конца. В этом только часть правды. Творческая пружина Есенина, разворачиваясь, натолкнулась на грани эпохи и — сломалась.

У Есенина немало драгоценных строк, насыщенных эпохой. Ею овеяно все его творчество. А в то же время Есенин «не от мира сего». Он не поэт революции.

*Приемлю все, — как есть, все принимаю.
Готов идти по выбитым следам,
Отдам всю душу Октябрю и Маю.
Но только лиры милой не отдам.*

Его лирическая пружина могла бы развернуться до конца только в условиях гармонического, счастливого, с песней живущего общества, где не борьба царит, а дружба, любовь, нежное участие.

Такое время придет. За нынешней эпохой, в утробе которой скрывается еще много беспощадных и спасительных боев человека с человеком, придут иные времена, — те самые, которые нынешней борьбой подготавливаются. Личность человеческая расцветет тогда настоящим цветом. А вместе с нею и лирика. Революция впервые отвоюет для каждого человека право не только на хлеб, но и на лирику. Кому писал Есенин кровью в свой последний час? Может быть, он перекликнулся с тем другом, который еще не родился, с человеком грядущей эпохи, которого одни готовят боями, Есенин — песнями. Поэт погиб потому, что был несроден революции. Но во имя будущего она навсегда усыновит его.

К смерти Есенин тянулся почти с первых годов творчества, сознавая внутреннюю свою незащищенность. В одной из последних песен Есенин прощается с цветами:

*Ну, что ж, любимые, — ну, что ж,
Я видел вас и видел землю,
И эту гробовую дрожь,
Как ласку новую, приемлю...*

Только теперь, после 27 декабря, можем мы все, мало знавшие или совсем

не знавшие поэта, до конца оценить интимную искренность есенинской лирики, где каждая почти строчка написана кровью пораненных жил. Там острая горечь утраты. Но и не выходя из личного круга, Есенин находил меланхолическое и трогательное утешение в предчувствии скорого своего ухода из жизни:

*И, песне внемля в тишине,
Любимая с другим любимым,
Быть может, вспомнит обо мне,
Как о цветке неповторимом.*

И в нашем сознании скорбь острая и совсем еще свежая умеряется мыслью, что этот прекрасный и неподдельный поэт по-своему отразил эпоху и обогатил ее песнями, по-новому сказавши о любви, о синем небе, упавшем в реку, о месяце, который ягненком пасется в небесах, и о цветке неповторимом — о себе самом.

Пусть же в чествовании памяти поэта не будет ничего упадочного и расслабляющего. Пружина, заложенная в нашу эпоху, неизмеримо могущественнее личной пружины, заложенной в каждого из нас. Спираль истории развернется до конца. Не противиться ей должно, а помогать сознательными усилиями мысли и воли. Будем готовить будущее! Будем завоевывать для каждого и каждой право на хлеб и право на песню.

Умер поэт. Да здравствует поэзия! Сорвалось в обрыв незащищенное человеческое дитя. Да здравствует творческая жизнь, в которую до последней минуты вплетал драгоценные нити поэзии Сергей Есенин.

М. Осоргин

«Отговорила роща золотая...»

Покончил с собой прекрасный поэт Сергей Есенин.

Не только безвкусицей, но и неуважением к памяти покойного было бы пользоваться его последним трагическим жестом для политических намеков и выводов. Если Есенин ушел из жизни, значит, она утратила для него силу страстного притяжения, какую имела прежде, значит, он исчерпал для себя и ее радости и ее огорчения. Пусто стало, и он ушел; и никто ему не судья, как никто не мог быть советчиком. И хотя умер он молодым, слишком молодым (30 лет), но от жизни он успел взять все, что мог, хотел и был способен. Да и трудно было бы представить себе Сережу Есенина не только нежным, но и совсем взрослым.

Обычная и приятная характеристика Есенина: талантливый поэт и хулиган. Последний эпитет он дал себе сам и от него не отказывался. А так как он был из семьи крестьянской и хулиганил соответственно уровню своего воспитания и развития, то ему вменялось в сугубую вину то, что в прежнее время поэту пушкинской поры из светской золотой молодежи часто ставилось почти в заслугу и уж во всяком случае прощалось. Можно одно сказать: от хулиганства Есенина никто никогда не страдал, кроме него самого.

Каким он был поэтом — про то напишут поэты и критики поэзии. Для меня же Есенин был — среди живых и творящих — самым большим и самым чистым; подлинным, настоящим русским поэтом его поколения. Вероятно, на поэте лежит много обязанностей: воспитывать нашу душу, отражать эпоху,

улучшать и возвышать родной язык; может быть, еще что-нибудь. Но несомненно одно: не поэт тот, чья поэзия не волнует. Поэзия Есенина могла раздражать, бесить, восторгать — в зависимости от вкуса. Но равнодушным она могла оставить только безнадежно равнодушного и невосприимчивого человека. Стихи же его последних двух лет, не все, но многие, большинство (особенно «Москва кабацкая») волновали таким высоким волнением, какого давно уже не дают нам переживать другие поэты. Пусть Пастернак создал или создает новую школу поэзии, пусть Ходасевич «привил классическую розу к советскому дичку», — им и прочим почет и уважение, — но на простых и чутких струнах сердца умел играть только Сергей Есенин, и, после Блока, только его поэзия ощущалась, как дар свыше, как то, за что можно простить не одно «хулиганство». Я говорю не о «литературщине», не об одной созерцании его стихов, а о его поэзии, о том, что под этим словом понимаю и считаю правильным понимать.

Вряд ли многие из здешних, зарубежных, знали Есенина лично; он «расцвел» в революции, а до нее был известен мало. Характеризовать его как человека в такую минуту неуместно. У него было чистое и отличное сердце, русское, широкое и свободное, — вот все, что я о нем могу и хочу сказать сейчас. Его трудно было не любить.

Лучше всех знал себя и лучше всех сказал о себе сам Есенин. И лучше всех объяснил он лежавшую на нем «роковую печать», тем, что он хотел повенчать «розу белую с черной жабой», что он «и похабничал и скандалил для того, чтобы ярче гореть». И этот внутренний разлад сердца и ума, чистоты и порока, веры и безверия, поэзии и хулиганства, — он сумел выразить изумительными строками признания:

*Стыдно мне, что я в Бога верил.
Горько мне, что неверю теперь.*

«Чертей» в своей душе он не отрицает, но он знает и то, что

*...коль черти в душе гнездились —
Значит, ангелы жили в ней.*

В сознании этой путаницы в душе поэта, веры и безверия, Божьего дара и кабацкого разгула, — он оставил нам строки своего завещания, обращенного к тем, кто будет свидетелем ухода его многогранной души:

*Вот за это веселие мути,
Отправляясь с ней в край иной,
Я хочу при последней минуте
Попросить тех, кто будет со мной, —
Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать.*

Но сам он выбрал и принял смерть иную... Поэтически-покаянными словами. С. Есенин в последнее время сам себя «вывел из моды». Он это знал и, по видимому, считал свою поэтическую карьеру вообще законченной. Его позднейшие стихи полны грусти неподдельной и чувств осенних. Я закончу отрывком из прошлогоднего его стихотворения «Отговорила роща золотая...»:

*Не жаль мне лет, растраченных напрасно,
Не жаль души сиреневую цветъ.
В саду горит костер рябины красной,
Но никого не может он согреть.
Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не пропадет трава,
Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова.
И если время, ветром разметая,
Сгребет их все в один ненужный ком...
Скажите так... что роца золотая
Отговорила милым языком.*

Игорь Северянин

Есенин

*Он в жизнь вбегал рязанским простаком,
Голубоглазым, кудреватым, русым,
С задорным носом и веселым вкусом,
К уладам жизни солнышком влеком.
Но вскоре бунт швырнул свой грязный ком
В сиянье глаз. Отравленный укусом
Змей мятежа, злословил над Иисусом,
Сдружиться постарался с кабаком...
В кругу разбойников и проституток,
Томясь от богохульных прибауток,
Он понял, что кабак ему поган...
И Богу вновь раскрыл, раскаясь, сени
Неистойвой души своей Есенин,
Благочестивый русский хулиган...*

Марина Цветаева

*И не жалость: мало жил.
И не горечь: мало дал.
Много жил — кто в наши дни жил
Дни: все дал, — кто песню дал.*

Хроника жизни и творчества Сергея Александровича Есенина [156] (1895–1925)

Сентябрь, 21 (3 октября н. с.). Родился Сергей Александрович Есенин в селе Константиново Кузьминской волости Рязанского уезда Рязанской губернии. Отец — Александр Никитич Есенин, мать — Татьяна Федоровна, урожденная Титова, крестьяне села Константиново.

Сентябрь, 24. Крещен в Константиновской церкви Казанской иконы Божией Матери.

Живет в доме бабушки Аграфены Панкратьевны Есениной.

1898

Живет в доме родителей Т. Ф. Есениной — Федора Андреевича и Наталии Евтихиевны Титовых.

1903–1904

Делает первые попытки писать стихи, подражая частушкам.

1904

Сентябрь. Поступает в Константиновское земское четырехгодичное училище, в котором обучается пять лет.

Конец года. Возвращается вместе с матерью в семью отца.

1905

Ноябрь, 22. Родилась сестра поэта Екатерина.

1907

Оставлен из-за плохого поведения на второй год в третьем классе Константиновского земского четырехгодичного училища.

1909

Май. С похвальным листом заканчивает Константиновское земское четырехгодичное училище.

Сентябрь. Успешно выдерживает вступительные экзамены и начинает учебу в церковно-приходской второклассной учительской школе (село Спас-Клепики Рязанской губернии и уезда). Во время учебы живет в Спас-Клепиках, приезжая на каникулы в Константиново.

1910

Начало систематического поэтического творчества.

1911

Март, 16. Родилась сестра поэта Александра.

Июнь, конец — июль, до 7. Приезжает в Москву к отцу и возвращается в Константиново.

1912

Март — апрель. В 1918 г. при первой публикации датирует этим временем

«Сказание о Евпатии Коловрате, о хане Батые, цвете Троеручице, о черном идолице и Спасе нашем Иисусе Христе».

Май, после 5. Посылает в Москву на конкурс лирических стихотворений им. С. Я. Надсона, объявленный Обществом деятелей периодической печати, свои стихи (какие именно, неизвестно).

— после 20. Заканчивает Спас-Клепиковскую церковноприходскую второклассную учительскую школу и получает звание учителя школы грамоты.

Первая половина (?) года. Готовит сборник стихов «Больные думы».

Июль, 8. Знакомство с М. Бальзамовой.

— вторая-третья декады. Предпринимает попытку издания в Рязани сборника стихов «Больные думы» (не выходя).

— конец. Выезжает из Константинова в Москву на постоянное местожительство.

Август, 18. Прописывается в Москве по адресу: Б. Строченовский пер., д. 24, кв. 11.

В течение месяца. Поступает на работу в контору владельца мясной лавки купца Н. В. Крылова, где приказчиком работает его отец А. Н. Есенин.

Уходит от отца и поступает на работу в контору книгоиздательства «Культура» (Малая Дмитровка, 1).

1913

Февраль — март. Распространяет среди рабочих социал-демократический журнал «Огни», намеревается печататься в этом журнале (произведения Есенина в этом издании не были опубликованы в связи с закрытием издания).

Весна. Поступает на работу в экспедицию типографии Товарищества И. Д. Сытина (Пятницкая ул.).

Март, до 16. Подписывает письмо «Пяти групп сознательных рабочих Замоскворецкого района г. Москвы» члену Государственной думы от социал-демократической партии Р. В. Малиновскому и собирает под ним другие подписи.

Май — декабрь. Работает в корректорской типографии Товарищества И. Д. Сытина.

Сентябрь, первая половина. Знакомится с поэтом и переводчиком И. А. Белоусовым, которому читает свои стихи.

— после 23. Становится слушателем первого курса историко-философского цикла академического отделения Московского городского народного университета имени А.А. Шанявского.

Сентябрь — октябрь. В письмах Г. А. Панфилову сообщает о проведенном у него на квартире обыске.

Сентябрь — декабрь. Делает первые попытки опубликовать свои стихи в московской периодической печати. Возможно, первая их публикация состоялась 27 ноября (10 декабря. н. ст.; не выявлена).

Октябрь, конец. В Московском охранном отделении в связи с участием Есенина в организации нелегального собрания рабочих-сытинцев, сочувствующих РСДРП(б), заведен персональный «Журнал наружного наблюдения»: «1913 год. Кл[ичка] наблюдения — «Набор». Установка: Есенин Сергей Александрович, 19 лет».

Ноябрь, 1–7. Находится под наружным наблюдением филёров, чьи донесения фиксируются в указанном «Журнале».

Декабрь, 19. Московское охранное отделение направляет в Департамент полиции письмо за № 302891 со сведениями о 16 лицах, которые «могут являться» подписавшими «Письмо пяти групп...», среди них: «Есенин Сергей Александрович, крестьянин Рязанской губернии и уезда, Кузьминской волости, села Константинова, 19 лет».

— 31. Встречает Новый год у себя на квартире с друзьями Г. Н. Пылаевым и В. Н. Наумовым — членами РСДРП(б), и находящимися под негласным надзором полиции.

1914

Январь. В московском детском журнале «Мирок» под псевдонимом Аристон напечатано стихотворение «Береза» — первая из известных публикаций поэта.

Январь — март. Вступает в гражданский брак с А. Р. Изрядновой.

Февраль, 25. Смерть ближайшего друга — Г. Панфилова.

Март, в течение месяца. Журнал «Мирок» печатает «Село» — вольный перевод отрывка из поэмы Т. Г. Шевченко «Княжна», к 100-летию со дня рождения кобзаря..

Май, 15. В петроградской большевистской газете «Путь правды» напечатано стихотворение «Кузнец».

— середина месяца. Оставляет работу в типографии И. Д. Сытина.

Июль, 16. Выезжает из Москвы в Крым.

— 18. Прибывает в Севастополь. В тот же день отбывает пароходом в Ялту.

— 18 — август, начало. Находится в Ялте.

Август, до 10. Возвращается из Крыма в Москву.

Август — декабрь. Откликается на войну произведениями «Молитва матери», «Богатырский посвист», «Галки» (текст последнего произведения не обнаружен). Пишет поэму «Марфа Посадница».

Сентябрь. Поступает корректором в типографию торгового дома «Д. Чернышев и Н. Кобельков».

Декабрь. Оставляет работу в типографии.

Декабрь, 2. Рождение сына Георгия (Юрия).

Конец 1914 — начало 1915. Пишет поэму «Русь». Подает заявление с просьбой о зачислении в действительные члены Суриковского литературно-музыкального кружка.

1915

Январь, 16. В книге регистрации рукописей редакции петроградского «Ежемесячного журнала» отмечено поступление стихотворения «Вечер» [«На лазоревые ткани...»] (в этом журнале опубликовано не было).

— 21. Отправляет первое письмо А. В. Ширяевцу, послужившее началом многолетнего общения двух поэтов.

Январь — февраль. На общественных началах становится секретарем журнала Суриковского литературно-музыкального кружка «Друг народа». Участвует в подготовке его второго номера.

Январь — февраль. Читает «Русь» членам Суриковского литературно-музыкального кружка.

Февраль, 2. Избирается членом редакционной комиссии кружка.

— 7. Участвует в заседании редакционной комиссии Суриковского литературно-музыкального кружка, выразив решительное несогласие с принципами

отбора материалов для журнала «Друг народа», предложенными руководством кружка.

— 8. Подает заявление о своем выходе из кружка.

— 22. Журнал «Женская жизнь» публикует «Ярославны плачут» — первую из известных статей Есенина.

Март, 8. Выезжает из Москвы в Петроград.

— 9. Встречается с А.А. Блоком на его квартире, читает свои стихи, получает рекомендательные письма к С. М. Городецкому и М. П. Мурашеву. А.А. Блок надписывал Есенину книгу своих стихов.

— 11. Встречается с С. М. Городецким и читает ему свои стихи. Получает от него рекомендательные письма к редактору-издателю «Ежемесячного журнала» В.С. Миролубову и секретарю журнала «Задуманное слово» С. Ф. Либровичу.

— 12. В книге регистрации рукописей «Ежемесячного журнала» отмечено поступление поэмы «Галки».

— 25. Читает стихи в салоне Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус. Знакомится с литературным критиком и публицистом Д. В. Философовым и писателем А. П. Чапыгиным.

— 28. Присутствует на вечере «Поэты воинам» в зале Армии и Флота. Знакомится с поэтами В.С. Чернявским и М. А. Струве.

— 30. Читает стихи в редакции «Нового журнала для всех».

Март-апрель. Завязывает знакомства в литературных кругах Петрограда (В. А. Рождественский, О. П. Онегина, А. М. Ремизов, Ф. К. Сологуб, Л. И. Каннегисер, Рюрик Ивнев, С. И. Чацкина, Я. Л. Сакер, К. Ю. Ляндау и др.).

Апрель, 22. Петроградский журнал «Голос жизни» публикует четыре стихотворения: «Гусляр» [«Тёмна ноченька, не спится...»], «Богомолки» [«По дороге идут богомолки...»], «В хате», «Рыбак», [«Под венком лесной ромашки...»], сопровождаемые статьей З. Гиппиус (под псевдонимом Р. Аренский) «Земля и камень».

— 24. Отправляет Н.А. Клюеву письмо, положившее начало многолетнему общению двух поэтов.

— 29. Выезжает из Петрограда в Москву.

— Фамилия Есенина названа в числе авторов «Голоса жизни» на обложке журнала.

— 30. Прибывает в Москву.

Май, 1. Выезжает из Москвы в Константиново и в тот же день прибывает на родину.

— 2. Н.А. Клюев отправляет первое ответное письмо Есенину.

Май — сентябрь. Живет в селе Константиново, посещает Рязань, Солотчу и окрестные села.

Июнь. Приезд Л. Каннегисера.

Июль, 22. Н.А. Клюев в письме В.С. Миролубову сочувственно оценивает стихотворения Есенина, опубликованные в июньском номере «Ежемесячного журнала».

Август, 7. С. М. Городецкий в письме Есенину сообщает о его возрастающей известности в Петрограде и Москве.

— 25. «Биржевые ведомости» публикуют поэму «Микола».

В течение месяца. Журнал «Северные записки» публикует поэму «Русь»,

«Ежемесячный журнал» — стихотворения «Пастух» [«Я пастух, мои палаты...»] и «Выткнулся на озере алый свет зари...».

— Н.А. Клюев в письме Есенину дает молодому поэту советы относительно общения с представителями петроградских писательских кругов.

— 6. Н.А. Клюев в письме к Есенину сообщает о желании выступить в Петрограде с совместным чтением стихов на военные темы.

— до 30. Проездом из Константинова в Петроград останавливается в Москве.

Октябрь, 2 или 3. Приезжает из Москвы в Петроград. Первая встреча с Н.А. Клюевым.

— до 10. Пишет первую автобиографию «Сергей Есенин».

— 10. Присутствует на совещательном собрании литературно-художественного общества «Страда», состоявшемся на квартире С. М. Городецкого (Петроград, Малая Посадская, д. 14, кв. 8).

— 17. Участвует в учредительном собрании литературно-художественного общества «Страда», председателем которого был избран И. И. Ясинский.

— 21. Посещает вместе с Н.А. Клюевым А.А. Блока.

Читает стихи в редакции «Ежемесячного журнала».

— 23. С. М. Городецкий пишет рекомендательное письмо редактору петроградского отделения газеты «Русское слово» А.В. Руманову, в котором просит помочь Есенину в издании его книги «Радуница» в издательстве И. Д. Сытина и высоко отзывается о творчестве молодого поэта.

— 25. Участвует вместе с Н.А. Клюевым, А. М. Ремизовым, С. М. Городецким в вечере «Краса» в концертном зале Тенишевского училища.

Октябрь — декабрь. Новые знакомства в литературно-художественных кругах Петрограда (М. Горький, Иванов-Разумник, Е. И. Замятин, Г. Д. Гребенщиков, Л. М. Рейснер, К. С. Петров-Водкин и др.).

— Представлен лицам, близким к высшим кругам российского общества, — певице Н. В. Плевицкой, полковнику Д. Н. Ломану и др.

Ноябрь, первая половина. Прекращается деятельность группы «Краса».

— 19. Выступает с чтением стихов на первом вечере литературно-художественного общества «Страда» в зале Товарищества гражданских инженеров (Серпуховская, 10).

Ноябрь — декабрь. «Северные записки» в рекламном объявлении о подписке на 1916 г. называют фамилию Есенина в числе участников журнала.

Декабрь, 6. В петроградских газетах «Речь» и «День» А. М. Ремизов публикует в своей обработке сказки «Каленые червонцы», «Николин умолот», «Свеча воровская» — сообщенные ему Есениным.

— 10. Вечер общества «Страда», посвященный творчеству Есенина и Н.А. Клюева. Доклад о творчестве поэтов делает И. И. Ясинский.

— В «Биржевых ведомостях» фамилия Есенина отмечена среди авторов, печатавших свои произведения в 1915 г.

— Посещает А.А. Ахматову и Н. С. Гумилева в Царском Селе. Ахматова надписывает Есенину журнальный оттиск поэмы «У самого моря», Гумилев — сборник «Чужое небо».

— конец месяца. Встречается с М. И. Цветаевой на квартире И. С. Каннегисера.

В течение месяца. Литературные и популярно-научные приложения к жур-

налу «Нива» печатают подборку под названием «Русь»: «Сторона ль моя, сторона...», «Тебе одной плету венки...» [«Руси»], «Занеслися залетною пташкой...».

Зима 1915–1916 гг. Посещает И. Е. Репина в его имении Пенаты, читает стихи. Знакомится с художником Ю. П. Анненковым.

1916

Январь, 4. Есенин и Н.А. Клюев при поддержке Д. Н. Ломана приезжают в Москву для выступлений в качестве «сказителей», в том числе в придворных кругах.

— между 7 и 10. Есенин и Н.А. Клюев выступают с чтением своих произведений в патронированном великой княгиней Елизаветой Федоровной лазарете для раненых при Марфо-Мариинской общине.

— 12. Вместе с Н.А. Клюевым выступает в доме великой княгини Елизаветы Федоровны перед хозяйкой и приглашенными ею гостями, в том числе художниками М. В. Нестеровым и В. М. Васнецовым.

— 21. Читает в московском «Обществе свободной эстетики» стихи и «Сказание о Евпатии Коловрате...» [«Песнь о Евпатии Коловрате»].

— 23 или 24. Вместе с Н.А. Клюевым возвращается из Москвы в Петроград.

— до 28. Отпечатан тираж первой книги «Радуница» (цензурное разрешение на выпуск в свет — 30 января).

Февраль, — 5. Выступает с чтением стихов в день открытия театра «Новая студия», организованного при литературно-художественном обществе «Страда», в зале Товарищества гражданских инженеров.

— 10. Выступает совместно с Н.А. Клюевым с публичным чтением стихов в Императорском женском педагогическом институте. Вступительное слово произносит профессор П. Н. Сакулин.

Делает дарственную надпись М. Горькому на книге «Радуница».

— 11. Мобилизационный отдел Главного управления Генерального штаба направляет Д. Н. Ломану уведомление о перечислении Есенина «с высочайшего соизволения» в Царскосельский полевой военно-санитарный поезд № 143 санитаром.

— 24. М. Горький в письме И. А. Бунину сообщает о цензурном запрете на печатание «Марфы Посадницы» в журнале «Летопись».

— 27. Участвует в вечере сказок и былин вместе с Н.А. Клюевым, В. К. Уструговой и заслуженным артистом

Императорской драмы Н.Н. Ходотовым в зале Петровского коммерческого училища.

— между 27 и 30. Журнал «Северные записки» (на титуле номера — «Февраль») начинает публикацию повести «Яр».

Март, конец — апрель, до 5 (?). Н.А. Клюев передает Д. Н. Ломану «О песенном брате Сергее Есенине моление».

— 15. Читает стихи на «Вечере современной поэзии и музыки» в концертном зале Тенишевского училища вместе с А.А. Ахматовой, А.А. Блоком, Г. В. Ивановым, Н.А. Клюевым и др.

Откомандирован Петроградским резервом санитаров в Царскосельский полевой военно-санитарный поезд № 143.

— между 19 и 26. Выходит сборник «Страда», в котором публикуется стихотворение «Теплый вечер» («Теплый вечер грызет воровато...») [«Гаснут крас-

ные крылья заката..^».

— 20. Прибывает в распоряжение Царскосельского полевого военно-санитарного поезда № 143 для прохождения военной службы в качестве санитаря.

— 27. Выезжает с поездом в Крым, а затем к линии фронта.

Май, 16. Возвращается в Петроград из поездки к линии фронта.

— 28. Выезжает к линии фронта санитаром поезда.

В течение месяца. Журнал «Вестник Европы» печатает статью П. Н. Сакулина «Народный златоцвет», посвященную поэзии Есенина и Н. А. Клюева.

Июнь, 13. Возвращается в Царское Село из поездки к линии фронта.

Выписан «Увольнительный билет» «в Рязань сроком на пятнадцать дней по 30 июня с. г.».

16—30. Находится в отпуске, посещает вместе с Н.А. Клюевым Константиново..

— до 25. В «Северных записках» заканчивается печатание повести «Яр» (на титуле номера: «Апрель — май»).

— 28. Приезжает в Москву.

— 30. Возвращается в Царское Село.

Июль, 3. Присутствует на собрании писателей на квартире М. П. Мурашева, записывает в его альбом «Слушай, поганое сердце...».

— 13. Представляет рукопись стихотворения «Исус младенец» в Петроградский комитет по делам печати; в тот же день произведение запрещено к печати духовным цензором протоиереем П. Н. Лахостским.

— 17. Выезжает вместе с А.А. Ганиным в Вологду.

— 18. Находится в Вологде, делает попытку издать поэму «Галки».

— 19. Возвращается из Вологды в Петроград.

— 22. Читает «В багровом зареве закат шипуч и пенен...» и «Русь» на концерте для раненых воинов, устроенном в царскосельском лазарете № 17, в присутствии императрицы Александры Федоровны и ее дочерей.

Август, 21. В «Биржевых ведомостях» — рассказ «У белой воды».

— 29. В связи с несвоевременным возвращением из увольнения арестован на 20 суток.

Сентябрь, 30. Читает вместе с Н.А. Клюевым и П. И. Карповым стихи на квартире М. П. Мурашева.

Октябрь, 14. Посещает квартиру Л. Н. Андреева, оставляет стихотворения для публикации и надписывает писателю книгу «Радунца».

Посещает вместе с Н.А. Клюевым А. М. Ремизова.

— 22 и 23. Получает пропуск на богослужения в Феодоровский Государев собор (вместе с Н.А. Клюевым, А.А. Ганиным, художником П. С. Наумовым, также проходящим службу санитаром).

В течение месяца. Есенин и Н.А. Клюев отказываются от предложения Д. Н. Ломана написать совместную книгу стихов о Феодоровском соборе.

Ноябрь, не позднее 3. За участие в концертах 22 июля для раненых воинов в царскосельском лазарете № 17 по представлению Д. Н. Ломана императрица Александра Федоровна жалует Есенину золотые часы с цепочкой и изображением государственного герба.

— 4. Выезжает из Петрограда в Москву.

— 8. Приезжает в Константиново.

— до 19 или 20. Возвращается в Царское Село.

— 20. В письме И. И. Ясинскому сообщает о работе над книгой стихотворений, которую сначала намеревается «провести по журналам».

Декабрь, 8, или 18, или 28. В письме М. В. Аверьянову сообщает о тяжелом материальном положении и просит денег в счет книги «Голубень».

— 28. Читает вместе с Н.А. Клюевым стихи на «Вечере народного искусства» для раненых воинов в лазарете № 17; в концерте участвуют также Н. В. Плевацкая, Н. С. Артамонов,

А. Я. Ваганова и др.

Вторая половина года. Готовит к печати книгу «Голубень» (вышла в 1918 г.).

1917

Январь, 1, 5 и 6. Получает пропуска на богослужения в Феодоровский собор (Царское Село).

— 14. Вместе с группой санитаров лазарета приведен к военной присяге — подписывает «Клятвенное обещание на верность службы».

В течение месяца. Журнал «Доброе утро» публикует рассказ «Бобыль и Дружок».

Февраль, начало. На квартире Иванова-Разумника в Царском Селе знакомится с Андреем Белым. Вместе с другими литераторами участвует в подготовке сборников «Скифы».

— 8. Посещает вместе с Н.А. Клюевым литературнохудожественное собрание на квартире Ф. К. Сологуба. Читает там стихи.

— 19. Читает стихи в Трапезной палате Феодоровского городка (Царское Село) во время приема, данного Д. Н. Ломаном в честь членов «Общества возрождения художественной Руси».

— 23. Получает удостоверение об откомандировании в г. Могилев и «экстренный отзыв» на имя начальника станции Царское Село с просьбой отправить санитаря Есенина «в г. Могилев по делам... поезда».

Март, 17. В связи с сокращением штата откомандирован из санитарного поезда № 143 в распоряжение воинской комиссии при Государственной думе; через несколько дней получает аттестат о том, что препятствий к его «поступлению в школу прапорщиков не встречается».

— после 17. Выезжает из Петрограда в Москву и через несколько дней возвращается обратно.

Встречается в Москве с А. Н. Толстым и Н. В. Крандиевской.

— после 23. Пишет маленькую поэму «Товарищ».

— 28. Стихотворение «Наша вера не погасла...» напечатано в газете «Дело народа» — начало сотрудничества в эсеровской печати, в основном в изданиях, редактируемых Ивановым-Разумником.

Апрель, 9. «Дело народа» публикует «Марфу Посадницу».

В течение месяца. Пишет маленькую поэму «Певущий зов».

Апрель — май. Знакомится с З. Н. Райх.

Май, 25. Однодневная газета Союза деятелей искусства «Во имя свободы» печатает стихотворение «Есть светлая радость под сенью кустов...».

— 26. В «Деле народа» — маленькая поэма «Товарищ».

Май, конец — июнь, начало. Выезжает из Петрограда в Константиново.

Июнь, 28. «Дело народа» печатает «Певущий зов».

Июль, середина. Возвращается из Константинова в Петроград.

— около 25. Выезжает вместе с А.А. Ганиным и З. Н. Райх из Петрограда в деревню Коншино Вологодской губернии и уезда.

Июль, до 30. Выходит в свет первый сборник «Скифы», напечатанный «Марфу Посадницу» и стихи под общим заголовком «Голубень».

— 30. Венчается с З. Н. Райх в церкви Кирика и Иулитты близ Вологды.

Август, первая половина. Совершает с А.А. Ганиным и З. Н. Райх поездку по северу России: Вологда — Архангельск — Соловецкие острова — Мурманское побережье.

— середина месяца. Возвращается в Петроград.

— Передает в редакцию «Скифов» произведения для второго сборника.

Август, конец — сентябрь, первая половина. Совершает вместе с З. Н. Райх поездку к ее родителям в г. Орел.

Сентябрь, 6. Иванов-Разумник сообщает Андрею Белому о подготовке третьего сборника «Скифы», в котором, в частности, предполагалось опубликовать произведения Есенина и Н.А. Клюева (издание не состоялось).

— 10. В «Деле народа» опубликован «Отчарь».

— 21. Газета «Земля и воля» печатает «Не бродить, не мять в кустах багряных...».

— 30. В «Земле и воле» — стихотворение «Голубень».

Октябрь, до 4. Возвращается в Петроград.

— 25. Свержение Временного правительства встречает в Петрограде.

В течение месяца. Знакомится с П. В. Орешиним, И. Г. Эренбургом.

Ноябрь, 22. Вечер поэзии Сергея Есенина в концертном зале Тенишевского училища.

В течение месяца. Вступает в члены петроградской артели художников «Сегодня».

Декабрь, между 14 и 20. Выходит второй сборник «Скифы» с циклами произведений Есенина «Стихослов» («Товарищ», «Ус», «Певущий зов», «Отчарь») и «Под отчим кровом» (15 стихотворений).

— 31. Посещает вместе с П. В. Орешиним Иванова-Разумника в Детском Селе.

— конец месяца. В письме Иванову-Разумнику дает негативную оценку последним произведениям Н.А. Клюева.

В течение месяца. Читает стихи вместе с П. В. Орешиним на концерте-митинге в театре завода Речкина (затем Вагоностроительный завод имени Егорова).

Участвует с чтением стихов в публичных собраниях-вечерах, организуемых партией левых эсеров.

1918

январь — 2. Присутствует на митинге «Народ и интеллигенция» в зале армии и флота..

— 3. Проводит вечер у А.А. Блока.

— 21. Присутствует на вечере «Утро России» в зале Тенишевского училища.

30. Участвует в заседании редакции журнала «Наш путь», состоявшемся в помещении газеты «Знамя труда». Присутствуют также А.А. Блок, А. П. Чапыгин, Иванов-Разумник и др.

— В течение месяца. Пишет «Инонию».

Февраль, середина. В издательстве артели художников «Сегодня» выходит

книга «Исус младенец», из 1000 экземпляров которой в 125 иллюстрации раскрашены от руки художницей Е. И. Туровой.

Февраль, 20. Присутствует на чествовании А.А. Блока, проходившем в столовой Технологического института.

— после 21. Записывается в боевую дружину эсеров.

— 24. В «Знамени труда» — поэма «Пришествие» с посвящением Андрею Белому.

— 25. Выходит коллективный сборник «Красный звон», в котором публикуются маленькие поэмы «Марфа Посадница», «Товарищ», «Ус», «Певущий зов», «Отчарь».

Март, после 3. Встречается с А.А. Блоком и в беседе касается его поэмы «Двенадцать»; в результате обсуждения автором в текст поэмы внесена поправка. (В рукописи в строчках «Не слышно шуму городского, над старой башней тишина» слово «старой» зачеркнуто и вместо него написано «Невский» и там же пометка: «По совету С. Есенина»).

— середина месяца. Выезжает из Петрограда в Москву, где посещает редакцию журнала «Рабочий мир».

— до 20. Возвращается в Петроград.

Апрель, 5. «Знамя труда» печатает статью «Отчее слово».

— 7. В «Знамени труда» — маленькая поэма «Пришествие» с посвящением Андрею Белому и «Октоих».

— 13. В первом номере журнала «Наш путь» — «Октоих», «Пришествие» с посвящением Андрею Белому и «Преображение» с посвящением Иванову-Разумнику.

— до 25. Выезжает в Москву.

Май, между 16 и 22. В издательстве «Революционный социализм» (Пг.) выходит книга «Голубень».

— 19. В «Знамени труда» — фрагменты «Инонии».

— Газета «Голос трудового крестьянства» публикует «Частушки (О поэтах)» с пометой: «Записал С. Есенин» и «Девичьи (полюбовные)» с пометой: «Собрал С. Есенин».

— 29. В «Голосе трудового крестьянства» — «Прибаски» с пометой: «Собрал С. Есенин».

Июнь, 5. Читает стихи на литературно-музыкальном вечере в помещении бывшего Немецкого клуба..

— 8. «Голос трудового крестьянства» публикует «Частушки (смешанные)» с пометой: «Собрал С. Есенин».

— 11. У Есенина и З. Н. Райх рождается дочь Татьяна.

«Знамя труда» публикует маленькую поэму «Сельский часослов» с посвящением В.С. Чернявскому.

— 15. Во втором номере журнала «Наш путь» — «Инония» и рецензия на сборник стихов П. В. Орешина «Зарево».

— середина месяца. Выезжает из Москвы в Константиново.

— 20–23. Пишет маленькую поэму «Иорданская голубица».

— 23. «Голос трудового крестьянства» печатает «Сказание о Евпатии Коловрате...» [«Песнь о Евпатии Коловрате»].

Август, 18. Газета «Известия Рязанского Губернского Совета рабочих и крестьянских депутатов» печатает маленькую поэму «Иорданская голубица».

— 22. «Литературные приложения» «Известий ВЦИК Советов крестьянских, рабочих, солдатских и казачьих депутатов» перепечатывают «Иорданскую голубицу», «Гаснут красные крылья заката...» и «Край ты мой заброшенный...».

Сентябрь, до 22. Возвращается из Константинова в Москву.

— 26. Газета «Вечерние известия Московского совета рабочих и красноармейских депутатов» печатает под общим заголовком «Вечер с метелкой» стихотворения «Где ты, где ты, отчий дом...», «Нивы сжаты, рощи голы...», «Я по первому снегу бреду...», «Разбуди меня завтра рано...».

— вторая половина месяца. Выступает инициатором и главным организатором издательства «Московская Трудовая Артель Художников Слова» (МТАХС), (заведующий — Есенин, члены правления — С. А. Клычков, П. В. Орешин, Андрей Белый, Л. И. Повецкий).

— конец месяца. Навещает больного Андрея Белого..

Сентябрь, конец — октябрь, начало. Вместе с С. А. Клычковым поселяется в здании Московского Пролеткульта (Воздвиженка, 16), где идут занятия литературной студии.

Сентябрь, конец — октябрь, до 5. Вместе с С. А. Клычковым, С. Т. Конёнковым и П. В. Орешиним составляет и подписывает «Заявление инициативной группы крестьянских поэтов и писателей об образовании крестьянской секции при Московском Пролеткульте».

Сентябрь — ноябрь. Работает над «Ключами Марии».

— Знакомится с А. Б. Мариенгофом.

Октябрь, 13. Читает стихи на вечере «Поэзия полей и предместий» с участием молодых поэтов.

— 26. Московская газета «Воля и думы железнодорожника» печатает без указания авторов «Кантату», написанную Есениным совместно с С. А. Клычковым и М. П. Герасимовым.

Октябрь — ноябрь. Вместе с Л. И. Повецким подписывает и публикует листовку-обращение МТАХС к книготорговым организациям.

— Читает стихи на занятиях литературной студии Московского Пролеткульта.

Ноябрь, 2. Присутствует в кафе «Домино» (Тверская, 18) на вечере поэзии, устроенном В. В. Каменским и В. Г. Шершеневичем.

— 3. Читает «О Русь, взмахни крылами...» на открытии памятника А.В. Кольцову в Москве.

— 7. Во время открытия на Красной площади в Москве мемориальной доски «Павшим в борьбе за мир и братство народов», выполненной С. Т. Конёнковым, исполняется «Кантата»: музыка И. Н. Шведова на слова Есенина, С. А. Клычкова и М. П. Герасимова.

— 12. Читает стихи совместно с В. В. Каменским, Рюриком Ивневым, В. Г. Шершеневичем и другими на вечере, посвященном открытию Всероссийского союза поэтов.

— до 18. В издательстве МТАХС выходит книга «Преображение».

— 20. Участвует в первом организационном собрании секции поэтов, беллетристов, переводчиков художественных произведений и художественных критиков Московского союза советских журналистов (МССЖ). Избирается в президиум секции и в комиссию по авторскому праву (вместе с С. А. Клычковым и П. В. Орешиним).

— 25. Участвует в собрании секции поэтов, беллетристов, переводчиков и критиков МССЖ, где от имени комиссии оглашается проект положения по авторскому праву (текст доклада по этому вопросу неизвестен).

Ноябрь, конец — декабрь, начало. Поездка в Тулу с Л. И. Повицким и С. А. Клычковым.

Декабрь, до 9. В издательстве МТАХС выходит книга поэм «Сельский часослов».

— до 17. Пишет заявление о приеме в Московский профессиональный союз писателей.

— 17. Единогласно избирается в Московский профессиональный союз писателей.

— 19. Выходит по собственному желанию из президиума секции поэтов, беллетристов, переводчиков и критиков МССЖ.

— до 20. Пишет заявление в Московский профессиональный союз писателей с просьбой о выдаче документа, охраняющего крестьянское хозяйство его родителей в с. Константиново от налогов и реквизиций.

— вторая половина месяца. В издательстве МТАХС выходит в свет второе издание книги «Радуница».

В течение месяца. Выступает одним из организаторов «Коммуны пролетарских писателей» (общезития пролетарских писателей).

Конец (?) года. Пишет маленькую поэму «Небесный барабанщик».

1919

Январь, 30. Воронежский журнал «Сирена» № 4/5 публикует «О Боже, Боже, эта глубь...». В этом же номере печатается «Декларация» имажинистов, подписанная Есениным,

Рюриком Ивневым, А. Б. Мариенгофом, В. Г. Шершеневичем, Б. Р. Эрдманом и Г. Б. Якуловым.

В течение месяца. В самарском журнале «Зарево заводов» публикуется текст «Кантаты», написанной Есениным совместно с М. П. Герасимовым и С. А. Клычковым.

Февраль 10. Газета «Советская страна» печатает «Песню собаке» и «Устал я жить в родном краю...». В этом же номере помещены «Декларация» имажинистов и сообщение об организации кооперативного издательства «Имажинисты», в числе организаторов которого назван Есенин. Сообщается о подготовке к печати в этом издательстве книг поэта «Стихи» (не издавалась) и «Ключи Марии» (вышла в издательстве МТАХС). Газета помещает объявление издательства «Имажинисты» о том, что печатаются коллективные сборники «Имажинисты» и «Плавильня слов».

— до 16. В коллективном сборнике «Явь» — «Преображение».

— 17. «Советская страна» печатает маленькую поэму «Пантократор» с посвящением Рюрику Ивневу.

— Фамилия Есенина упомянута в списке членов литературной секции в извещении об организации литературного поезда имени А.В. Луначарского (газета «Советская страна»; проект не был реализован).

— 19. Читает стихи на вечере имажинистов в кафе поэтов. С эстрады кафе впервые прочитан манифест имажинистов.

— 23. Принимает участие в вечере имажинистов, проведенном в ответ на критическое выступление в прессе В. М. Фриче. С участием поэта проводится

аукцион-продажа сборника «Явь».

— после 23. Подает заявление о приеме в литературнохудожественный коммунистический клуб советской секции писателей-художников и поэтов при МССЖ (Московского союза советских журналистов).

Март, 1. Выступает вместе с А. Б. Мариенгофом и Рюриком Ивневым на музыкально-литературном вечере (эстрада-столовая Всероссийского союза поэтов).

— 27. Подписывает приветственный адрес М. Горькому в связи с его 50-летием от Дворца искусств совместно с А.В. Луначарским, Андреем Белым, К. Д. Бальмонтом и другими.

В течение месяца. Выходит из печати коллективный сборник «Автографы», в котором факсимильно воспроизведено стихотворение «Разбуди меня завтра рано...».

Апрель, 1. Принят в члены литературно-художественного кружка «Звено».

— 3. Выступает с речью об имажинизме и чтением стихов на «Митинге-выставке стихов и картин имажинистов» в Большой аудитории Политехнического музея.

— 4. Выступает на собрании секции писателей-художников и поэтов МССЖ.

— 23. Присутствует на собрании секции писателей-художников и поэтов МССЖ.

— 28. Подает заявление с просьбой принять в члены московского Дворца искусств.

Май, 1. Выступает совместно с К. Д. Бальмонтом, М. И. Цветаевой и другими на вечере поэтов, посвященном «Празднику труда», в московском Дворце искусств.

— 4. Фамилия Есенина появляется в списке постоянных сотрудников, изъявивших согласие на сотрудничество в еженедельнике «Жизнь и творчество русской молодежи».

— 13. Читает стихи на общем собрании членов кружка «Звено».

— с 27 на 28. Делает совместно с А. Б. Кусиковым, А. Б. Мариенгофом и другими имажинистами надписи на стенах Страстного монастыря.

В течение месяца. Сдает в издательство ВЦИК рукопись сборника стихотворений «Звездное стойло» (не выходил).

Июль, 11. Присутствует на вечере экспрессионистов в кафе Всероссийского союза поэтов.

— 12. Участвует в вечере «4 слона имажинизма» на эстраде-столовой Всероссийского союза поэтов.

В течение месяца. Кратковременная поездка совместно с художником Дидом Ладом и А. Б. Мариенгофом в Петроград.

— Киевский журнал «Красный офицер» № 3 печатает фрагмент поэмы «Небесный барабанщик».

Август, 24. На общем собрании Всероссийского союза поэтов избирается членом президиума.

Сентябрь, до 20. Пишет совместно с А. Б. Мариенгофом письмо председателю Моссовета с просьбой разрешить открытие книжной лавки МТАХС.

— до 24. Составляет совместно с А. Б. Мариенгофом текст «Устава Ассоциации вольнодумцев в Москве», завизированный 24 сентября народным комиссаром по просвещению

А.В. Луначарским. Избран председателем ассоциации.

— Октябрь, в течение месяца. В московском журнале «Всеобуч и спорт» («Красный всеобуч») — маленькая поэма «Небесный барабанщик» (полный текст).

Ноябрь, 30. Читает вместе с другими поэтами стихи, а затем выступает на диспуте-собеседовании о взаимоотношениях имажинизма и пролетарской поэзии в литературной студии Пролеткульта на вечере, посвященном «Новейшей поэзии».

— конец. Выходит из печати книга «Ключи Марии» с посвящением А. Б. Мариенгофу.

В течение месяца. Открытие книжного магазина МТАХС (Москва, Б. Никитская, 15). Есенин — совладелец лавки, часто бывает здесь, стоит за прилавком, продавая книги.

Декабрь, до 9. В коллективном сборнике имажинистов «Плавильня слов» публикуются «О Боже, Боже, эта глубь...», «Душа грустит о небесах...», «Песнь о собаке», «Закружилась листва золотая...», «Устал я жить в родном краю...». Сообщается о подготовке к выпуску издательством «Имажинисты» книги Есенина «Телец (том первый)» (не издана).

— 9. Журнал «Вестник театра» объявляет о подготовке к печати книги Есенина «Кобыльи корабли» с иллюстрациями Г. Б. Якулова.

— 28. Пишет вместе с А. Б. Мариенгофом заявление в Госиздат с просьбой разрешить выпуск литографических изданий их поэм «Октоих», «Пантократор», «Слепые ноги», «Анатолеград» (не выходили).

— 30. Участвует в общем собрании литературного кружка «Звено».

В течение месяца. Выходит коллективный сборник имажинистов «Конница бурь» (№ 1) с маленькой поэмой Есенина «Небесный барабанщик», посвященной Л. Н. Старку, (соредактору газеты «Советская страна», где публиковался Есенин).

В течение года. Подготовил для московского издательства трудовой артели писателей «Факел» книгу «Вече (революционные поэмы)» (не выходила).

1920

Январь, 26. Выступает на диспуте о пролетарской поэзии в Политехническом музее.

В течение месяца. Выходит вторым (?) изданием книга «Голубень».

— Переизбирается в президиум Всероссийского союза поэтов.

Февраль, 2. Выступает на диспуте «Настоящее и будущее русской литературы», организованном литературнохудожественным кружком «Звено».

Февраль, 3. Рождение сына Есенина и З. Н. Райх Константина.

— до 18. Обращается в отдел печати Моссовета с просьбой разрешить к изданию книги «Радуница», «Преображение», «Телец», «Словесная орнаментика» в своем издательстве «Злак» и просит зарегистрировать марку этого издательства.

— 23. Госиздат РСФСР, разрешив к выпуску книги «Радуница», «Преображение» и «Словесная орнаментика» и зарегистрировав марку издательства «Злак», отказывает в издании книги «Телец», так как право ее издания было передано автором Госиздату.

В течение месяца. Как представитель Всероссийского союза поэтов входит в тарифно-расценочную комиссию литературного отдела Наркомпроса.

- 5. Обращается совместно с А. Б. Мариенгофом и В. Г. Шершеневичем с письмом к народному комиссару по просвещению А.В. Луначарскому, в котором говорится о важных, по мнению авторов, вопросах литературной жизни и издательской деятельности.
- не ранее 23. Вместе с А. Б. Мариенгофом и А. М. Сахаровым выезжает из Москвы в Харьков.
- Апрель, 11. В пасхальную ночь читает «Инонию» и «Пантократора» на харьковских бульварах.
- середина. В коллективном сборнике «Харчевня зорь» — маленькая поэма «Кобыльи корабли».
- 19. Выступает вместе с А. Б. Мариенгофом, В. В. Хлебниковым, Б. А. Глубоковским (литератор, близкий к имажинистам) с чтением стихов в Харьковском городском театре.
- 22. Выезжает вместе с А. Б. Мариенгофом, А. П. Чапыгиным и А. М. Сахаровым из Харькова.
- 28. Возвращается в Москву.
- Май, начало. Выезжает из Москвы в Константиново.
- до 7. Возвращается в Москву.
- 8. Присутствует на вечере поэтов-экспрессионистов в клубе Всероссийского союза поэтов; инцидент с поэтом И. В. Соколовым.
- до 18. В книге «Конница бурь. Второй сборник имажинистов» — «Пантократор», «Теперь любовь моя не та...» с посвящением Н.А. Клюеву, «Хорошо под осеннюю свежесть...», «Я покинул родимый дом...».
- 20. На общем собрании Всероссийского союза поэтов исключается из числа членов в связи с инцидентом 8 мая (ссора с И. В. Соколовым).
- Июнь, 14. Избирается в действительные члены Дворца искусств по литературному отделу.
- до 24. Под маркой издательства «Злак» выходит книга «Трерядница».
- 24. Делает дарственную надпись на книге «Трерядница» А. Б. Каменеву.
- Июль, между 5 и 8. Выезжает вместе с А. Б. Мариенгофом и Г. Р. Колобовым в его служебном вагоне на Кавказ.
- 10–13. Прибывает в Ростов-на-Дону.
- 21. Читает стихи на литературно-художественном вечере в театре имени Я. М. Свердлова в Ростове-на-Дону.
- после 21. Выезжает из Ростова-на-Дону в Таганрог, затем возвращается обратно.
- 27. Выезжает из Ростова-на-Дону в Новочеркасск, где объявленный литературный вечер не состоялся. В тот же день возвращается в Ростов-на-Дону.
- Август, 5. Выезжает из Ростова-на-Дону в Кисловодск (через Тихорецк, Минеральные Воды и Пятигорск).
- 9. Посещает в Пятигорске вместе с А. Б. Мариенгофом музей «Домик Лермонтова».
- 9–10. Приезжает в Кисловодск.
- 11. Выезжает из Кисловодска в Баку. Пишет в поезде «Кисловодск — Баку» письмо Е. И. Лившиц, в котором, в частности, говорит о жеребенке, пытавшемся обогнать поезд. Этот эпизод нашел свое отражение в «Сорокоусте», написанном тогда же «в прогоне от Минеральных до Баку» (А. Б. Мариенгоф).
- после 15. Приезжает в Баку.

- конец августа — сентябрь, начало. Приезжает в Тифлис.
- Сентябрь, после 15 (?). Возвращается из Тифлиса в Ростов-на-Дону через Баку.
- до 24. Возвращается в Москву.
- Октябрь, до 16. Книгоиздательство «Имажинисты» сообщает о подготовке книг Есенина «Голубень» и «Сельский часослов. Поэмы» (в книге А. Б. Кусиков «В никуда. Вторая книга строк»; в этом издательстве не выходили).
- не позднее 18. Готовит к продаже 6000 экземпляров второго сборника имажинистов «Конница бурь» агентству «Центропечать».
- в ночь с 18 на 19. Арестован органами ВЧК на квартире братьев Кусиковых вместе с ними.
- 19. Допрашивается в МЧК и подписывает протокол допроса.
- 24. Допрашивается в ВЧК и подписывает протокол допроса.
- 25. Освобожден из тюрьмы ВЧК под поручительство Я. Г. Блюмкина.
- Октябрь — ноябрь. В берлинском издательстве «Скифы» выходят книга Есенина «Триптих» и коллективный сборник «Россия и Инония», в котором напечатаны поэмы «Товарищ» и «Инония».
- Ноябрь, 4. Читает стихи на литературном вечере «Суд над имажинистами», устроенном в Большом зале консерватории.
- 16. Участвует в «Литературном суде над современной поэзией» в Политехническом музее в качестве «эксперта».
- 17. Распорядительная комиссия Госиздата заслушивает отзыв Г. Ф. Устинова «о книге Сергея Есенина «Телец» и принимает решение «переговорить с автором».
- до 26. В московском книгоиздательстве «Имажинисты» выходит книга «Преображение».
- В течение месяца. Госиздатом завершена верстка книги «Телец».
- 14. Совместно с Рюриком Ивневым и А. Б. Мариенгофом подписывает заявление на имя А. В. Луначарского с просьбой разрешить двухмесячную командировку в Эстонию и Латвию для пропаганды современного революционного искусства (поездка не состоялась).
- 15. По запросу своего техотдела распорядительная комиссия Госиздата вновь возвращается к обсуждению книги «Стихи и поэмы о земле русской, о чудесном госте...», ранее сданной издательству ВЦИК в 1919 г., и решает отправить рукопись на отзыв А. Серафимовичу.
- 17. Серафимович дает краткий отрицательный отзыв на рукопись книги «Стихи и поэмы о земле русской, о чудесном госте...» (не выходила).
- до 20. В издательстве «Имажинисты» выходит книга «Радуница».
- 22. Продает агентству «Центропечать» 2000 экземпляров «Радуницы».
- 24. Распорядительная комиссия Госиздата отклоняет выпуск книги «Телец».
- до 28. В коллективном сборнике «Имажинисты» — «Сорокоуст» с посвящением А. Б. Мариенгофу.
- 31. Читает стихи на литературном вечере «Встреча Нового года с имажинистами» в Политехническом музее.
- В течение года. Подготовил к печати сборник «Руссеянь. Книга первая» (не выходил).

Январь, до 5. В книгоиздательстве «Имажинисты» выходит книга «Исповедь хулигана».

— до 21. В коллективном сборнике имажинистов «Золотой кипяток» — «Исповедь хулигана».

— 26. Выступает в Доме печати на очередной литературной среде, посвященной имажинистам.

Февраль, до 8. В книгоиздательстве «Имажинисты» выходит книга «Трерядница».

— 19. Пишет заявление об оформлении развода с З. Н. Райх.

— до 26. В коллективном сборнике имажинистов «Звездный бык» — «Песнь о хлебе».

Март, 9. Авторский вечер Есенина в Доме печати.

— 11. Делает дарственную надпись И. Г. Эренбургу на книге «Исповедь хулигана».

— 31. В 1-й Московской образцовой типографии заканчивается верстка книги поэм «Ржаные кони» для издательства «Альциона» (не выходила).

В течение месяца. Читает отрывки из «Пугачева» А. Б. Мариенгофу.

Апрель, 14. Газета «Известия ВЦИК» публикует письмо

А. В. Луначарского, в котором высказывается негативная оценка творчества и методов издательской деятельности имажинистов.

— до 16. В письме А. М. Сахарову просит адресата заняться изданием книги «Ржаные кони», включив в нее только стихотворения.

— 16. Выезжает из Москвы в Туркестан.

Апрель, конец — май, начало. Находится в Самаре.

Май, до 6. В читинском издательстве «Скифы» на Дальнем

Востоке» отдельной книгой выходит «Исус младенец».

— 8 или 9. Выезжает из Самары в Ташкент через Оренбург, Челкар, Казалинск.

— 12 или 13. Приезжает в Ташкент. Встречается с А. В. Ширяевцем и другими ташкентскими литераторами.

— 25. Творческий вечер Есенина в Туркестанской публичной библиотеке.

— 27 или 28. Читает «Пугачева» на квартире В. И. Вольпина.

В течение месяца. В журнале «Знамя» — статья «Быт и искусство (Отрывок из книги «Словесные орнаменты»)» и «Песнь о хлебе».

Май, 30 — июнь, 2. Выезжает из Ташкента в Самарканд и находится в этом городе.

Июнь, 3. Выезжает из Самарканда в Ташкент. В тот же день отбывает в Москву.

— до 10. Возвращается в Москву.

— в ночь с 10 на 11. Акция имажинистов — расклейка и распространение листовки «Всеобщая мобилизация» на улицах Москвы с приглашением «искателей и зачинателей нового искусства» собраться 12 июня на Театральной площади для шествия к памятнику А. С. Пушкину.

Июль, 1. Читает «Пугачева» на литературном вечере в Доме печати.

— 2. Присутствует в «Стойле Пегаса» на авторском вечере Сусанны Мар.

Август, 6. Читает «Пугачева» в клубе «Литературного особняка» (Арбат, 7). Среди слушателей — В. В. Маяковский,

В. Я. Брюсов, Л. Ю. Брик, В. А. Мануйлов.

— 15–17. В один из дней читал «Сорокоуст» на вечере имажинистов в клубе «Литературного особняка».

Август (?). Задержан на квартире З. П. Шаговой. Препровожден вместе с А. Б. Мариенгофом, Г. Р. Колобовым и другими во внутреннюю тюрьму ВЧК на Лубянке, где находился двое суток.

Сентябрь, до 15. Пишет совместно с А. Б. Мариенгофом и В. Г. Шершеневичем письмо в редакцию журнала «Печать и революция» — отклик на статью А. В. Луначарского (опубликовано в № 2 журнала).

В течение месяца. А. В. Луначарский публикует в журнале «Печать и революция» (№ 2) ответ на обращение к нему Есенина, В. Г. Шершеневича и А. Б. Мариенгофа.

Октябрь, 3. Знакомство с Айседорой Дункан.

— 5. Народный суд г. Орла выносит решение о расторжении брака Есенина с З. Н. Райх.

— 8. Посещает Г. А. Бениславскую и передает ей Библию.

— 17. Вместо объявленного участия в вечере всех поэтических школ и групп, проходившем под председательством

В. Я. Брюсова в Политехническом музее, читает стихи в другой аудитории (на Таганке).

Ноябрь, 7. Присутствует на выступлении А. Дункан в Большом театре.

— 17. Участвует в дискуссии по докладу Г. Д. Деева-Хомяковского «Революция и крестьянское творчество» в Доме печати.

Декабрь, конец. В петроградском издательстве «Эльзевир» выходит отдельным изданием поэма «Пугачев».

В течение месяца. В книгоиздательстве «Имажинисты» выходит книга «Пугачев» с посвящением А. Б. Мариенгофу.

— После длительного перерыва возобновляет переписку с Н. А. Клюевым.

1922

Январь, 11. Читает перед фонографом свои произведения, в частности монолог Хлопуши из «Пугачева» (запись ведет профессор Петроградского института живого слова С. И. Бернштейн).

— 14. «Пугачев» назван В. Э. Мейерхольдом среди пьес, намеченных к постановке в театре, в письме, направленном в коллегия Наркомпроса и в Главполитпросвет.

— 19. Присутствует на вечере В. В. Маяковского «Чистка современной поэзии» в Большой аудитории Политехнического музея.

Февраль, 10. Выезжает вместе с А. Дункан из Москвы и в тот же день прибывает в Петроград.

— 13. Пишет запродажную на поэму «Пугачев» Петроградскому отделению Госиздата (И. И. Ионову) и получает гонорар в сумме 9 миллионов рублей.

— Выезжает из Петрограда в Москву.

— 14. Возвращается в Москву.

— 19. Выступает в Доме печати на литературном аукционе в пользу голодающих Поволжья.

— до 22. В сборнике имажинистов «Конский сад: Вся банда» — отрывок из «Пугачева».

Март, 10. Редколлегия Петроградского отделения Госиздата принимает к изданию книгу «Пугачев» (книга не выходила).

— 14. Газета «Известия ВЦИК» сообщает о подготовке в издательстве «Альциона» двух томов книги Есенина «Ржаные кони» (книга не выходила).

— 17. Обращается к А.В. Луначарскому с просьбой ходатайствовать от имени Наркомпроса перед Наркоматом по иностранным делам (НКВД) о выдаче заграничного паспорта.

Апрель, 3. Постановлением комиссии по рассмотрению заграничных командировок Есенину разрешена поездка в Германию сроком на три месяца.

— 18. А. Дункан отправляет своему американскому импресарио С. Юроку телеграмму с предложением организовать турне по городам Америки с участием Есенина.

— 21. Народным комиссариатом по просвещению выписан мандат о командировке поэта в Германию сроком на 3 месяца.

— 24. Подает заявление на получение заграничного паспорта (текст неизвестен).

Май, 2. Регистрирует брак с А. Дункан.

— 5. Распорядительная комиссия Госиздата принимает решение издать книгу «Избранное» объемом 1124 строки и тиражом 3000 экземпляров.

— 8. Получает заграничный паспорт.

Май, 10. Вместе с А. Дункан вылетает самолетом в Германию с промежуточными посадками в Смоленске и Ковно, в тот же день прибывает в Кенигсберг и вечерним поездом отправляется через Данциг в Берлин.

— 11. Прибывает в Берлин и останавливается в отеле «Адлон».

— Посещает редакцию газеты «Накануне».

— с 12 на 13. Выступает с чтением стихов на литературном вечере в Доме искусств.

— 14. В литературном приложении к газете «Накануне» — стихотворения «Все живое особой метой...» и «Не жалею, не зову, не плачу...».

— Пишет автобиографию «Сергей Есенин».

— 17. Встречается с М. Горьким и дарит ему свою книгу «Пугачев» (М.: Импжинисты, 1922).

— 18. Подписывает договор об издании «Собрания стихов и поэм» с издателем З. И. Гржебиным.

— 21. В литературном приложении к газете «Накануне» — «Сторона ты, моя сторона...» [«Сторона ль ты моя, сторона!..»].

Июнь, 1. Выступает на литературном вечере «Нам хочется Вам нежное сказать» вместе с А. Н. Толстым, А. Б. Кусиковым, А. Ветлугиным читает «Пугачева», отрывки из «Страны негодяев» и стихи.

— до 25. В берлинском журнале «Новая русская книга» — автобиография Есенина.

— до 28–29. Прибывает в Дюссельдорф.

— 29. Пишет совместно с А. Дункан письмо заместителю народного комиссара иностранных дел М. М. Литвинову с просьбой содействовать поездке в Гаагу (поездка не состоялась).

В течение месяца. Путешествует с А. Дункан на автомобиле по городам Германии: Потсдам, Любек, Франкфурт-на-Майне, Лейпциг, Веймар, Висбаден.

Июль, до 4. Приезжает в Кельн.

Получает пропуск бельгийского консульства в Кельне для поездки по железной дороге в Брюссель (Бельгия) сроком на 15 дней, начиная с 5 июля

1922 г.

— 4. Выезжает из Кельна через Ахен в Бельгию.

— до 9. Прибывает в Остенде — город на берегу Северного моря, проделав путь по маршруту: Льеж — Намюр — Брюссель — Гент — Брюгге.

— 11. Возвращается в Брюссель.

— 13. Пишет письмо И. И. Шнейдеру, в котором, в частности, просит оказать денежную помощь сестре Е. А. Есениной.

— 15. Читает друзьям А. Дункан в гостинице «Hotel Metropole Bruxelles» отрывки из «Пугачева», в частности монолог Хлопуши.

— 18. Получает пропуск от консульства Франции в Брюсселе для проезда в Париж.

— до 27. Прибывает вместе с А. Дункан в Париж.

Август, начало. Выезжает из Парижа и направляется в

Италию. Останавливается в Венеции, Лидо — районе пляжей, отелей и зон отдыха. Посещает города Падуя, Флоренцию, Рим, Неаполь.

— 10. Пишет из Венеции письмо Е. А. Есениной в Москву, давая сестре советы и наставления, извещая, что будет отправлять посылки и пайки родителям.

— до 13. «Русское Универсальное Издательство» (Берлин) выпускает отдельным изданием «Пугачева».

— 14. Находится в Лидо (Венеция).

— вторая половина месяца. Возвращается в Париж через Милан, Турин, Лион.

Сентябрь, 11. В Госиздате РСФСР выходит книга «Избранное» объемом 1060 строк и тиражом 1500 экземпляров.

— 13. Получает паспорт от Российского Генерального консульства в Париже (Консульства Временного правительства России) для поездки в Соединенные Штаты Северной Америки.

— после 23. В парижском издательстве «Унион» выходит книга Есенина на французском языке «Confession d'un voyou» («Исповедь хулигана»), перевод Марии Милославской и Франца Элленса.

— 25. Отплывает вместе с А. Дункан и А. Ветлугиным на пароходе «Paris» из Гавра в Нью-Йорк.

Октябрь, 1. Прибывает в акваторию нью-йоркского порта. Задержан иммиграционными властями США на корабле.

— 2. Отправлен вместе с А. Дункан и А. Ветлугиным на остров Эллис-Айленд. После опроса получено разрешение иммиграционных властей на пребывание Есенина и А. Дункан в США.

— В тот же день сходит на берег и останавливается вместе с А. Дункан в гостинице «Waldorf-Astoria».

— 7,11,13 и 14. Присутствует на выступлениях А. Дункан в «Карнеги-Холл» (Нью-Йорк).

— 18. Отбывает в Бостон через Провиденс (эту и все дальнейшие поездки по США совершает по железной дороге).

— 20 и 21. Присутствует на выступлениях А. Дункан в бостонском «Симфони-Холл».

— 22–23. Прибывает в Чикаго, где находится шесть дней, посещает известные чикагские скотобойни.

Ноябрь, 1. Возвращается в Нью-Йорк в гостиницу «Waldorf-Astoria».

— 14 и 15. Присутствует на выступлениях А. Дункан в нью-йоркском «Карнеги-Холл».

— 16–17. Выезжает в Индианаполис; по прибытии читает стихи на платформе железнодорожного вокзала, собрав толпу любопытных.

— до 19. В Берлине в издательстве Гржебина выходит «Собрание стихов и поэм. Том 1».

— 22–24. Находится в Луисвилле, где А. Дункан выступает в Mасаuley's Theater.

— с 24 по 30. Посещает последовательно ряд американских городов, в которых проходят выступления А. Дункан: Милуоки, Канзас-Сити, Сент-Луис.

В течение месяца. В журнале «Гостиница для путешественников в прекрасном» — стихотворение «Прощание с Мариенгофом».

Декабрь, 4. Находится в Мемфисе.

— 5. Возвращается в Чикаго.

— между 6 и 8. Посещает Детройт.

— 9—10. Прибывает в Кливленд.

— 10. В Кливленде присутствует на выступлении А. Дункан в здании Public Auditorium.

— середина месяца. Возвращается в Нью-Йорк в гостиницу «Waldorf-Astoria».

— 25. Присутствует на выступлении А. Дункан в Brooklyn Academy of Music в Нью-Йорке.

— 26. Выезжает вместе с А. Дункан и ее аккомпаниатором М. Рабиновичем из Нью-Йорка в Толидо.

— 27. Присутствует на выступлении А. Дункан в Толидо.

— 28–29. Возвращается в Нью-Йорк.

В течение года. Работает над «Страной негодяев».

1923

Январь, 13. Переселяется из гостиницы «Waldorf-Astoria» в гостиницу «Great Northern Hotel» в Нью-Йорке. Вечером присутствует на выступлении А. Дункан в «Карнеги-Холл».

— 15. Присутствует на выступлении А. Дункан в «Карнеги-Холл».

— в ночь с 27 на 28. Читает монолог Хлопуши из «Пугачева» и отрывок из первой части «Страны негодяев» на квартире еврейского поэта Мани-Лейба (М. Л. Брагинского) в Бронксе (район Нью-Йорка). Вечер заканчивается скандалом.

Февраль, 2. Получает разрешение от Генерального консульства Франции в Нью-Йорке на въезд в эту страну.

— 3. Отбывает вместе с А. Дункан из Нью-Йорка во Францию на пароходе «George Washington».

— 11. Прибывает в портовый город Шербур (Франция).

— 14. Приезжает в Париж, останавливается в гостинице «Крилон».

— с 14 на 15. Инцидент в гостинице заканчивается приводом в полицейский участок, где поэту предписано покинуть Францию.

— 15. Выезжает из Парижа и в тот же день прибывает в Берлин.

Март, 11. Читает стихи в помещении германского аэроклуба на концерте-бале по случаю годовщины Объединения российских студентов в Герма-

нии.

— после 20. Передает издателю — инженеру И. Т. Благову подготовленный к печати сборник «Стихи скандалиста».

— 29. Читает стихи на вечере, устроенном Объединением российских студентов в Германии.

Апрель, после 4. Выезжает на автомобиле из Берлина в Париж (через Лейпциг, Веймар, Страсбург).

— 10. Прибывает во Францию.

В течение месяца. Журнал «Россия» сообщает о работе Есенина над произведением «Человек в черной перчатке» (неизвестно, возможно, первоначальное название «Черного человека»).

Апрель — сентябрь. Готовит книгу «Москва кабацкая».

Май, 13. Произносит вступительное слово и читает стихи на вечере в театре Раймона Дункана (брата Айседоры Дункан). Стихи Есенина в переводе на французский язык исполняют артисты театра «Comedie Franfaise».

Июнь, до 10. В Берлине выходит книга «Стихи скандалиста».

Июль, 11. Получает от префекта полиции Парижа удостоверение личности (на французском языке) для проезда в Германию без права возвращения во Францию.

— 24. Получает от Генерального консульства Бельгии в Париже визу на проезд через Бельгию без права остановки.

— после 24. Выезжает поездом из Парижа через Бельгию в Берлин.

— 30–31. Выезжает поездом из Берлина на родину.

Август, 1. Приезжает через Кенигсберг в Ригу.

— 3. Прибывает в Москву через Резекне — Даугавпилс — Полоцк — Витебск — Смоленск — Вязьму.

— после 3. Заполняет анкету для членов ВСП и пишет заявление о приеме в Союз поэтов.

— 4–6. Выезжает и живет вместе с А. Дункан под Наро-Фоминском, где отдыхают дети из школы А. Дункан.

— 7. Возвращается в Москву.

— 14. Пишет первую часть очерка «Железный Миргород».

— середина месяца. Знакомится с актрисой А.А. Миклашевской.

— 21. Делится впечатлениями от поездки по Европе и Америке и читает стихи из цикла «Москва кабацкая» и отрывки из «Страны негодяев» на вечере в Политехническом музее.

— 22. Газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» печатает первую часть «Железного Миргорода».

— 29. В письме к А. Дункан сообщает о посещении Л. Д. Троцкого и своих издательских планах.

— 31. Присутствует на товарищеской вечеринке артели писателей издательства «Круг».

В течение месяца. Читает друзьям и знакомым ранний вариант поэмы «Черный человек».

Сентябрь, 16. Газета «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» печатает вторую часть «Железного Миргорода».

— Подписывает протокол допроса в 46-м о/м г. Москвы в связи с инцидентом в кафе «Стойло Пегаса».

Дает подписку о невыезде из Москвы.

— 22. Пишет доверенность на имя Е. А. Есениной на получение своего академического пайка.

Октябрь, 1. Выступает с чтением стихов в Высшем литературно-художественном институте.

— до 9 (или 13). Отправляет телеграмму А. Дункан в Ялту об окончательном разрыве с ней.

— Выезжает в Петроград.

— 15–17. Находится в Петрограде.

— 18. Возвращается из Петрограда в Москву вместе с Н.А. Клюевым.

— 24. Присутствует вместе с Н.А. Клюевым в Большой аудитории Политехнического музея на концерте народной песни киргиз-кайсаков (общепринятое тогда именование казахов и киргизов).

— 25. Участвует вместе с Н.А. Клюевым и А.А. Ганиным в «Вечере русского стиля» (Москва, Дом ученых).

— 27. Присутствует на спектакле по рассказу О. Генри «Кабачок и роза» в театре «Острые углы», в котором играла А.А. Миклашевская.

Октябрь, конец — ноябрь, начало. Подписывает вместе с другими «поэтами и писателями, вышедшими из недр трудового крестьянства» письмо в ЦК РКП с просьбой о предоставлении возможности самостоятельно издавать свои книги. Сведений об отправке этого письма по назначению нет.

Ноябрь, 20–21. Задержан вместе с С. А. Клычковым, П. В. Орешиним и А.А. Ганиным в пивной И. А. Малинникова органами милиции и ГПУ.

— Подписывает протокол допроса в 47-м о/м г. Москвы.

— Заполняет анкету для арестованных и задержанных в ГПУ.

— Подписывает протокол допроса в ГПУ.

— 22. Газета «Рабочая Москва» публикует статью Л. Сосновского «Испорченный праздник» с обвинением Есенина, С. А. Клычкова, П. В. Орешина и А.А. Ганина в антисемитизме.

— 30. Газета «Правда» публикует открытое письмо четырех поэтов по поводу статьи Сосновского.

Декабрь, 10. Товарищеский суд по «Делу четырех поэтов» в Доме печати.

— 13. Товарищеский суд выносит поэтам порицание за хулиганство и отвергает обвинения их в антисемитизме.

— 17. Ложится для лечения в профилакторий имени Шуйской (Б. Полянка, 52).

1924

Январь, 1. Пишет предисловие к Собранию стихов и поэм в двух томах (издание не состоялось).

— 20–21. Подписывает протокол допроса задержанного в 46 о/м г. Москвы в связи с инцидентом в кафе Всероссийского союза поэтов.

— Дает подписку о невыезде из Москвы.

Январь, конец — февраль, начало. Выписывается из профилактория.

Февраль, начало. Знакомится с П. И. Чагиным.

— 13. Поступает в Шереметевскую больницу (ныне Институт имени Склифосовского) с диагнозом «рваная рана левого предплечья».

В течение месяца. «Гостиница для путешествующих в прекрасном» (№ 3) печатает «Я усталым таким еще не был...», «Мне осталась одна забава...», «Да!

Теперь решено. Без возврата...» под общим заголовком «Москва кабацкая».

Март, 9. Выписывается из Шереметевской больницы.

— 10. Переведен для продолжения лечения в Кремлевскую больницу.

— 19. Выписывается из Кремлевской больницы.

— 20. Поступает в клинику Ганнушкина и в тот же день оставляет ее, временно поселяясь на квартире И. В. Бардина.

— до 30. Пишет тезисы предстоящего выступления на авторском вечере в Ленинграде — «О мерзости и прочем в литературе. Вызов не попутчикам» (текст неизвестен).

Апрель, 1. Встречается с А.В. Ширяевцем.

— 7. Подписывает протокол допроса в 26 о/м г. Москвы в связи с инцидентом в Малом театре 6 апреля.

— Дает подписку о невыезде из Москвы.

— Пишет в правление Ассоциации вольнодумцев письмо, в котором отказывается сотрудничать в «Гостинице для путешественников в прекрасном».

— Заключает договор с Госиздатом на издание «Пугачева».

— 12 или 13. Приезжает в Ленинград.

— до 14. Получает в Ленинградском отделении Госиздата корректуру книги «Москва кабацкая».

— 14. Выступает на авторском вечере в концертном зале Лассалья (бывшем зале Городской думы).

— 15. Выступает с чтением стихов в Доме самодеятельного театра.

Апрель — май. Работает над корректурой сборника «Москва кабацкая». Ведет переговоры в ленинградских редакциях и отделении Госиздата об издании своих произведений.

Май, до 9. Возвращается из Ленинграда в Москву.

— 9. Подписывает в числе писателей, поэтов и литературных критиков письмо в отдел печати ЦК РКП(б), в котором авторы связывают свои пути с «путями Советской пооктябрьской России» и протестуют против нападок со стороны литераторов, группировавшихся вокруг журнала «На посту».

— первая половина. Альманах артели писателей «Круг. III» печатает отрывок «Ленин» из поэмы «Гуляй-поле».

— 12.. Родился внебрачный сын Александр. (Алик)

— 15. Смерть А.В. Ширяевца.

— 17. Участвует в гражданской панихиде, похоронах Ширяевца на Ваганьковском кладбище в Москве и в поминальном вечере.

— 30–31. Выезжает из Москвы в Константиново.

Май — июнь. Журнал «Книга о книгах» печатает ответы Есенина на вопросы анкеты об А.С. Пушкине.

— до 5. Возвращается из Константинова в Москву.

— 6. Возлагает от имени Всероссийского союза писателей цветы к памятнику Пушкину в Москве в день 125-летия со дня рождения поэта. Читает стихотворение «Пушкину» на юбилейном митинге.

— 7. Выступает с чтением стихов на торжественном заседании, посвященном пятилетию Госиздата, состоявшемся в Большом зале Московской консерватории.

— 9. Выезжает вместе с С. А. Клычковым, П. В. Орешиним, Н. С. Власовым-Окским в Тверь и принимает участие в литературном вечере, посвящен-

ном памяти А.В. Ширяевца.

— 10. Возвращается из Твери в Москву.

— 12. Дает доверенность Г. А. Бениславской для подписания договора с Госиздатом на издание книги «Березовый ситец».

— середина. Выезжает в Ленинград.

— 20. Пишет и передает Л. М. Клейнборту (литературный критик и публицист) автобиографию для второго тома «Очерки народной литературы» (книга не выходила).

— до 28. Пишет «Русь советскую» с посвящением: «А. Сахарову».

Июнь — июль. Встречается с А.А. Ахматовой.

— Выезжает неоднократно вместе с ленинградскими поэтами-имажинистами, В. А. Рождественским, Иваном Приблудным в Детское Село, где выступает с чтением стихов в санатории научных работников и в Ратной палате Федоровского городка.

Июль, 1. По доверенности поэта Г. А. Бениславская заключает договор с Госиздатом на выпуск его книги «Березовый ситец» объемом 1000 строк и тиражом 7000 экземпляров.

— 12. Выступает с чтением стихов в Сестрорецке на вечере в Курзале, организованном Ленинградским отделением Всероссийского союза писателей.

— до 19. В Ленинграде выходит книга «Москва кабацкая».

— 31.-Выезжает из Ленинграда.

В течение месяца. Заканчивает первую редакцию «Песни о великом походе» и сдает ее в редакцию журнала «Звезда».

Август, 1. Возвращается в Москву.

— 2–6. Пишет «Поэму о 36».

— 4. Участвует в организационном собрании общества «Современная Россия».

— до 14. Выезжает в Константиново.

— начало третьей декады. Возвращается из Константинова в Москву и затем вместе с американским журналистом А. Р. Вильямсом выезжает в деревню Верхняя Троица Тверской губернии к М. И. Калинин и гостит там два дня.

— 24. Участвует в заседании правления общества «Современная Россия».

— 31. «Правда» публикует «Письмо в редакцию» Есенина и И. В. Грузинова о роспуске группы имажинистов.

Сентябрь, 2. Подписывает договор с Госиздатом на издание книги «Песнь о великом походе».

— до 3. Намеревается уполномочить В. В. Казина заявить о своем выходе из числа сотрудников журнала «Красная новь» в случае изменения «линии Воронского» (доверенность адресату не доставлялась).

— 3. Выезжает из Москвы в Баку пассажирским поездом.

— 7. Приезжает в Баку, останавливается в гостинице «Новая Европа».

— 8. Выезжает из Баку в Тифлис.

— 9. Прибывает в Тифлис.

— 14. Принимает участие в торжествах по случаю празднования Международного юношеского дня.

Газета «Заря Востока» публикует «Песнь о великом походе».

— 16. Читает стихи, в том числе отрывок «Ленин» из поэмы «Гуляй-поле», в клубе совработников Тифлиса.

- 19. Выезжает из Тифлиса в Баку.
 - 20. Встречается в Баку с П. И. Чагиным.
 - с 20 на 21. Пишет «Балладу о двадцати шести».
 - 22. Газета «Бакинский рабочий» печатает «Балладу о двадцати шести» с посвящением Г. Б. Якулову.
 - 24. Там же — «Русь советская».
 - 25. Там же — «Пушкину» и «Этой грусти теперь не рассыпать...».
 - 29. Там же — отрывок из поэмы «Страна негодяев».
- Сентябрь — ноябрь. Посещает Ходжоры, Мцхет и пригороды Тифлиса, поднимается на Мтацминду (Давидовская гора) к могиле А.С. Грибоедова.
- Октябрь, 3. Выступает с чтением своих произведений в студенческом клубе имени Сабира Азербайджанского государственного университета, в том числе читает «Возвращение на родину», «Русь советскую», «Стансы», «Песнь о великом походе».
- 6. Уезжает из Баку в Тифлис.
 - 7. Прибывает в Тифлис, останавливается в гостинице «Ориант».
 - 11. «Заря Востока» печатает статью «Памяти Брюсова».
 - 17. Высылает Г. А. Бениславской стихи и сообщает о планируемом путешествии в Тегеран (поездка не состоялась).
 - до 21. Пишет первые стихотворения цикла «Персидские мотивы» — «Улеглась моя бывлая рана...», «Я спросил сегодня у менялы...».
 - 29. Посылает Г. А. Бениславской два стихотворения из цикла «Персидские мотивы», а также дает адресату указания относительно составления сборника «Рябиновый костер».
- Октябрь — ноябрь. Издательство «Круг» выпускает книгу «Стихи» (на обл.: «Стихи (1920—24)»).
- 6. В «Заре Востока» — «Русь уходящая» и анонс стихотворения «Воспоминание» (при жизни поэта не печаталось).
 - 12–13. Посещает вместе с Н. К. Вержбицким коллектор для беспризорников в Авлабаре (район Тифлиса).
 - 16. Читает стихи, в том числе «Русь бесприютную», на своем творческом вечере, состоявшемся в малом зале Совета профессиональных союзов.
- Декабрь, 3. Заключает договор с акционерным издательским обществом «Советский Кавказ» на выпуск книги «Страна советская».
- 6–7. Выезжает из Тифлиса в Батум.
 - 7–8. Прибывает в Батум.
 - 10. Газета «Трудовой Батум» печатает стихотворения «Я спросил сегодня у менялы...» и «Улеглась моя бывлая рана...» из цикла «Персидские мотивы».
 - Присутствует на литературном вечере-диспуте «Суд над футуристами», состоявшемся в Батумском театре.
 - 14. В письме П. И. Чагину сообщает о подготовке книги «Рябиновый костер», о работе над «Анной Снегиной», которую намеревается выслать адресату, и посылает «Цветы».
 - 16–17. Знакомится с Ш. Н. Тальян (Шаганэ).
 - 17. В письме к Г. А. Бениславской предлагает передать «Русь уходящую», «Русь бесприютную», «Письмо к женщине», «Поэтам Грузии», «Письмо от матери» и «Ответ» И. И. Ионову для издания отдельной книгой.
 - до 20. Получает от армянского издательства договорную сумму за сбор-

ник стихов на армянском языке (книга не выходила).

— до 25. В Баку выходит книга «Русь советская».

1925

Январь, до 20. В тифлисском издательстве «Советский Кавказ» выходит книга «Страна советская».

— 20. Сообщает Г. А. Бениславской о завершении работы над «Анной Снегиной», которую предлагает к печати; вновь возвращается к намерению посетить Персию или Константинополь.

Февраль, после 15. Выезжает из Батума в Тифлис.

— до 19. Прибывает в Тифлис.

— 21. Делает дарственную надпись на книге «Страна советская» грузинскому поэту Т. Ю. Табидзе

— 25. Выезжает из Тифлиса в Москву проездом через Баку.

Март, 1. Возвращается в Москву.

— 10. Впервые встречается с С. А. Толстой.

— 14 (?). Читает «Анну Снегину» и стихи из цикла «Персидские мотивы» на собрании литературной группы «Перевал» в Доме Герцена.

— 15–16. Выезжает в Константиново.

— 17. Получает в Кузьминском волисполкоме временное свидетельство об удостоверении личности сроком до 17 сентября 1925 г.

— 18. Возвращается из Константинова в Москву.

— 20. Журнал «Город и деревня» печатает окончание поэмы «Мой путь» (строки 124–180) и отрывки из поэмы «Анна Снегина» (строки 57–80, 217–318).

— 24. Делает дарственную надпись на книге «Москва кабацкая» А.А. Миклашевской.

— до 25. В Госиздате выходит книга «Песнь о великом походе» с иллюстрациями художника И. А. Француза.

— 27. Пишет Н.Н. Накорякову, зав. отделом художественной литературы Госиздата, по поводу альманаха «Поляне». «По замыслу Есенина альманах должен стать вехой современной литературы с некоторой ориентацией на деревню». (В. Наседкин). Альманах не вышел.

Выезжает из Москвы в Баку.

— 30. Прибывает в Баку, останавливается у П. И. Чагина.

Апрель, 3. Читает стихи на заседании кружка рабочих писателей и поэтов при газете «Бакинский рабочий».

— конец месяца. В московском издательстве «Современная Россия» выходит книга «О России и революции».

Май, 1. Принимает участие в праздновании 1 Мая в пригороде Баку Балаханы на закладке нового рабочего поселка имени Степана Разина, выступает с чтением своих стихов, исполняет частушки.

— Читает стихи из цикла «Персидские мотивы» на даче П. И. Чагина в Мардакянах (пригород Баку) в присутствии С. М. Кирова, первого секретаря ЦК АКП(б).

— Журнал «Город и деревня» печатает отрывок из поэмы «Анна Снегина» (строки 499–581).

— 1 и 3. В «Бакинском рабочем» — «Анна Снегина» с посвящением А. К. Воронскому.

— между 9 и 22. В Госиздате выходит книга «Березовый ситец».

- 9—17. Находится на лечении в бакинской больнице водников по поводу сильной простуды.
- 19. НКВД отказывает Есенину и его товарищам-литераторам в праве учреждения общества «Современная Россия».
- 20. Встречается с актером В. И. Качаловым и знакомится с режиссером К. С. Станиславским.
- 25. Выезжает из Баку в Москву.
- после 26. В московском издательстве «Современная Россия» выходит книга «Персидские мотивы» с посвящением: «С любовью и дружбой Петру Ивановичу Чагину».
- 28. Возвращается в Москву.
- Июнь, 6. Выезжает в Константиново на свадьбу двоюродного брата И. Ерошина.
- 9. Возвращается из Константинова в Москву.
- до 14. В московском издательстве «Огонек» выходят «Избранные стихи».
- 20. Заключает договор с Госиздатом на издание книги «Рябиновый костер».
- 24—25. Поездка с С. А. Толстой, П. И. Чагиным и его братом В. И. Болдовкиным на дачу в Малаховку к Б. З. Шумяцкому, полпреду и торгпреду РСФСР в Иране.
- 30. Подписывает договор с Госиздатом на издание «Собрания стихотворений» в трех томах.
- Июль, с 9 на 10. Выезжает из Москвы в Константиново.
- 15. Получает в Кузьминском волисполкоме удостоверение личности сроком действия до 15 июля 1928 года.
- 16. Возвращается из Константинова в Москву.
- в период с 19 по 22. Совершает поездку с Д. А. Фурмановым, А.А. Берзинь, Артемом Весёлым и другими в Малаховку на дачу писателя А. И. Тарасова-Родионова.
- 25. Выезжает вместе с С. А. Толстой из Москвы в Баку.
- 28. Прибывает в Баку и в тот же день вечером выезжает в Мардакяны на дачу П. И. Чагина.
- Сентябрь, 3. Выезжает из Баку в Москву.
- 6. Возвращается в Москву.
- 18. Регистрирует брак с С. А. Толстой.
- 25. Журнал «Город и деревня» публикует под названием «Номах (отрывок из пьесы)» часть главы «Экспресс№ 5» драматической поэмы «Страна негодяев» (строки 1—90, 111—161, 178—185, 191—195, 202—217).
- Сентябрь — октябрь. Готовит наборный экземпляр рукописи «Собрания стихотворений» для Госиздата.
- с 7 на 8. Пишет «Сказку о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве».
- 17. Пишет доверенность на имя Е. А. Есениной на получение денег (адресату не передана).
- 20. Получает членский билет Всероссийского союза писателей.
- Ноябрь, 1. «Заря Востока» печатает «Сказку о пастушке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве».
- 2. Выезжает из Москвы в Ленинград.

- 3–6. Находится в Ленинграде.
- 7. Возвращается из Ленинграда в Москву.
- 12–14. Заканчивает один из вариантов «Черного человека» и сдает в печать.
- до 26. Читает стихи в Доме печати — последнее публичное выступление поэта.
- 26. Ложится на лечение в психиатрическую клинику 1-го Московского государственного университета.
- Декабрь, 5. Журнал «Пионер» печатает «Сказку о пастушонке Пете, его комиссарстве и коровьем царстве».
- 6. Пишет доверенность И. И. Есенину на получение 1000 рублей в Госиздате.
- первая половина месяца. Работает над циклом «Стихи о которой», в него должны были войти семь стихотворений, среди них «Кто я? Что я? Только лишь мечтатель...».
- 21. Покидает психиатрическую клинику.
- Пишет в Госиздате заявление с просьбой аннулировать все доверенности, а гонорар выдавать только ему.
- Снимает со сберкнижки почти все имеющиеся деньги.
- 23. Посещает Госиздат, просит выслать гранки своего «Собрания стихотворений» в Ленинград.
- Выезжает из Москвы в Ленинград.
- 24–27. Живет в Ленинграде в гостинице «Англетер». Встречается с Н.А. Клюевым, Г. Ф. Устиновым, Иваном Приблудным, В. И. Эрлихом, И. И. Садофьевым, Н.Н. Никитиным и другими литераторами.
- 27. Пишет «До свиданья, друг мой, до свиданья...».
- Дает доверенность В. И. Эрлиху на получение денег из Москвы.
- в ночь с 27 на 28. Смерть Сергея Александровича Есенина.

Примечания

1

Купырь — растение типа петрушки.

[^^^]

2

дикий лук и чеснок.

[^^^]

3

Шушун — старинная женская верхняя одежда.

[^^^]

4

В настоящее время в этом здании (Б. Строченовский пер., д. 24, стр. 2) находится Музей С. А. Есенина.

[^^^]

5

Судя по другим письмам Есенина, «Пророк» был написан, но текст его до нас не дошел. Поэт познакомил с ним какого-то человека с гуманитарным университетским образованием (его личность не установлена) и тот, по словам Есенина, дал этому произведению высокую оценку.

[^^^]

6

Стихотворение «Королева» было напечатано в редактируемом Деевым-Хомяковским журнале «Доброе утро» в 1918 г., но написано, по его утверждению, в 1913-м или в 1914 г. И это не подлежит сомнению, так как в начале февраля 1915 г. Есенин уже порвал с «суриковцами».

[^^^]

7

Конспирация у Есенина была несложной. Ми.....ов — число точек обозначает число пропущенных букв (министров). На ЦА+РЯ — понятно: на царя.

[^^^]

8

Исследователи много лет разыскивали документы об обыске у Есенина — безрезультатно. Нет записи об этом и в его регистрационной карточке. В квартире, где жил Есенин, жили и другие люди, возможно, охранку интересовал кто-то из его соседей.

[^^^]

9

Эти размышления явно навеяны чтением Л. Толстого.

[^^^]

10

Здесь и далее отразилось увлечение Есенина теософией и необуддизмом, весьма популярными в России в начале XX в.

[^^^]

11

Ныне в здании бывшего университета Шанявского находится Российский государственный гуманитарный университет.

[^^^]

12

Лицо цвета молока (нем.)

[^^^]

13

Слова, которые произносит в опере М. Глинки «Жизнь за царя» («Иван Сусанин») один из персонажей — мальчик Ваня.

[^^^]

14

По законам Российской империи ребенок, рожденный вне брака, не мог носить фамилию отца, даже при его согласии. Уже после смерти поэта Анна Изряднова, так же как мать его младшего сына Надежда Вольпин, через суд, свидетельскими показаниями, установит отцовство Есенина и даст мальчику его фамилию.

[^^^]

15

Прибаски — прибаутки, частушки.

[^^^]

16

Канавушки — бурлацкие песни.

[^^^]

17

Страдания — короткие народные песенки про любовь, обычно 16-сложное двустишие.

[^^^]

18

В настоящее время известно 28 произведений Есенина, напечатанных в 1915 г. в петроградской периодике. Но надо иметь в виду, что некоторые издания, принявшие стихи Есенина, закрылись, другие — так и не вышли в свет. Возможно, Есенин называют цифру 51 и с учетом тех стихов, которые должны были войти в предполагавшуюся к изданию книгу.

[^^^]

19

Существует специальное литературоведческое исследование «Есенин-фольклорист».

[^^^]

20

Ливенка — музыкальный инструмент, род гармони.

[^^^]

21

Гузынить — здесь: петъ бранное.

[^^^]

22

Афонька и Лимпида — герои повести «Яр».

[^^^]

23

Афонька и Лимпида — герои повести «Яр».

[^^^]

24

В 1992 г. повесть «Яр» была экранизирована российско-американским предприятием «Рерих» (сценарист Вс. Иванов, реж. Р. Файзиев). В фильме допущены серьезные отступления от есенинского сюжета.

[^^^]

25

Щипица — колючий кустарник, боярышник или терновник.

[^^^]

26

Слова из стихотворения С. Есенина «В хате» — «пахнет рыхлыми драченами» (драчена — запеченная лепешка из яиц, замешанная на молоке с крупой, мукой или тертым картофелем).

[^^^]

27

Имеется в виду название сборника стихов Игоря Северянина «Ананасы в шампанском».

[^^^]

28

Имеется в виду название коллективного сборника футуристов «Засахаре кры».

[^^^]

29

Клюев родился в Олонецкой губернии.

[^^^]

30

«Бродячая собака» — литературно-артистическое кабаре, к тому времени уже закрытое.

[^^^]

31

Клюев пишет фамилию Михаила Кузмина с ошибкой.

[^^^]

32

Монтетули — собирательный образ.

[^^^]

33

Американские исследователи Дж. Малмстад и В. Марков, основываясь на мнении лично знавшего Кузмина литературоведа и переводчика И. А. Лихачева, также считают, что в этом стихотворении речь идет о романе Николая Клюева и Сергея Есенина. Объективности ради скажем, что это мнение разделяется не всеми.

[^^^]

34

Ясинский Иероним Иеронимович (1850–1931) — писатель, критик, председатель общества «Страда», в котором будет участвовать Есенин.

[^^^]

35

Речь идет о продукции фабрики бумаго-табакерочных изделий московских купцов Лукутиных.

[^^^]

36

Эта карикатура републикована в «Литературном наследстве» (т. 93, с. 227)

[^^^]

37

Радунца — «родительский день поминовения усопших на кладбище на Фоминой неделе; тут поют, едят, угощают и покойников, призывая их на радость пресветлого воскресения» (Даль).

[^^^]

38

Контраст был особенно разителен по сравнению с книгами футуристов, оформленными всегда броско, ярко и красочно.

[^^^]

39

Леха — гряда, межа, полоса.

[^^^]

40

Дежка — небольшая кадка для замешивания теста или сосуд для кваса.

[^^^]

41

Скуфья— головной убор священника в православной церкви, мягкая, остроконечная шапка из черного или фиолетового бархата.

[^^^]

42

Стулов Николай Тимофеевич — совладелец московского торгового дома «П. Стулов и К°», в 1916 г. вместе с Есениным служил в лазарете № 7 для раненых воинов (Царское Село).

[^^^]

43

В 1925 г. при подготовке собрания сочинений он снимет это посвящение. С тех пор стихотворение печатается без него.

[^^^]

44

Еще раньше написано стихотворение «Разбойник», тоже от первого лица. Но там лирический герой скорее соотносится с фольклорным образом разбойника, чем с личностью автора. Стихотворение было напечатано только в 1917 г. Если верить датировкам Есенина, написан «Разбойник» еще в 1915 г. Но его совершенно невозможно себе представить среди тех стихотворений, которые в 1915 г. и были напечатаны.

[^^^]

45

Свей — дорожная пыль.

[^^^]

46

Здесь впервые возникает мотив будущей веревки на шее. В стихотворения «Устал я жить в родном краю», написанном годом позже: «В зеленый вечер под окном/ на рукаве своем повешусь». (Любопытно: Маяковский всегда писал — о «точке пули», Есенин — о веревке — наблюдение Д. Зубарева.)

[^^^]

47

На самом деле картина называлась «Нерон, поджигающий Рим».

[^^^]

48

Мета — здесь: предмет устремлений, цель.

[^^^]

49

Очевидно, речь идет о совещании по подготовке альманаха «Творчество», первая книга которого вышла в 1917 г. и где были напечатаны два стихотворения А. Блока.

[^^^]

50

Протопопов Александр Дмитриевич (1866–1918) — политический деятель, во время революции 1905 г. проявил активность в борьбе с рабочим движением. Сторонник жестокой правительственной политики, в скором будущем начальник жандармского корпуса.

[^^^]

51

Иванов-Разумник — настоящее имя и фамилия Иванов Разумник Васильевич (1878–1946). Ему посвящены поэма Есенина «Преображение» и стихотворение «Осень».

[^^^]

52

Такого же мнения придерживается и литературовед В. Базанов, хотя другие есениноведы утверждают, что Есенин таки да «прыгнул в кусты». В крайнем случае можем согласиться с теми, кто говорит: нам неизвестно, где был Есенин в первые дни марта 1917 г. Но не с огульными обвинениями в трусости.

[^^^]

53

Имя герою, очевидно, дано в честь мартовских событий 1917 г.

[^^^]

54

Купница — от «купна» — вместе. Есенин считает, что «крестьянская купница» продолжает художественные традиции своих древнерусских предков.

[^^^]

55

Козьма Индикоплов — александрийский купец и путешественник начала VI в., отвергавший учение о шаровидности земли и считавший ее плоской и прямоугольной, обнесенной стенами, на которых покоится небесный свод.

[^^^]

56

«Инония — иная страна» — неологизм Есенина.

[^^^]

57

Не приписываем себе это уподобление — это сделали многие критики — современники Есенина.

[^^^]

58

Ср. у Маяковского: «Увидишь собачонку — /тут у булочной одна / — сплошная
плешь, — /из себя/ и то готов достать печенку. / Мне не жалко, дорогая, / ешь!».

[^^^]

59

Сыченая — здесь: медовая.

[^^^]

60

К этому времени «Декларация» уже существовала в наборном виде в верстке воронежского журнала «Сирена».

[^^^]

61

Медуницкий К. К., Стенберги В. А. и Г. А., Светлов С. Я. — ученики Г. Якулова, выпускники Первых государственных свободных художественных мастерских (бывшее Строгановское училище).

[^^^]

62

Эрдман Б. Р. — художник, подписавший «Декларацию имажинизма», брат драматурга Н. Р. Эрдмана.

[^^^]

63

Стихотворение Есенина с таким названием нам неизвестно. Скорее всего имеется в виду поэма «Преображение», со скандально известной строчкой «Господи, отелись!».

[^^^]

64

Эта строчка стала объектом пародии: «Сенцы были, сенцев нет./ Отелился вновь Есенин,/Новомоднейший поэт [...] «Ах, вы, сени мои сени, / Грянуть что ли трепака? Может быть, Сергей Есенин/Даст хоть кружку молока!» (Иван Ерошин).

[^^^]

65

Желающим познакомиться с биографией Я. Блюмкина подробнее рекомендуем книгу: Велидов А. «Похождения террориста». М., 1998 г.

[^^^]

66

Сколько времени провисели эти таблички, неизвестно: по одним данным, несколько часов, по другим — несколько месяцев.

[^^^]

67

Имеется в виду Иванов-Разумник.

[^^^]

68

Исследовательница Л. Занковская видит в этом стихотворении аллегорию на большевистские зверства. Даже если она права, это не противоречит нашей концепции.

[^^^]

69

Повторять здесь сделанное текстологами мы не считаем нужным. Интересующихся направляем к книге Н. И. Шубниковой-Гусевой «Поэмы Есенина. От «Пророка» до «Черного человека»» М., 2001.

[^^^]

70

Стырская Елизавета Яковлевна (1898–1947) — поэтесса, беллетрист, первая жена Эмиля Кроткого, с которым дружил Есенин.

[^^^]

71

Зубакин Борис Михайлович (1894–1938) — поэт-импровизатор, глава русских розенкрейцеров (тайных мистико-религиозных обществ). Есенин был знаком и с Б. Зубакиным и с М. Осоргиным — одним из самых крупных русских масонов того времени. Интерес к эзотерическим учениям, возникший еще в юности, Есенин сохранил на всю жизнь.

[^^^]

72

Кривицкий Марк (настоящее имя Михаил Владимирович Самагин) — литератор, близкий к имажинистам, не отличавшийся большими талантами.

[^^^]

73

It's for a good luck! — на счастье (англ.).

[^^^]

74

Мы покорим весь мир! (нем.)

[^^^]

75

Дункан была принципиальной противницей «буржуазного» брака и никогда ни с кем не оформляла своих отношений. От Зингера — владельца всемирно известных швейных фабрик — у нее был только один ребенок.

[^ ^^]

76

Крэг (Крейг) Генри Эдуард Гордон (1872–1966) — всемирно известный режиссер. Ставил спектакли в Берлине, Флоренции и Москве («Гамлет» Шекспира совместно с К. Станиславским и Л. Сулержицким). Утверждал идею режиссерского театра. Изобрел систему ширм, которая легко трансформировала пространство сцены. Отец сына Дункан — Патрика.

[^^^]

77

Д'Аннуцио Габриеле (1863–1938) — итальянский писатель и политический деятель. Непродолжительное время был любовником Дункан.

[^^^]

78

Юр — бойкое, полное народа место.

[^^^]

79

Такой эпизод из биографии Есенина нам неизвестен, скорее всего, его и не было..

[^^^]

См. Приложение.

[^^^]

81

«Интернационал» тогда был официальным гимном СССР.

[^^^]

82

Лиговка — район в Петрограде, пользовавшейся дурной славой.

[^^^]

83

Ремейк известных строк Н. Некрасова «Бывали хуже времена, но не было подлей».

[^^^]

84

Шпенглер Освальд (1880–1936) — немецкий философ, историк.

[^^^]

85

Его главное сочинение «Закат Европы».

[^^^]

86

Львов-Рогачевский (настоящая фамилия Рогачевский Василий Львович, 1874–1930) — советский критик, неодобрительно отзывался о Есенине.

[^^^]

87

У Маригофа были длинные, прямые, гладкие волосы.

[^^^]

88

Ср. с «Записками сумасшедшего» Гоголя «Дайте мне тройку быстрых, как вихрь коней! Садись, мой ямщик, звени, [...] Матушка! Спаси твоего бедного сына! [...] Матушка, пожалей о своем бедном дитятке!.. А знаете ли, что у алжирского бея под самым носом шишка?» Гоголь был любимым писателем Есенина.

[^^^]

89

Искаженные строчки Маяковского «Есть люди разных вкусов и кусиков: /Одним нравлюсь я, а другим — Кусиков».

[^^^]

90

Герой гоголевских «Записок сумасшедшего» Поприщин так отмечал даты своих записей: «Некоторого числа. День был без числа»; «Числа не помню. Месяца тоже не было. Было черт знает что такое».

[^^^]

91

Морщъ — здесь: трещины в старых бревнах, как морщины на лице.

[^^^]

92

Есенин имеет в виду поэму Маяковского «150 000 000». Что бы он сказал по поводу цикла «Стихи об Америке», написанного после личного посещения Маяковским Америки в 1925 г., где «агитатор и горлан» выполнял «социальный заказ»?!

[^^^]

93

Есенин иронически перефразирует строки поэмы В. Маяковского «150 000 000»: «В Чикаго/14 тысяч улиц,/солнц площадей лучи [...] Чудно человеку в Чикаго».

[^^^]

94

Аллюзия на повторение реплики трех сестер из одноименной пьесы А. Чехова: «В Москву! В Москву».

[^^^]

95

Так Есенин шутливо называл жену Мариенгофа А. Никритину.

[^^^]

96

Этот образ имеет вполне конкретного прототипа — Александр Михайлович Краснощеков (Абрам Моисеевич Тобинсон, (1880–1938). Социал-демократ, он во избежание очередной ссылки в 1902 г. эмигрировал. Окончил Чикагский университет по экономическим и юридическим наукам, состоял в американской Социалистической партии. В 1917 г. вернулся в Россию, вступил во фракцию большевиков. В 1920–1921 гг. был председателем правительства и министром иностранных дел Дальневосточной республики. Пытался создать там структуру государственного управления наподобие американской. В 1922 г. приехал в Москву и при поддержке Ленина стал заместителем наркома финансов. В первой половине 20-х гг. в России не существовало более популярной в финансовом мире фигуры. Есенин был лично знаком с Краснощековым.

Любопытно, что русская поэзия обязана Краснощекову не только образом Рассветова, но и поэмой Маяковского «Про это». Именно роман Краснощекова с Лилей Брик и послужил поводом к ее написанию.

[^^^]

97

Многие исследователи считают прототипом Чекистова Л. Троцкого. Мы не согласны с этим мнением. Чекистов — герой однозначно отрицательный. А отношение Есенина к Троцкому было очень сложным, и скорее уважительным. Чекистов — образ собирательный.

[^^^]

98

Буфера — комментаторы считают, что это намек на «буферную» платформу Н. Бухарина, но не исключено, что Есенин имеет в виду «буферную» Дальневосточную республику, которой правил Краснощеков (Рассветов).

[^^^]

99

Ильинка была финансовым центром города, там располагались биржа и банки..

[^^^]

100

Теткой в определенных писательских кругах называли ГПУ.

[^^^]

101

Есенин имеет в виду эпилепсию. На самом деле у него эпилепсии не было.

[^^^]

102

Г. Бениславская перечисляет имена «новокрестьянских поэтов», которые непременно хотели видеть Есенина в своих рядах, — все они были яркими антисемитами.

[^^^]

103

Бениславская не точно излагает события. Впрочем, в биографии Ключева этого периода некоторые вопросы до сих пор остаются непроясненными.

[^^^]

104

Клюева этого периода некоторые вопросы до сих пор остаются непроясненными.

[^^^]

105

См.: Иванова Е. Чуковский и Жаботинский. М. — Иерусалим, 2005 г.

[^^^]

106

Впоследствии Есенин переделал это стихотворение, и сейчас оно печатается в другой редакции — обращения к Кусикову там нет. Кому как, но лично нам больше нравится первый вариант.

[^^^]

107

Слова М. Лермонтова.

[^^^]

108

Г. Бениславская в то время работала секретарем редакции газеты «Беднота».

[^^^]

109

Осоргин Михаил Андреевич (1878–1942) — писатель, эсер, до революции — журналист-международник, после возвращения в Россию в 1916 г. до закрытия оппозиционной прессы писал в основном на внутренние темы, рьяный противник большевиков и Октябрьской революции.

[^^^]

110

В Богословском переулке, в квартире Мариегофа, в то время жил Есенин

[^^^]

111

Цитата из стихотворения Н. Гумилева «Пьяный дервиш».

[^^^]

112

Г. Бениславская имеет в виду строчки Лермонтова: «Любить? Но кого же? / На время не стоит труда, / А вечно любить невозможно».

[^^^]

113

Виноградская Софья Семеновна (1901–1964) — писательница, жила в одной квартире с Галиной Бениславской. Автор воспоминаний о Есенине.

[^^^]

114

Приблудный Иван (настоящее имя Яков Петрович Овчаренко, 1905–1937) — поэт, принадлежал к группе «новокрестьянских» поэтов. Впоследствии сыграет неблагоприятную роль в разрыве Есенина с Бениславской. Прототип Ивана Бездомного в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита».

[^^^]

115

Вероятно, имеется в виду книга «Русская поэзия XX века. Антология русской лирики от символизма до наших дней» (М., 1925. Составители И. Ежов и Е. Шамурин), в которой было опубликовано 24 стихотворения Есенина, отрывок из автобиографии и краткая библиография.

[^^^]

116

Воронский Александр Константинович (1884–1937) — критик, редактор журнала «Красная новь», где печатался Есенин.

[^^^]

117

Очевидно, Есенин думал, что Сосновский — псевдоним, за которым скрывается еврейская фамилия. Он ошибался.

[^^^]

118

Попутчиками марксистская критика 1920-х гг. называла писателей непролетарского происхождения, не выражающих идеологию пролетариата (как она понималась литературным начальством), но заявлявших о своей лояльности к советской власти. «Попутчики» считались писателями как бы второго сорта.

[^^^]

119

В ноябре 1923 г. Гитлер, вместе со своими соратниками Каром и Людендорфом впервые попытался совершить фашистский переворот. Начало было положено в мюнхенской пивной.

[^^^]

120

Чагин (настоящая фамилия Болдовкин) Петр Иванович (1898–1967) — второй секретарь ЦК Компартии Азербайджана и редактор газеты «Бакинский рабочий».

[^^^]

121

Объективности ради скажем: существует и другая версия: вся эта история с падением с лошади от начала до конца — выдумка Есенина. На самом деле имела место попытка самоубийства.

[^^^]

122

Бардин (настоящая фамилия
(1890–1941) — критик, публицист.

Мгеладзе)

Илларион

Виссарионович

[^^^]

123

Берзинь Анна Абрамовна (1897–1961) — редактор и, по-видимому, возлюбленная Есенина. Принимала активное участие в его издательских делах.

[^^^]

124

Правильно: Шмерельсон Григорий Бенедиктович (Венедиктович, 1901–1943?). — поэт, принадлежал к группе ленинградских имажинистов.

[^^^]

125

Самое известное и самое длинное стихотворение Вольпина «Ворон» перекликается с «Черным человеком» Есенина. Тезис этот, разумеется, требует доказательств. Когда-нибудь, может быть, сподобимся, но не здесь и сейчас.

[^^^]

126

Желающих узнать о Есенине-Вольпине подробнее отсылаем к: Есенин-Вольпин А.С. Философия. Логика. Поэзия. Защита прав человека. М., 1999.

[^^^]

127

Мануйлов Виктор Андронникович (1903–1987) — поэт, литературовед, во время общения с Есениным — студент.

[^^^]

128

На самом деле Есенин не был в Константинове 3,5 года.

[^^^]

129

До сих пор точно не выяснено, было ли сменовеховство инспирировано большевиками, чтобы расколоть эмиграцию, или они только воспользовались этим движением.

[^^^]

130

Вольпин Владимир Иванович (1891–1956) — литератор, издатель, двоюродный брат Н. Вольпин, друг Есенина.

[^^^]

131

Ионов (настоящая фамилия Бернштейн) Илья Ионович (1887–1942) — поэт, участник революционного движения. Неоднократно арестовывался и ссылался. Сидел и в Шлиссельбургской тюрьме. После Октябрьской революции заведовал Петроградским отделением Госиздата. Летом 1924 г. Есенин, будучи в Ленинграде, общался с ним почти ежедневно.

[^^^]

132

Об А.А. Берзинь см. прим. на с. 224.

[^^^]

133

Об А. К. Воронском см. прим. на с. 209.

[^^^]

134

На этот документ обратил наше внимание Д. Зубарев.

[^^^]

135

Большаков Константин Аристархович (1895–1938) — поэт, прозаик. В дореволюционное время примыкал к футуристам, Буданцев Сергей Федорович (1896–1940) — писатель.

[^^^]

136

Тигулейка — помещение для арестантов в милиции.

[^^^]

137

Современная медицина не пользуется термином «грудная жаба». Очевидно, Есенин имеет в виду частые приступы стенокардии (боли в груди, ощущение смертельного страха, бледное лицо, холодные руки, холодный пот).

[^^^]

138

Вержбицкий Николай Константинович (1889–1973) — сотрудник газеты «Заря Востока». В Тифлисе часть времени Есенин прожил на его квартире.

[^^^]

139

Имеется в виду Повецкий Лев Иосифович (1885–1974) — журналист. Познакомился с Есениным в 1918 г. и поддерживал с ним дружеские отношения до самой смерти поэта. Особенно сблизились они в 1924–1925 гг., во время пребывания Есенина в Батуми.

[^^^]

140

Имеется в виду Маргарита Лившиц, с которой у Есенина был роман параллельно с Бениславской.

[^^^]

141

Кто скрыт под литерой «Л» неизвестно, предположение, что это Лев Седов, сын Троцкого, ни на чем не основано. Дальнейшие события показали, что «хороший» Л. не вытеснил из Галиного сердца «плохого» Есенина.

[^^^]

142

Сообщено Д. Зубаревым.

[^^^]

143

На самом деле не так уж много: 4–5 стихотворений. Замечательных.

[^^^]

144

Конфликт Есенина с Луначарским произошел не два, а четыре года назад. После статьи наркома просвещения в «Известиях», где он писал, что имажинисты занимаются «проституированием таланта, вываленного предварительно в зловонной грязи». А главное, требовал привлечь их к ответственности за незаконное добывание бумаги.

[^^^]

145

Венка — разновидность гармонии.

[^^^]

146

В Баку, как уже говорилось, Есенина обокрали, и он остался без пальто. Выручил Фрунзе.

[^^^]

147

Некоторые современные историки отрицают факт намеренного убийства Фрунзе. Но нам не важно, как было в действительности, важно, что думал и как переживал это событие Есенин.

[^^^]

148

Грузинов Иван Васильевич (1893–1942) — поэт, член Ордена имажинистов.

[^^^]

149

Губанов Леонид Георгиевич (1946–1983) — поэт, основатель СМОГа — первого неофициального объединения творческой молодежи в СССР, в середине 1960-х гг.

[^^^]

150

Есенин имеет в виду не теорию, а практику Павла I, которой беспощадно карал солдат и офицеров за малейшую ошибку.

[^^^]

151

Настроение Есенина более ярко выражено в дальнейших строках этого стихотворения, процитированных на с. 251–252.

[^^^]

152

У Есенина — «Мне пока горевать еще рано». Может быть, Бениславская неточно запомнила, а может быть, она приводит какой-то неизвестный нам вариант.

[^^^]

153

Желающих ознакомиться подробнее отсылаем к книге: Смерть Сергея Есенина. Документы. Факты. Версии. М., 2003 г.

[^^^]

154

См. Приложение.

[^^^]

155

Экстгумация не была проведена.

[^^^]

156

Использованы материалы Хронологической канвы жизни и творчества С. А. Есенина// Собр. соч. в 7-ми тт. М., 1995–2000.

[^^^]